

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS12v 467.26

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1831
МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

1831. № 22. ДОЛБЕЕЪ.

I. Отрывки изъ романовъ французскаго сочиненія въ
Гендѣнѣ (Н. М. Вострикова)..... 168

II. Стихотворенія.

1. Жизнь (соч. Г. Фоль-Бейера)..... 172

2. Башкетъ (А. Н.-)..... 175

III. Записка Коннетабля Норвежск. Е-жи Магнуса
Conantius..... 177

IV. О уривкахъ Виктора Гюго: *Pan d'Islande*
(изданіе 3-е, Парижъ, 1829 г. 4 т.)—*Voy-
Jurnal* (изданіе 3-е, Парижъ, 1829 г. 3
т.)—*Le dernier jour d'un Condanné* (изданіе 2-е,
Парижъ, 1829 г.)—*Notre-Dame de Paris* (из-
даніе 2-е, Парижъ, 1831 г. 2 т.)..... 218.

V. Современная библиографія.

РУССКІЕ КНИГИ 1831 г. (Сочиненія и пере-
воды Г. Гордеевичева—Обзоръ принциповъ
справки въ Россіи, съ концами Петра Ле-
вковскаго, А. Волынского—Сказанія и Ди-
митрія Сидоровича. Пер. Н. Успенскаго—
Исторія Княжества Псковскаго—Церков-
ныя житія Митрополита Платона, Ф.
М. Снегирева, житія И.—Исторія Дружескаго
К. Паванскаго—Исторія Англіи, разсказанная
дѣтскимъ—Писемца И. И. Вѣликаго, изданія А.
П.—Почтовая Государственаго Вѣстникаго,
Соч. Н. М. Карамзина. Изданіе третье—
Сочиненія Державина. Второе изданіе..... 241.

Во второй части *Записки*, относящейся к Троицкому монастырю, описаны Спиритического монастыря, по указу Г-на Губернатора-Курляндского, листа № 2-го, прилагаются по принадлежности следующие листы:

АДВОКАТЪ Губернатора Курляндскаго Князя. СПб. 1831 г.; въ бумагахъ 3 рубля. 200.

ИСТОРИЯ ПЕРВОЕ ДУ СЪВѢЩЕНІЕ ПЕРВОГО. соч. Князя Николая Павловича Губернатора Курляндскаго. СПб. 1831 г.; въ бумагахъ 3 рубля. 200.

О ГЛАВЕНСТВЕ ВОСПИТАНИЕ ДѢТСКАГО ВОССТАВЪ. соч. Доктора Вспредева. М. 1831 г.; въ бумагахъ 1 рубль. 50 коп.

ВОСПОМІНАНИЕ О СОВѢЩЕНІИ Г-НА ЗЕМЛЕВНА (Quelques souvenirs sur le slobin-sobin). М. 1831 г.; въ бумагахъ 5 рубль. 200.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ПОДЪ НАРВОЮ, въ 1700 году, въ побѣдѣ надъ Эстляндскаго крестянства, способствующаго побѣдѣ Шведовъ надъ Нарвою, сочиненнаго по старинному испанскому, соч. Якова де Сангузана. М. 1831 г.; въ бумагахъ 1 рубль. 50 коп.

ПОВѢСТЬ СЪРАДАМЦА; соч. Н. Балькова. М. 1831 г.; въ бумагахъ 2 рубль.

ГЛАВЕНСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦІЯ, или война Романтизма съ Классицизмомъ. Сатирическая повѣсть новаго рода, взятая изъ идеальнаго міра. соч. Д. Сивова. М. 1831 г.; въ бумагахъ 2 рубль.

ДОСТОПАМЯТНОСТИ ВЕНЕВА МОНАСТЫРЯ. М. 1831 г.; въ бумагахъ 2 рубль.

ДОРОШЕНКО. Историческая повѣсть въ стихахъ, взятая изъ Малороссійскихъ лѣтописей XVII вѣка. М. 1831 г.; въ бумагахъ 2 рубль.

53

Въ Кондартъ Московскаго Телеграфа, исполщенъ у Тлерскаго зорень, напечатанъ Спиритнаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсикова, подл. № 2-мъ, продаются по издмисрси слѣдующія книги:

АДОЛЬФЪ. Романъ Белшамевъ-Ковшова. Сиб. 1831 г. въ бум. 5 рубл. асс.

ИСТОРИЯ ПРУССИИ ДО ФРИДРИКА ВЕЛИКАГО, соч. Камилла Пиганеля. Перел. съ Французскаго. Сиб. 1831 г. въ бумажѣ 5 рубл. асс.

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА. Соч. Доктора Непребцева. М. 1831 г.; въ бум. 1 руб. 50 коп.

ВОСПОМИНАНИЕ О СОЧИНЕНІИ Г-НА ЭНИХЕНА (Quelques réflexions sur le choléra-morbus). М. 1831 г.; въ бумажѣ 5 рубл. асс.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ПОДЪ НАРВОЮ, въ 1700 году, съ изображеніемъ Эстляндскаго крестянника, собственноручнаго побѣды Шведовъ подъ Нарвою, свинерованнымъ со стариннаго эстампа; соч. Якова де Санглена. М. 1831 г.; въ бумажѣ 1 руб. 50 коп.

ПОВѢСТЬ СТРАДАЛЬЦА; соч. Ц. Ельнова. М. 1831 г.; въ бумажѣ 2 рубл.

УМСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦІЯ, или война Романтизма съ Классицизмомъ. Сатирическая повѣсть новаго рода, взятая изъ идеальнаго міра. соч. Д. Симова. М. 1831 г.; въ бум. 2 рубл.

ДОСТОПАМЯТНОСТИ ВЕНЕВА МОНАСТЫРЯ. М. 1831 г.; въ бум. 2 рубл.

ДОРОШЕНКО. Историческая повѣсть въ стихахъ, взятая изъ Малороссійскихъ лѣтописей XVII вѣка. М. 1831 г.; въ бумажѣ 3 рубл.

53

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ О ГЕОЛОГІИ (*).

Полезьа Геологій для Исторіи.

Представляя перевороты земнаго шара, до-
временные роду человѣческому, Геологія долж-
на служишь какъ-бы непосредственнымъ введе-
ніемъ въ Исторію. Кромѣ того, она полезна
для разобранія древнихъ машеріаловъ сей высо-
кой науки, и даже для прѣмага ея объясненія.

Такъ знаніе Геологій объясняешь нѣкошорыя
мѣста *Геродота* гораздо лучше, нежели самыя
оспроумныя догадки Филологій, или вообще
Классической учености. Положительныя Есте-
спвенныя науки много возсшановили довѣренно-
сти къ *Геродоту*, кошораго Липшерашоры,

(*). Спѣшимъ познакомить публику съ новымъ со-
чиненіемъ Авшора, кошорый уже неоднократно укра-
шалъ Телеграфъ своими превосходными спашьями.
Изд. Тел.

Ноябрь 1831.

11

впрочемъ весьма просвѣщенные, но лишепные по-
собій, заключающихся въ свѣдѣніяхъ о природѣ,
начали было почищать опцемъ лжей, а не Ис-
торіи, за множесиво упверждаемыхъ имъ фак-
товъ, казавшихся совершенно невѣроятными. Но
чѣмъ болѣе знакомились съ натурою, тѣмъ болѣе
убѣждались, что самые невѣроятные факты *Ге-
родотовы* имѣютъ основаніе справедливое. Ка-
кія измѣненія, или изуродованія, выраженій сего
древняго Историка, какіе ученые комменсаріи,
испещренные Лапидскими и Греческими ссылка-
ми, оправдать могутъ для разсудка слова его,
когда онъ говоритъ о славныхъ золотиспыхъ
рудникахъ, въ сѣверныхъ горахъ Индіи, разра-
бошываемыхъ будшо муравьями величиною съ
лисицу? Слова эти переспяютъ казаться нелѣ-
посшю, говоритъ *Броньяръ*, когда, обогащен-
ная извѣсшями пупешесшвенниковъ Геологія
узнала о сущесшвованіи въ Маломъ Тибетѣ зо-
лотиспыхъ россыпей, которыя выказываются
изъ норъ, вырываемыхъ нѣкопоруи небольшими
чешвероногими живошными; сихъ живошныхъ
могли назвашъ въ древности муравьями, или
по сравненію, или по нѣкопорому сходстпу,
или по какой нибудь испорченности названія.
Приведемъ съ *Броньяромъ* (*) другой примѣръ

(*) Dictionnaire des sciences naturelles, etc. de *Levaullé*
t. 31. (1824), pag. 314.

въ доказательствѣ того, какъ Геологiя объясняетъ можеть Историковъ, и служить для Историі. Конечно однимъ изъ невѣроятнѣйшихъ Историческихъ свидѣтельствъ можеть показаться свидѣтельство о томъ источникѣ, въ которомъ мылись Егiпцы, для приобрѣтенія долговременной жизни, который давалъ пѣлу ихъ масляный лоскъ и фиалковый запахъ, и въ которомъ вода была какъ ипонка, что самое легкое дерево не могло на ней держаться. Не объясняется-ли это, до нѣкоторой степени, тѣмъ, что сія вода содержала, можеть быть, нефть, сію легкую и пахучую смолу, которая часто находится въ соѣдствѣ съ почвою, свойственной каменной соли, сообщающей фиалковый запахъ даже многимъ солончакамъ, гдѣ выпаривается соляная вода?

Но не исполкованіями только Историческихъ матеріаловъ, а прямымъ приложеніемъ Геологiи можеть быть полезна для Историі. Переселенія народовъ, измѣненія языковъ, пребываніе, для своего объясненія, между прочимъ, знанія горъ и долинъ, ихъ центральныхъ пунктовъ, направленія ихъ вѣтвей, ихъ границъ, знанія также рѣкъ, вообще распредѣленія водъ. Не естественнѣе-ли предполагать, что народы, въ переселеніяхъ своихъ, шли по скамамъ горъ и направленію почвы, останавливались тамъ, гдѣ

встрѣчали препятствія для дальнѣйшаго пути, или гдѣ напротивъ находили физическія удобства. Но мы оспариваемъ самимъ чинашелямъ дѣлать дальнѣйшіе выводы; для насъ достаточно намекнуть только о возможности и пользѣ ихъ. Справедливое понятіе о физическомъ состояніи земнаго шара въ отдаленныя отъ насъ, впрочемъ Историческія уже, времена, можешь показать не мало истины тамъ, гдѣ не лзя найдши ея ни у древнихъ писателей, жившихъ въ вѣка невѣдѣнія по сему отношенію, ни у новыхъ распространителей ихъ заблужденій. Объяснимъ примѣромъ; возьмемъ изъ примѣровъ такой, кошорый можешь отнестись къ намъ Рускимъ въ особенности. Есть много доказательствъ, что еще во времена *Страбона* центръ Россіи былъ покрытъ водою, и едва-ли могъ быть обитаемъ. Какой-же повѣркѣ должны быть подвергнуты всѣ сказанія древнихъ о Скиѣскомъ племени? Еще и теперь приморскія области Сѣверной Европы, отъ Кале до Финляндскаго пролива, можно почестъ огромнымъ болотомъ, просширающимся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Слѣды древняго моря еще, такъ сказать, очень свѣжи. Можно-ли осуждать *Бори де Сен-Вен'сана* за то, что онъ сильно опорочиваетъ мнѣніе, почтавшееся, и отъ многихъ, можешь быть, еще почтающееся, аксіомою, будто *officina gentium* была въ шѣхъ низмен-

ныхъ мѣспахъ, гдѣ, менѣе нежели за 3000 лѣтъ передъ симъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, росли морскія распенія и паслись безбоязненно племени (*)?

Но разнообразныя могутъ родиться въ умѣ Историки мысли и соображенія ошъ свѣдѣній Геологическихъ. Богатство, успѣхи цивилизаціи, разныя привычки и вкусы народа не должны-ли зависѣть много ошъ свойства минеральныхъ веществъ, копорыми онъ располагашъ можешъ? Не близъ-ли Лигуріи, покрышой мра-

(*) Въ весьма занимательномъ *Письмѣ морскаго офицера къ Издателю Телеграфа*, помѣщенномъ въ 13-мъ № сего Журнала 1831 года, читаемъ: «Изъ « лѣпописей Скандинавскихъ видно, что мореходцы « ея въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. имѣли сообщеніе « съ прибрежными народами Каспійскаго и Чернаго « морей, будшо-бы по водамъ, значительнo покрывав- « шимъ нынѣшнюю Европейскую Россію. Откинувъ « послѣднее, какъ неимовѣрное, » и проч.... Смѣло утверждаемъ, что *послѣднее* ничушъ не *неимовѣрно*. Утверждаемъ также, что и Г. *Полевой* могъ сказашъ въ собственномъ смыслѣ слѣдующія слова, копорыя онъ сказалъ въ переносномъ: «Тогда все проспранство « земель, именовавшееся нѣкогда *Иперборейскимъ*, « *Скивскимъ*, *Сарматскимъ*, можно было уподобить « спранъ, въ копорой слились воды морей, землѣ уже « видимой, но неупроенной.» *Ист. Русскаго народа*, томъ 2. стр. 15.

морными чертогами, находится Ломбардія, гдѣ дома спроятся только изъ кирпича? Римъ безъ правершинныхъ каменоломней. Парижъ безъ грубаго известняка и гипса, Пенсербургъ безъ гранишныхъ *эратическихъ* кусковъ, не лишились-ли бы чрезвычайно много красоты своей и удобносней? *Микель Анджело* въ одинакомъ-ли стилѣ могъ воздвигать зданія и въ Парижѣ и въ Римѣ, имѣвъ матеріалами весьма различный камень? Нѣтъ сомнѣнія, что народъ, говорящій однимъ языкомъ, живущій подъ одними законами, но надѣленный отъ природы различными минеральными богатствами, получитъ со временемъ различныя обыкновения и даже способности.

Распавшіяся части коры земной (*).

§ Опломки вообще.

Шаръ земной осыпанъ своими опломками. Количество ихъ неимоверно, величина — отъ исчезающей изъ виду пылинки до массъ огромнѣйшихъ. Сія опломки занимають не только

(*). Здѣсь говорится о *распавшихся частяхъ* только въ смыслѣ геогностическомъ; въ геологическомъ смыслѣ мы говоримъ объ нихъ въ другомъ мѣстѣ.

безчисленныя мѣста на земной поверхности, но и въ ея внутренности, подъ прерпичными и вшоричными образованіями. Чрезвычайно важно общіяшельство : что одни изъ нихъ произошли , и происходятъ , отъ распаденія близкихъ къ нимъ массъ ; другіе — отъ разрушенія такихъ массъ , копорымъ подобныхъ нѣтъ въ помъ краѣ , гдѣ лежатъ сіи опломки.

Распавшіяся части , по различной величинѣ называются : *пескомъ* , *хрящемъ* , *кругляками* , и , по величинѣ и происхожденію , *эратитескими хусками*.

§ Песокъ.

Кому не извѣстно , какое множество песка находится въ природѣ ? Какое ужасное пространство занимаетъ онъ въ степяхъ Коби и Сагары ! Но не однѣ степи сія составляютъ его царство ; оно простирается по дну всѣхъ водоемовъ , отъ малѣйшаго ручья до Океана , и разсыяно по безчисленнымъ пунктамъ , какъ на поверхности земли , такъ и въ глубинахъ ея , входя въ составъ весьма многихъ образованій (§§) , и составляя цѣлыя образованія (§). Не должно однако думать , чтобы всякій песокъ , или вообще всѣ порошисныя вещества , произошли вслѣдствіе распаденія частей , нѣкогда цѣльныхъ ; многія изъ нихъ , рав-

но и несбкъ, получили порошкисшув свою форму ошъ первоначального своего химического происхожденія (*). И шакъ не удивительно, что несокъ встрѣчается иногда въ видѣ совершенныхъ кристалловъ: шаковъ найденный при разрышнн поты подъ основанія Нѣмльскаго моста (**). Впрочемъ несокъ, разснашриваемый въ увеличительное снско, не показиваетъ обыкновенно никакой правильной кристаллизацин, а предсшавляетъ осколками, съ опломанными и округленными углами.

Въ древнихъ пескахъ находящяся драгоценные или полезные металлы и минералы; напр.: золото, платина, олово, рубины, сафиры и др. (§); и самые сн драгоценные минералы имѣютъ иногда несочную форму: шакъ *Патрен'* говоритъ о нѣкошоромъ пескѣ, привезенномъ изъ Египта, и содержащемъ множество микроскопическихъ кристалловъ, именно сафировъ всякихъ цвѣшовъ, кристалловъ прозрачныхъ и прекраснаго изумруднаго цвѣша (***)

(*) Сей послѣдннй родъ песка назовемъ *самороднымъ*, первый — *развалиннымъ*.

(**) *Romé-Delisle*, *Cristallogr.* t. II. p. 65.

(***) *Nouveau dictionnaire d'hist. nat. de Deterville.* t. 30. p. 9.

Но хотя пески бивають разныхъ родовъ, однако масса ихъ преимущественно кварцевая, и количество всѣхъ другихъ родовъ ихъ незначительно передъ кварцевымъ. Это явленіе зависить отъ того, что не всѣ минеральныя вещества могутъ превращаться въ песокъ отъ распадаенія своего. Распадаются пескомъ способны особенно песчаники и крупнозернистыя граниты; известняковыя и глинистыя каменности распираются уже въ пыль, которая оплывается отъ песка шѣмъ, что въ смѣси съ водою даетъ шѣсто (*); каменности сланцевыя и сплошныя, вообще однородныя, ломаются плоскими и угловатыми осколками, какъ дерево. Твердость кварца причиною, что песокъ не распирается въ повсюду пыль, а сохраняетъ величину ошупительныхъ зернышковъ.

(*) Сдѣлаемъ неумѣстное здѣсь, но не безполезное замѣчаніе о веществахъ, употребляемыхъ къ постройкѣ дорогъ, и не дающихъ шѣста въ смѣси съ водою.

Вещества, которыми окаменяются дороги, какія бы они ни были, превращаются со временемъ въ пыль. И такъ, прежде употребленія ихъ на дороги, надобно удостовериться, не вяжутся ли пыль ихъ съ водою въ шѣсто; ибо опытъ показалъ, что вещества, которыхъ пыль не составляетъ съ водою шѣста, отличаются прочностью и дешевизною передъ другими матеріалами, употребляемыми для окаменѣнія дорогъ.

§ Хрящъ.

Очень грубый песокъ, съ горошину и до орѣха или миндалина величиною, называется *хрящемъ*. Хрящъ рѣдко встрѣчается на вершинѣ горъ, но большею частію на двѣ большихъ равнинъ, или на оплогихъ косогорахъ: впрочемъ, такъ-же какъ и мѣлкій песокъ, онъ копорого оплывается только величиною, бываетъ, огромными осадками, какъ на поверхности, такъ и внутри земли, а чаще въ руслѣ рѣкъ, или у береговъ морскихъ. Есть, по *Броньару*, хрящъ *раковистый*, составляющій особенныя образованія (§).

§ Кругляки.

Куски различныхъ каменностей, болѣе или менѣе преніемъ округленные, отъ орѣха до яйца и больше величиною, называются *кругляками* или *валунами*. Количество ихъ такъ велико, что они составляютъ многія образованія (§§), нагромождаясь горами, заваливая мелководія и превращая ихъ въ обширныя долины.

Округленность или обшершость кругляковъ различна, не только отъ неодинакой силы пренія, на нихъ дѣйствовавшей, но и отъ разна-

го минеральнаго ихъ свойства. Такъ кварцы (*) принимають часто ийдевидную форму, заостренную съ одного конца ; кремни лишаются угловъ своихъ , но удерживають выдавшіяся свои части ; порфиры , гранины обпираются въ правильные сфероиды ; сланцы и слюдистыя каменности получаютъ всегда плоскій видъ , попому что раздѣляются на пластинки или листки , и легко переляють углы краевъ своихъ ; сплошные известняковые камни округляются тѣмъ правильнѣе , чѣмъ однороднѣе шкань ихъ , и чѣмъ они плоснѣе и шверже ; каменности мягкія или хрящеватыя не образують валуновъ , но превращающся скоро въ илъ , или въ хрящъ и песокъ .

Соссюрь и многіе другіе Геогности доказали , что кругляки узкихъ долинъ , лежащихъ между высокими горами , принадлежатъ всегда къ каменностямъ сихъ самыхъ горъ ; а кругляки равнинъ , или большихъ долинъ , входящихъ въ равнины , часто занесены въ сіи мѣста изъ весьма отдаленныхъ краевъ .

Но самыя поразительныя , какъ величиною такъ и происхожденіемъ своимъ , распавшіяся части сушь :

(*) Кварцовыя валуны называются обыкновенно *гольшамми* .

§ *Эрратическіе куски* (*)

Симъ именемъ называющіяся огромные камни, отъ нѣсколькихъ вершковъ до нѣсколькихъ саженей въ поперечникѣ (**), разсыянные, въ болѣе или мѣнѣешемъ количествѣ, на долинахъ, на скасахъ и даже на гребняхъ горъ, имѣющихъ почву, совершенно опличную отъ существа сихъ камней.

Отъ валуновъ они опличаются несравненно большимъ своимъ объемомъ, показывающимъ, что причина ихъ переноса была гораздо сильнѣе, и, вѣроятно, совсѣмъ особеннаго рода; опличаются взаимнымъ разстояніемъ кусковъ, которые разсыяны, и не рѣдко набросаны кучами, нагромождены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иногда они лежатъ на твердой почвѣ, гдѣ нѣтъ ничего другаго переноснаго, кромѣ сихъ камней (Альпы, Юра); иногда же какъ-бы зарыты въ тонкомъ пескѣ, неимѣющемъ ничего общаго съ ихъ свойствомъ и происхожденіемъ (Вестфальскія равнины). Чашо углы ихъ при-

(*) Матеріалы для сей статьи' объ эрратическихъ кускахъ взяты изъ сочиненія: *Tableau des terrains qui composent l'écorce du globe etc. par Al. Brongniart. Paris, 1829. in-8. pag. 73—84.*

(**) Огромные куски могутъ называться *глыбами*.

шуплены и какъ-бы округлены, но не рѣдко также углы и края ихъ оспры; что никакъ не сообразно съ понятіемъ о сглаживаніи качашельнымъ дѣйствіемъ воды.

Каменности, изъ которыхъ они состоятъ, однородныя и разнородныя, принадлежатъ почти всѣ къ первичнымъ или переходнымъ кряжамъ; это: граниты, пропегиты, сіениты, эфопиды, амфиболиты, діориты, шеашисты, шраппиты, кварциты, песчаники, доломиты, сахаровидные и сплошные известняки, мраморы, люкуллиты, афаниты и пр.

Довольно поспоянно и примѣчашельно то, что сіи древнія каменности расположены на гораздо новѣйшихъ кряжахъ; слѣдовашельно причина ихъ перемѣщенія случилась уже послѣ сихъ новыхъ кряжей, на которыхъ они лежатъ. Не менѣе также примѣчашельна ихъ великая опдаленность отъ цѣпей горъ, отъ пригорковъ, или вообще отъ кряжа, откуда-бы они могли быць опорваны, и откуда иногда опдѣляющся, или безмѣрными равнинами, или великими долинами, или наконецъ широкими и глубокими морскими рукавами.

Находящся они во многихъ мѣстахъ, какъ въ Спаромѣ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ.

Первыя и самыя любопытныя наблюденія ка-

сательного объема, обилия и положенія эррапическихъ камней, сдѣланы надъ шѣми изъ нихъ, копорые находяпся на западной подошвѣ Альповъ, особенно на воспочныхъ скапахъ Юры, обращенныхъ къ сей великой цѣпи, и отдѣленныхъ отъ нее широкимъ и длиннымъ доломъ Ааръ. Здѣсь, на известняковыхъ гребняхъ Юры, возвышающихся надъ долиною болѣе чѣмъ на 500 мешровъ, въ лощинахъ, копорыми отдѣляются взаимно сіи гребни, и копорыя какъ бы ущемлены въ высокыхъ стѣнахъ скалъ (чпд особенно видно въ долахъ Травера и Сеншъ-Имьера), находяпся большія груды огромныхъ гранитныхъ и другихъ, выше названвыхъ, камней, имѣющихъ иногда 12 мешровъ въ длину и 7 въ ширину. Они всегда лежатъ на поверхности почвы, и много если покрыты расщепельною землею или переноснымъ пескомъ, но никогда въ каменности, даже никогда въ помѣ сборѣ обтерпыхъ кругляковъ, копорый называется Гомфолипомъ (Nagelfluhe). Камни каждаго канпона довольно между собою сходны, но различны въ различныхъ канпонахъ; они смѣшаны только въ большомъ долу Ааръ. — Исслѣдивая преимущественное свойство каменностей въ каждой группѣ Альповъ, восходя къ верховью, такъ сказать, съхъ долинъ, опыскавая помощію кусковъ-слѣдинъ, оставленныхъ на дорогѣ сими камнями, первоначальное

мѣсто ихъ опдѣленія, *Ешеръ* и *Бухъ* опкрыли, что они (камни), или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, вышли изъ высокихъ горъ, откуда начинаются долины, идущія въ тѣ пазы, которыхъ дно и скапы покрыты сими камнями. Упомянутые Геологиспы (*) нашли, что свойство сихъ камней сходно съ свойствомъ основныхъ каменностей сихъ горъ: такимъ образомъ, камни Рейнскаго паса сродны съ каменностями Граубиндена; камни долины Цюрихскаго озера

(*) Многіе пишутъ: *Грамматики*, *Ботаники*, *Статистики* и п. д., вмѣсто: *Грамматисты*, *Ботанисты*, *Статистисты* и п. д. Этому примѣру не должно слѣдовать, по нашему мнѣнію: иначе названіе Ученаго можетъ смѣшаться съ названіемъ его Науки; напр. ученые *Ботаники* смѣшаются съ Наукою *Ботаники*. Оспавляемъ безприсраспію *Н. А. Полеваго* рѣшивъ, ясно-ли онъ выразился, когда сказалъ: что слѣдуетъ рѣшивъ *Статистику* Россіи? *Моск. Тел.* Ч. 17. стр. 263. Окончаніе *икѵ* можно, какъ кажется, придавать Ученому тогда только, когда его Наука не имѣетъ ни въ какомъ падежѣ сего окончанія; примѣръ: *Историкѵ*; и по изъ уваженія къ употребленію, ибо окончаніе *истѵ* во всякомъ случаѣ сообразнѣе съ началами *Грамматики*, нежели *икѵ*, или *огѵ* и п. д.; напр. *Алхимистѵ*, *Геологистѵ*, а не *Алхимикѵ*, *Геологѵ*.

и Лиммапы сушь опломки Глярисскихъ горъ; камни Рейнскаго паза опдѣлились опъ каменностей, находящихся при испочникахъ сей рѣки; наконецъ, куски Аарскаго паза, и Юраскіе куски вышли изъ горъ Бернскаго кантона, и пр. — Наибольшее изобиліе сихъ камней находится на пригоркахъ и скасахъ, противоположныхъ большой главной долинь. Наизначительнѣйшая высота ихъ на Юрѣ, прошивъ оси и успья сихъ долинь, гдѣ сія высота проспирается до 1200 мешровъ надъ морскою поверхностью. — Сія колонія камней, вышедшая изъ первоначальнаго ошечества своего, находящагося на возвышенныхъ мѣстахъ, должна была не только переидши великое разстояніе, но и переспунишь черезъ долину Ааръ, по крайней мѣрѣ черезъ ея пространство, и поднянься на восточные гребни Юры, чшобъ оспашься здѣсь, или, чшобъ продолживъ еще пушь, спустисься внизъ, въ малыя лощины, которыми опдѣляются Юраскіе гребни между собою. По замѣчанію *Ешера*, сіи камни находятся въ сихъ малыхъ лощинахъ шамъ шолько, гдѣ цѣль Юры представляетъ перерывъ, и гдѣ сей перерывъ противоположенъ успью долинь Альпійскихъ.

Другая, и гораздо важнѣйшая, область эррапическихъ камней еспь ша, которая занимаетъ песчанисшья равнины Веспфалии, Ганновера,

Гольштейна, Зееландiи, Мекленбурга, Брандебурга, приморья и равнины Померании, Пруссiи и части Польши, равнины, проспирающiяся далеко внутрь земель между Варшавою и Гродно, и слѣдовательно всѣ низменныя, вообще ровныя и песчаныя земли, лежащiя при Балтiйскомъ и даже Нѣмецкомъ моряхъ, отъ Эмса и Везера до Двины и Невы (Strangwaiss). Вездѣ здѣсь, въ разномъ количествѣ, набросаны каменные куски (ихъ больше на высотахъ, чѣмъ въ долинахъ, по Шульцу); они мѣстами накучены горами, копоры имѣють вообще видъ неправильнаго эллипсиса, обращеннаго большою своею осью почти отъ сѣвера на югъ, или къ Балтiйскому морю. Сiи камни, иногда огромныя, лежатъ болѣе или менѣе въ песокъ; иногда совершенно подъ пескомъ. Вообще это граниты, сіенисты и другiя кристаллизованныя каменности, упомянутыя выше; также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, песчаники, порфиры, находящiеся на приморскихъ бугровикахъ въ видѣ обпершихся валуновъ; также, особенно со стороны Кѣнигсберга и Ревеля, сплошныя известняки съ ореокерашишами, прильбишами и другими органическими ошашками, характеризующими не только переходныя кряжи вообще, но и переходныя кряжи Швеціи и Норвегiи въ особенности. Полагали прежде, что сiи гранитовидныя каменности ошдѣлились отъ горъ Гарца,

Нолбрь, 1831.

42

какъ самихъ ближайшихъ къ нимъ долинамъ; но пошѣмъ увидѣли, что онѣ (каменности) имѣютъ великое сходство съ Шведскими, содержатъ тѣ же минеральныя породы, именно Вердеришъ, и наши правдоподобныиъ (*Гаусманнъ*), что онѣ перенесены изъ Скандинавскаго полуострова, въ направленіи отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Балтійское море, сія широкая и глубокая долина, отдѣляющая шеперешнее ихъ мѣстопребываніе отъ первоначальнаго, есть поже для нихъ, что доль Ааръ для камней Юры. Съ другой стороны, переправясь чрезъ Зундъ, и вступивъ въ Швецію чрезъ Сканію, находимъ безпрерывный слѣдъ эррапическихъ камней. Сія ошашки горъ, какъ ихъ называютъ поимѣи всѣ нушешественички, покрываютъ почву Сканіи, Зеландіи, и простираются гораздо далѣе за Сканію, разсыпавшися по многимъ частямъ Шведскихъ провинцій (*). Они находятся въ такомъ количествѣ, особенно въ Смольандіи, что накучивающися здѣсь на подобіе горъ особеннаго рода, которому Шведскіе

(*) *Линне* пишетъ, что въ Слитѣ и Килеи въ Готшландіи есть огромныя глыбы, представляющія, въ спранныхъ навалахъ своихъ, видъ храмовъ, уродливыхъ исполиновъ или колоссовъ. — Нѣкоторые эррапическіе камни были боготворимы Лапландцами, дакъ семью богамъ.

Географы дали названіе *öse*, или *Sandosar* — если въ нихъ преимуществуесть песокъ; простираются постоянно съ NNE на SSO, на чрезвычайно великомъ пространствѣ, и съ весьма примѣчательною параллельностію. И такъ эррапическіе камни Вестфаліи, Помераніи, Гольштейна, Зееландіи и проч., встрѣчаются шѣмъ чаще, шѣмъ многочисленнѣе, но не огромнѣе, чѣмъ ближе по мѣсто, гдѣ, по всей вѣроятности, было ихъ начало: но въ самомъ нервобышномъ, какъ полагаемъ можно, мѣстѣ ихъ, особенно на граничныхъ и гнейссовыхъ пригоркахъ Южной Швеціи, почти вовсе ихъ непримѣнно; видны только слѣды силы, ихъ унесшей. Гранитные пригорки, съ боковъ ихъ и на вершинѣ, представляютъ почти горизонтальныя борозды, съ округленнымъ и выполированнымъ дномъ, какъ будто произведенны были твердыми и шаровидными массами, пролежавшими по симъ пригоркамъ, и ихъ зацѣпившими. Сіе явленіе представляется во многихъ мѣстахъ Швеціи, но особенно ясно въ окрестностяхъ Гогдала (*), на границахъ Швеціи

(*) Сіе слово: *Гогдаль*, не показываетъ ли надобности, о которой мы говорили въ *Тел.* ч. 39, стр. 158, оплечать какимъ нибудь знакомъ букву *e*, когда она изображаетъ иностранное *g*, и произносится, какъ

и Норвегіи. *Sedgwich* находить подобныя по-
лированные борозды въ Англіи, въ Весимо-
рельандѣ и Кумберландѣ.

Есть много другихъ примѣровъ эррапиче-
скихъ камней. Такъ въ Финляндіи ихъ безмѣр-
ное количество (*). Большая часть пригорковъ,
средне-и даже верхне-осадковаго происхожденія,
возвышающихся при подошвѣ Альповъ, какъ со-
шорома Франціи такъ и Ипаліи, держась,
при своихъ вершинахъ, большія каменные глы-
бы, часо заваленныя гранишнымъ пескомъ и
валунами. Упоминають о гранишныхъ глыбахъ,
опъ 4 до 42 мешровъ, лежащихъ на самыхъ

Лапинское *g*, а не *h*? Иначе какъ узнать, что въ
словѣ *Гогдаль* первоначальное *G* должно выговаривать
какъ *h*, а срединное *e*, какъ *g*?

(*) Одна изъ сихъ-то финляндскихъ эррапическихъ
глыбъ послужила для славнаго памятника, копорый
воздвигла въ Пешербургѣ Петру Первому Екатерина
Вторая. Крестьяне въ Финляндіи принуждены очищать
поля свои опъ эррапическихъ камней, и, къ огор-
ченію своему находятъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ
поля ихъ покрыты опянь такими-же камнями. Бѣд-
ные Финны думаютъ, что эти камни распутъ въ
землѣ, какъ каршофель, между тѣмъ какъ они
обнажаются шолько изъ-подъ песка, промываясь во-
дою.

возвышенныхъ мѣстахъ Исландiи , острова совершенно вулканическаго, и чрезвычайно ошдаленнаго опъ всѣхъ гранишныхъ мѣстъ (*Povelsen*). Въ сѣверной Америкѣ куски расположены въ направленiи съ сѣверо-востока на юго-западъ (*Hayden*). Есть, пишущъ, гранишныя глыбы на горахъ Попози, выше Лимы; между шѣмъ неизвѣстно другой помѣшности (*gisement*) граниша какъ въ Тукуманѣ, ошстоящемъ болѣе 400 миль опъ сихъ Попозскихъ глыбъ. Огромныя глыбы граниша нагромозжены шакже въ Индiи, въ Гидерабадской облаши (17° сѣв. шир.). *Делюкъ* (племянникъ).

И шакъ эррашическiе куски принадлежатъ къ самымъ общимъ, самымъ поразительнымъ и самымъ непосредимымъ Геологическимъ явленiямъ.

Докторъ Ястребцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ.

Кто упоенъ, въ юдоли сей,
 Земнаго блага полной чашей?
 Кому, въ шуманной жизни нашей,
 Не наставало черныхъ дней?
 Спезей помпильной сграданья
 Насъ всѣхъ влечешъ пошокъ ея!
 Она — година испытанья!
 Путь скорбный къ цѣли бытія!
 Но счастливъ шотъ, кто жилъ не даромъ,
 Не даромъ путь сей пробѣжалъ:
 Судьбы коварство испыталъ,
 Но съ гибельнымъ ея ударомъ,
 Кто на нее не возропталъ;
 Въ горнилахъ бѣдствія богатомъ
 Кто душу крѣпко закалилъ,
 И рокъ жестокой отразилъ
 Холоднымъ мужества булатомъ;
 Кто совѣсти не бременилъ
 Ненасышимою жаждой злаша,
 И всей горячностію брата
 Врага, какъ ближняго, любилъ;
 Кто достигая высшей цѣли,

Омывъ грѣхи въ пучинѣ бѣдъ ,
 Отсель , какъ въ родину , идешь ;
 Такъ чистъ , какъ вышелъ изъ кутѣнъ ;
 Кшо съ шажкомъ бременемъ креста
 Прошелъ свой путь стопой незыбкой !
 — Эдема стражь ему съ улыбкой
 Ошворишь вѣчности враша !

СПбургъ.

Г. Фокъ Бейеръ.

Б Е Ш М Е Т Ъ.

Пышно льется свѣшлый Терекъ
 Въ мирномъ лонѣ пишины ;
 Дѣвы юныя на берегъ
 Вышли встрѣшить царь весны...

Вижу игры , слышу ропощъ
 Сладкозвучныхъ голосовъ ,
 Слышу рѣзвый , легкій шопощъ
 Разноцвѣсныхъ башмаковъ...

Но мой взоръ не очарованъ
 И блещишь не для побѣдъ ;
 Онъ шобой однимъ окованъ ,
 Алы шелковый бешметъ !

Образъ дѣвы недоступной,
 Образъ сурогой красоты,
 Думой грустной и пресступной
 Ошравила мои мечты...

Для чего у страха пылкой
 Чародѣйной силы нѣтъ,
 Превращишься невидимкой
 Въ алый шелковый бешметъ!

Для чего покровъ холодный,
 А не чувство, не любовь —
 Обнимаешь, жмешь свободно
 Гибкій спань, живую кровь!..

А. П-ъ.

ЗАМОКЪ КОППЕТЪ.

(*Окончаніе*)

Все общество Коппетское ночевало въ Лозаннѣ, и на другой день возвратилось въ Коппетъ. Утомленная прогулкою, Аеенаида рано удалилась въ свои комнаты. Принцъ осмался наединѣ съ Г-жею Спаль. Онъ просилъ разсказать ему всѣ подробности удаленія изъ Франціи Аеенаиды, и Г-жа Спаль разсказала слѣдующее.

— Вы знаете, что была Аеенаида для большаго свѣта, но вамъ еще неизвѣстно, что сдѣлала она для меня. И во всякое другое время, она была-бы очарованіемъ, услажденіемъ моей жизни; но здѣсь, нынѣ — она мнѣ сама жизнь, она передала мнѣ всю свою душу, самое чистое созданіе Божіе, весь свой умъ, столь возвышенный, простой, столь основательный, прелестный, столь понокій и естественный. Всегда занятая успѣхами своихъ друзей, Аеенаида ничего не пребуемъ себѣ ошъ нихъ, хотя могла-бы пребуемъ всего. Никто кромѣ ея не соединялъ въ себѣ въ одно время столько

безкорыстія личнаго, скромности и блестящей извѣстности.

Наполеонъ вступилъ на пронъ свой , и мы увидѣли въ немъ всю гордость побѣдителя , всю недовѣрчивость деспота . Онъ желалъ нравиться , пошому , что хопѣлъ властвовать во всѣхъ отношеніяхъ . Высокое мѣсто Аенеиды въ большомъ свѣтѣ , привлекло на нее вниманіе Наполеона . Увидѣвъ ее въ первый разъ на большомъ праздникѣ , гдѣ взоры всѣхъ на ней оспанавливались , онъ подошелъ самъ къ Аенеидѣ , и началъ разговоръ , съ эшимъ особеннымъ родомъ Воспочной вѣжливости , опъ кошораго приходили въ воспоргъ другія женщины . Но привѣпливость Наполеона шолько привела въ замѣшательство Аенеиду . На другой день удалилась она въ замокъ Клиши , за четверть лѣѣ опъ Парижа . Черезъ немного времени , опецъ Аенеиды оказался замѣшаннымъ въ заговорѣ прошивъ Наполеона ; его схватили , и опвели въ Тамплъ . Онъ былъ чиновникъ ; заговоръ былъ доказанъ . Аенеида понимала , что если дѣло дойдешь до публичнаго суда — опецъ ея долженъ погибнуть . Немедленно написала она къ Императору просьбу , умоляя его , удостоишь ее особенною аудіенціею . Въ пошь-же день Наполеонъ назначилъ ей часъ , когда она можешъ явиться . Трещца , въ сле-

захъ , явилась Аэенаида , прежде назначеннаго часа , но ее немедленно ввели въ кабинетъ Императора . Онъ былъ одинъ , ласковъ , вѣжливъ ; просилъ Аэенаиду сѣсть , и разказапъ ему всѣ подробности дѣла . Ему хотѣлось только заставить Аэенаиду говорить , ибо дѣло извѣстно было ему лучше всякаго другаго . Аэенаида не думала оправдывать отца своего , но умѣла сказать все , что могло утѣшить гнѣвъ Императора . Онъ немедленно далъ ей собственноручный приказъ объ освобожденіи отца ея .

Съ этою драгоценною бумагою , Аэенаида спѣшила въ Тамплъ . Всѣ двери расшворились передъ нею ; отецъ ея былъ немедленно освобожденъ . Аэенаида увезла его къ себѣ въ Клиши . Черезъ нѣсколько часовъ привезли къ ней письмо Министра Полиціи , которымъ просилъ онъ позволить ему пріѣхать въ Клиши вечеромъ , и имѣть съ нею особый разговоръ . Аэенаида знала Фуше въ свѣтѣ ; онъ нерѣдко бывалъ въ ея блестящихъ собраніяхъ . Знакомство съ такимъ человекомъ , ей казалось , необходимо было поддерживать , если не для себя , то для друзей своихъ . Фуше явился въ восемь часовъ вечера . Аэенаидѣ любопынно было знать , что онъ могъ сказать ей . Послѣ первыхъ утѣшительныхъ воспей , она спросила объ этомъ у Фуше . По видимому , онъ не ожидалъ такого быстраго

перехода. Едва-ли можно было чѣмъ нибудь смѣшашь Фуше, но онъ смутился на минушу, улыбнулся, и, вмѣсто отвѣта, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, прежде всего, поздравить васъ съ освобожденіемъ вашего родищеля.

« Ахъ! » отвѣчала Аеенайда — « какъ я счастлива и благодарна Императору! »

— Позвольте мнѣ также — продолжалъ Фуше — сдѣлать вамъ объявленіе, которое можете выслушать вы безъ замѣшательства: вы всегда внушали мнѣ живое въ васъ участіе, и я готовъ предсавить въ этомъ несомнительныя доказательства.

« Тѣмъ больше прогаешь меня изъясненіе вашихъ чувствъ, что я ничѣмъ дѣньшѣ не могла заслужить ихъ.

— Ваша юность, сударыня, ваша красота, естественна привлекающъ на васъ взоры всякаго, кто къ вамъ приближается. Впрочемъ, вамъ конечно извѣстно, что Министръ Полиціи обязанъ щщательно наблюдать за поведеніемъ и поступками всѣхъ, кто можетъ имѣть какое либо вліяніе въ обществѣ. Чье-же вліяніе можешь быть сильнѣе того, которое имѣешь первая красавица въ Парижѣ, у которой собирается все, что есть лучшаго въ Европѣ, хозяйка блистательнаго, свѣтскаго дома. Ваши

мнѣнія, и всѣ подробности вашей жизни — мнѣ совершенно извѣсны.

«Слѣдовательно, дружба ваша,» сказала Аэнаида, улыбаясь, «до сихъ поръ заставляла васъ только присматривать за моими поступками?»

— Такъ, но я всегда обѣщаль самъ себѣ: ни въ какомъ случаѣ не обвиняшь васъ передъ Императоромъ, если-бы я и узналъ что нибудь. Я далъ себѣ слово, во всякомъ случаѣ, ограничиваюсь полезными вамъ совѣтами. Впрочемъ, все, что я узнавалъ объ васъ, могло только увеличивать мое къ вамъ уваженіе, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мнѣ извѣстно, на-примѣръ, что Люціанъ Бонапарте былъ спраш-но влюбленъ въ васъ, что онъ писалъ къ вамъ нѣсколько писемъ, и что тихо, спокойно — вы ошняли у него рѣшительно всю надежду.

«Кто могъ разсказать вамъ все это?»

— Мой надзоръ, ошъ котораго, вѣрьте мнѣ, ничто не можешь избѣжать. Я поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы ошвергли искаательства человека, у котораго характеръ, въ одно время, скрытный и неоспорожный. Люціанъ — республиканецъ изъ честолубія, оспрякъ безъ лиш-перашуры, поэтъ безъ дарованій и души, лю-бовникъ холодно-романической, не заслуживалъ вниманія сердца, вашему подобнаго.

« Вашъ поршрешъ написанъ слишкомъ черными красками. Люціанъ добродѣшелевъ, уменъ, имѣетъ образованный вкусъ въ Изыщномъ, и ни однимъ худымъ дѣломъ не запяпналъ своей жизни.

— Вамъ надобно будетъ выдержашъ много споровъ, сударыня, если вы предпримете такимъ образомъ защищашъ всѣхъ, кто былъ въ васъ влюбленъ. Но обратимся теперь къ настоящей цѣли моего посѣщенія. Я буду имѣть честь предсавить доказательства совершенной къ вамъ довѣренности. Могу-ли надѣяшся того-же съ вашей спороны?

« Мнѣ кажешся, эшо вамъ не нужно: и безъ всякой довѣренности, вы все знаете. Можно просить васъ хранишь тайну, но и самая дружба не можешъ ошкрышь вамъ ничего шайнаго.

— Никакая власшь человѣческая не даетъ намъ средспва проникашъ въ сердца, а въ вашемъ именно сердцѣ желалъ-бы я читашъ теперь.

« Мнѣ скрываетъ нечего, и я всегда готова ошвѣчать искренно. Чшо вамъ угодно знать?

— У меня былъ продолжительный разговоръ съ одною великою особою, и въ эшомъ разговорѣ была рѣчь объ васъ.

« Обо мнѣ?

— Точно такъ. Цѣлые два часа, Императору угодно было говорить — только объ васъ.

« Эшо странно.

— И, прибавьте : эшо составишь вашу славу. Императоръ, говоря вообще, презираетъ женщинъ, но объ васъ говорилъ онъ съ удивительною похвалою, во всѣхъ отношеніяхъ : онъ уважаетъ васъ, онъ вамъ удивляется. Ваша извѣстность, умъ, скромность, все — даже звукъ вашего голоса — говорятъ ему въ вашу пользу. Впрочемъ, и я не оставался безмолвнымъ при этомъ разговорѣ; онъ слушалъ меня, смѣю васъ увѣрить — съ такою жадностью. . .

Тутъ Фуше остановился. Онъ ожидалъ какого нибудь вопроса, какого нибудь невольнаго знака радости, или душевнаго движенія. Но инстинктъ невинности и чистоты душевной часто превышаетъ проницательность опытной хитрости. Аленаида шемно понимала намѣренія и умыслы лукаваго Министра, и не отвѣчала ничего. Фуше видѣлъ въ чертахъ лица ея одну холодную неподвижность; ея прекрасная физиогномія можетъ выражать презрѣніе и негодованіе одною только холодностью. Послѣ нѣкошораго молчанія, смѣшанный въ разсчетахъ, Фуше льстился, что по крайней мѣрѣ, осмальное не можетъ не понравиться эшой

женщинѣ, у кошорой чувствва споль трудно было расшевелишь. Онъ началъ снова.

— Императоръ препоручилъ мнѣ — сказалъ Фуше — узнать ошъ ваъ : угодноли вамъ будетъ заняшь мѣсто при Дворѣ его ? Я осмѣлюсь обѣщать , въ случаѣ вашего согласія , что вы можете получишь шакое мѣсто , какое сполько вамъ угодно будетъ назначишь.

«Я не честолюбива , » ошвѣчала Аеенаида, «и, признаюсь вамъ — не люблю придворной жизни. Довольная наспоащимъ моимъ положеніемъ , я не желяю перемѣняшь его. » — Такой ошвѣщъ показался Фуше споль необыкновеннымъ , что онъ не почель его искреннимъ. Улыбаясь , возразилъ онъ , что не худо-бы подумашь обо всемъ шомъ , что онъ говорилъ. Прибавя , что на другой день явишся для узнанія рѣшишельнаго ошвѣша , Фуше раскланялся съ Аеенаидою.

Онъ почно явился на другой день. Пренній , одинаковый ошвѣщъ Аеенаиды зашпавилъ его думашь , что она поняла дѣло , и желала полнаго объясненія. Фуше шопчасъ принялъ шаинспивенный и шоржеспивенный видъ человекъ , обрадованнаго , что находишь подобнаго себѣ хипреца. « Вы совершенно правы » — сказалъ онъ — « не надбно показывашъ излишней шоропливости . . . не должно уступашъ первой , минушней пришоши желанія . . . вполне одобряю ваше

благоразумное поведеніе , и — я гоповъ-бы былъ присовѣтовашъ его вамъ , еслибы умъ вашъ не предупредилъ моего дружескаго усердія . До сихъ поръ . . . однѣ мгновенныя шалости — копорымъ всѣ уступали . Надобно дашь почувствовашъ , до какой высокой степени — вы различны отъ всѣхъ другихъ женщинъ ; надобно сопровивленіемъ дашь почувствовать разницу между пребываніемъ вашимъ и другихъ женщинъ ! Чувство укрѣпнися : за это можно ручашься . . .

Аэенаида угрюмо взглянула на Фуше : « Чшо значишь вашъ разговоръ ? » сказала она — « о комъ вы изволише говоришь мнѣ ? »

— Неужели мнѣ яснѣ надобно говоришь , сударыня ? Императору угодно — за какую-бы шони было цѣну , чшобы вы были при Дворѣ его .

Сшоль грубое изъясненіе засшавило Аэенаиду почувствовать живѣйшее негодованіе . Но она имѣла шолько благоразумія , чшо скрыла свое чувство , думая о бесполезности шумной сцены , прошивной ея характеру , и могущей едѣлашь непримиримымъ ея врагомъ челоуѣка сильнаго , опаснаго , и до такой степени безнравственнаго , чшо въ предложеніи своемъ онъ не замѣчалъ ничего оскорбительнаго . Аэенаида полагаала , чшо досшашочно будетъ опвергнушь его съ швердосшію , не показываясь обиженною . « По-
Ноябрь 1831 13

нимаю васъ» — сказала она, улыбаясь, «и буду ошвѣчать вамъ просшо, надѣясь, что просшо-на ошвѣща лучше убѣдишь человека, споль обширнаго ума, какъ вы, нежели великолѣпный наборъ пустыхъ словъ. Повшоряю вамъ, что я вовсе не чесшлюбива; нмѣшняя жизнь моя мнѣ прилична, и впрочемъ, по предразсудку, или по разсудку, я шакъ дорожу моимъ чеспнымъ именемъ, что ни за что въ мѣрѣ не захочу имъ пожершвовашъ. Такимъ образомъ, моя совѣсш, мой вкусъ, мой характеръ, засшавляющъ меня, искренно, и единожды навсегда, ошказашься ошъ вашихъ предложеній. Если-бы я и ослѣпилась ими, то и потому уже не рѣшущь согласишья, что не въ состоянн извлечь изъ нихъ для себя ни малѣйшей выгоды. Не вижу въ себѣ ничего шакого, что бы не сдѣлало меня при Дворѣ, или игрушкою, или жершвою иншриги и зависши.

— О, безъ сомнѣнн, ваша неопышность — сказалъ Фуше — имѣетъ необходимую надобность въ руководштелѣ — но я буду всегда подлѣ васъ, гошовой наблюдашъ за вашею безопасностью, унищожашъ злоумышленн, предосшерегахъ васъ, насшавляшъ полезными совѣшами, и укрьпляшъ вашу силу, ваше владычешво.

«Всякое владычешво шребуешъ заботш, скуки, ушомленн. Не понимаю шрасши величн:

мнѣ извѣстна только необходимость опказываться отъ него.

— Вы конечно не вполне размыслили о вашихъ словахъ. Какъ? Съ душою высокою и благоприщельною, вы оставешесь нечувствительнымъ къ славѣ — оковашь гордаго повелителя столькихъ народовъ? Вы не хотите насладиться счастьемъ — смягчишь нравъ его, и заснавишь нѣжною любовью къ Человѣчеству, кромосью, и мирными добродѣтелями прославишь безмѣрное величье, основанное гениемъ, силою и храбростію?

« Могу-ли имѣть подобныя прѣбыванія? Тогда только могли-бы они разгорячить мое возмущеніе, когда были-бы законны. Вы изобразили мнѣ обязанность Императрицы. Правда, чпо и любовница, подобная Агнесѣ Сорель, могла-бы передать душѣ сильныя, высокія порывы — но, подобное, на всю жизнь распространенное владычество, можешь быть пріобрѣтено только чистымъ, добродѣтельнымъ чувствомъ.

— Слѣдствія оправдываютъ средства.

« Не могу согласиться съ этимъ, и всегда сохраню мой образъ мыслей. Не лзя перемѣнять мнѣшій, внутреннихъ совѣстью, и согласныхъ съ основными чувствами сердца.

Такой проспой, опредѣленный и обдуманый языкъ заснавилъ наконецъ Фуше увѣришься,

что Аэнаида говоритъ непришворно. Но, принимая крошечность ея за слабость, онъ сохранялъ еще надежду, если не обольстятъ, то увлечетъ ее. Тѣмъ болѣе дорожилъ онъ успѣхомъ, что сбѣждалъ Наполеону не пощадитъ никакого искусства и хитростей, и что Наполеонъ принималъ самое живое участіе въ этихъ переговорахъ. Фуше продолжалъ наспавивать. Но все его министерскія дарованія, все искусное краснорѣчіе не послужили ни къ чему болѣе, какъ только къ болѣе рѣшительному отказу Аэнаиды. Тогда рѣшился онъ испугать Аэнаиду. «Подумайте о томъ, сударыня, говорилъ Фуше, «что Императору обязаны вы благодарностью, что онъ не требуетъ отъ васъ никакихъ обязательствъ, противныхъ вашимъ предразсудкамъ. Онъ хочетъ только, чтобы вы потребовали отъ него себѣ мѣста при Дворѣ, и онъ позволилъ мнѣ сказать вамъ предварительно, что вы получите — какое угодно будете вамъ получить... Подумайте объ опасности отказываться отъ предложенія, которое никогда и никому не было еще дѣлано отъ имени Императора. Верховный судія и повелитель столькихъ жребіевъ — не умѣетъ переносить презрѣнія, и даже отказа. Вамъ извѣстенъ пылкій его характеръ — власть его неограничена — я не посоветую вамъ оскорблять его.

« Можете предсавить опказъ мой , съ изъявленіемъ , какого угодно вамъ , почтенія и признательности — я на это согласна ; но прошу васъ рѣшительно сказать , что опшращеніе мое опъ Двора — непобѣдимо . Эшо не должно оскорблять Императора : желать спокойствія и пишины не значить нарушать должное почтеніе къ его высокой особѣ —

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ — такъ ; но вамъ извѣсны уже особенныя къ вамъ опношенія Императора , кошорыя онъ удостоилъ меня довѣренности передать вамъ .

« Явясъ ко Двору его , не покажу-ли я , что одобряю означенныя вами опношенія ?

— Ничего не обѣщавъ , вы можете свободно удались ихъ опъ себя .

« И подвергнушь себя всему гнѣву , всѣмъ преслѣдованіямъ повелителя , кошораго сами вы изображаете столь полновластнымъ , столь непривыкшимъ къ непослушанію ?

— Въ опсущствіи вашемъ , сіи преслѣдованія будутъ сопровождаться въ тысячу разъ большимъ гнѣвомъ и ожесоченіемъ . Напрошивъ , одинъ вашъ взглядъ — досташоченъ будешь обезоружить вашего преслѣдователя .

« Онъ будешь тогда имѣть право укорить меня , для чего согласилась я быть при его Дворѣ , и въ моемъ сопрошивленіи увидишь

только смѣшныя причуды и изысканное жеманство, справедливо укоря меня въ честолюбіи и ухищреніи. Словомъ: оставимъ нашъ разговоръ — мое рѣшеніе твердо, и я не перемѣню его.

— Отказъ будетъ окончательный, и я — не буду въ состояніи воспринять спешивать этому.

« Я не осмѣливаюсь и прошу васъ объ этомъ. На всякую несправедливость, если надобно — у меня доспанешъ перѣнья.

Тутъ Принцъ не могъ удержаться и не изъявилъ удивленія своего: « Созданіе, достойное обоженія! » вскричалъ онъ. « Кто, и когда соединялъ столько величія души, съ такою скромностью и простотою! — Ради Бога, сударыня, продолжите драгоцѣнный разговоръ вашъ! »

Г-жа Спаль усмѣхнулась, и продолжала.

— Наконецъ, Фуше долженъ былъ отказаться отъ своихъ химерическихъ надеждъ. Самые гибкіе, самые закоснѣлые въ наукѣ интригъ придворные обманывающія иногда въ своихъ слишкомъ упонченныхъ вычехахъ. Они рассчитываютъ только на честолюбіе, и ни во что не полагаютъ прямоши и откровенности. Фуше не скрылъ отъ Аэнаиды, что Наполеонъ былъ жестоко оскорбленъ ею, и что всего могла она ожидать отъ его неприязни. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Аэнаида

узнала, что Императоръ публично изъяснилъ свое неудовольствіе проптивъ пѣхъ, кто посѣщалъ ее. Предлогомъ такого страннаго гнѣва, онъ объявилъ дружбу Аэенаиды ко мнѣ. Я была уже тогда въ Франціи. Одно слѣдовало за другимъ. Ненависть Наполеона къ Аэенаидѣ оказывалась въ споль многихъ случаяхъ, и шакъ явно, что всѣ принимавшіе въ ней участіе совѣщавали ей на нѣкоторое время удалиться изъ Франціи. Она рѣшилась просить паспорта, для путешествія по Италіи, и проѣзда черезъ Швейцарію, съ пѣмъ, чптобы останавишься у меня въ Коппетѣ. Министръ Полиціи объявилъ ей, что имѣетъ Высочайшее повелѣніе, по которому, за посѣщеніе Коппета, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ — ей навсегда будетъ запрещенъ въѣздъ во Францію. Аэенаида не послушалась этого повелѣнія, и пріѣхавъ въ Коппетъ получила отношеніе Министра Полиціи, кошорымъ пріѣздъ въ опечество былъ ей навсегда запрещенъ. Судите В. В., какъ была я пронута; благодарна, удивлена, видя у себя это ангельское созданіе, и узнавъ опъ нея всѣ подробности происходившаго въ Парижѣ?

«Какъ!» вскричалъ Принцъ — «она навлекла на себя личное негодованіе Наполеона?»

— Точно шакъ, В. В., она разлучена съ сво-

нимъ семействомъ, своими друзьями, своимъ обществомъ, она изгнана изъ Франціи на неопредѣленное время, можеть бытъ, на все время царствованія Наполеонова. Послѣднія извѣстія всего болѣе меня встревожили. Увѣдомляющъ, что Аэнаидѣ скоро приказано будетъ выѣхать изъ Коппеа. Повелитель Европы боится, говоряшъ, союза двухъ женщинъ, укрывшихся въ уголокъ на берегахъ Женевского озера.—

Разсказъ Г-жи Спаль произвелъ сильное впечатлѣніе на умъ Принца. Аэнаида, безъ поддержки, безъ защиты, казалась великодушной его любви чѣмъ-то священнымъ, для чего надобно было пожертвовать своею жизнью. Вдохновенное очарованіе предсавило ему любовь его какою-то обязанностію. Съ неперпнїемъ ждалъ онъ того мгновенія, когда могъ говорить съ Аэнаидою наединѣ, и на другой день, увидя ее на террасѣ, одну, спѣшилъ къ ней. «Аэнаида!» сказалъ онъ съ жаромъ, едва только къ ней приблизился — «что узналъ я? Мнѣ извѣстно ваше положеніе — Ахъ! располагайте мною — я вашъ — пребудете своей свободы, и я съ восторгомъ пожертвую вамъ мою свободу.

Съ такимъ пылкимъ чувствомъ произнесены были сіи слова, что Аэнаида содрогнулась невольно.

— Узнаю васъ по эпитѣмъ великодушнымъ чувствамъ — сказала она. Можете-ли сомнѣваться въ томъ, что съ наслажденіемъ сердца, я выбрала-бы васъ спутникомъ, спасишемъ моимъ? При зацѣпѣ, споль высокой, споль милой, не сполько не ропсала-бы я на судьбу, но благословила-бы спранныспи и несчаспія, какія угодно было собрать ей въ моей жизни. Пресыщствія непобѣдимыя — разлучаютъ насъ навсегда. . .

« Ихъ нѣтъ, если вы меня любите !

— Это самое и умножаетъ ихъ. Только жершвою моею я могу оправдать любовь мою.

« Что вы говорите ! Великій Боже !

— Выслушайте меня. Знаю, что гражданскіе законы позволяютъ мнѣ пребывать моей свободы ; но честь и религія запрещаютъ мнѣ пребывать ее. Тотъ, чье имя шеперь мое, находится во Франціи, и неприязнь, преслѣдующая меня, шягопѣетъ и надъ нимъ, угрожаетъ ему. Въ эпомъ-ли положеніи могу я пошребовать отъ него публично, поржешшвенно развода? Онъ жершвовалъ мнѣ своимъ богатшвомъ, спшуппалъ со мною шакъ великодушно, нѣжно, и я откажусь отъ него, когда мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣшно, что непобѣдимое могущесшво гощовилъ ему неизбѣжное гоненіе, гибель ?

«Если васъ преслѣдуютъ въ лицѣ его, вы предупредите его несчастіе, опдѣливъ ошъ него судьбу свою.

— Нѣтъ, ударъ уже нанесенъ: ему изъявлены уже неоспоримые знаки неблаговоленія Правительсва, и онъ готовъ на все, что ошъ того можешъ послѣдовать. Посшоянство дружбы моей должно быть единственнѣмъ его ушѣшеніемъ. Онъ крѣпко увѣренъ въ эпомъ, и я не могу обманушъ шакой великодушной довѣренности, не обезславивъ себя въ глазахъ всѣхъ... Нѣтъ! каковы-бы ни были мои собственныя чувства — если ему угрожаетъ несчастіе — я должна принадлежать ему!

«Аэенаида!» вскричалъ Принцъ — «вы раздираете мое сердце... Что будетъ со мною, если навсегда, безъ надежды васъ видѣшь — я расщанусь съ вами? Что останешся мнѣ!

— Увѣренность, что я была не недостойна чувства, мною вамъ внушеннаго, мысль, что высокая ваша душа утвердила меня въ моихъ пожертвованіяхъ, когда я открыла ей всѣ тайны моего существованія, когда просила ее управлять моею судьбою!—

При сихъ словахъ, Принцъ усремилъ на Аэенаиду омоченные слезами глаза свои, нѣсколько минушъ смотрѣлъ на нее, не въ силахъ будучи произнесшъ ни одного слова. Онъ

спалъ передъ нею на колѣни, схватилъ прещущую ея руку, и крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу... «Аеенаида —» вскричалъ онъ въ себя — «Аеенаида! прости!» Поспѣшно удалился онъ отъ Аеенаиды. Слезы полились изъ глазъ ея; она спѣшила въ свою комнату. «О Боже!» вскричала Аеенаида, падая въ кресла — «Боже! все кончено: я не увижу его болѣе — онъ уѣдетъ, и, можешь быть, сегодня! И онъ былъ здѣсь только для того, чтобы уѣхать еще несчастливѣе! Я только увеличила его грусть... Оба лишенные опечесства, оба одинокіе, оба спрадающіе... одна и та-же гибельная воля терзаетъ насъ... одинаково грустный жребій, казалось, сблизилъ насъ для утѣшенія, но эти быспряя мгновенія радости послужатъ только для усиленія бѣдствій, горести нашей!.. Если-бы, по крайней мѣрѣ, я могла высказать ему все, что должна сказать, скрывая отъ него... Онъ знаетъ благородство моего сердца, но какъ худо знаетъ онъ силу моей любви къ нему... Горестныя сіи размышленія сопровождались ручьями слезъ. — Черезъ часъ, она услышала стукъ кареты на дворѣ... «Онъ!» вскричала Аеенаида, неужели онъ уѣхалъ — и навсегда?» Она хотѣла встать, но ноги ея поддомились — снова упала она въ кресла. Карета выѣхала... Дрожа прислушивалась Аеенаида, какъ поспешно утихалъ, и

наконецъ смолкъ вдали спугъ колесъ. По мѣрѣ того, какъ исчезалъ онъ, Аэенаида чувствовала, что силы ея исчезали: ей казалось, что эта карета увлекаетъ съ собою все ея бытіе... Напрасно прислушиваешься Аэенаида: безмолвіе совершенное — она поняла весь ужасъ одиночества бытія — неизъяснимое чувство уничтожило все ея существованіе...

Но когда колоколь замка возвѣспилъ полдень, Аэенаида пересилила самое себя... Она нашла силы двинуться съ мѣста. Въ это время, Г-жа Сшаль обыкновенно выходила послѣ завтрака изъ своей комнаты, такъ-же, какъ Аэенаида, и другія особы, не являвшіяся къ общему завтраку въ залъ. Аэенаидѣ хотѣлось быть одной, мечтать, и — плакать. Не желая вспрѣпиться ни съ кѣмъ, даже и съ Г-жею Сшаль, она рѣшилась уйти изъ замка.

Въ роцѣ, недалеко отъ замка, была небольшая Капюлическая часовня, построенная, сорокъ лѣтъ прежде, съ позволенія Женевского Правительства, Французомъ, поселившимся въ Женевѣ, и умершимъ за два года до революціи. Пришелецъ эшошъ всегда ходилъ въ праурѣ, и жилъ въ совершенномъ уединеніи. Женевцы уважали горесть его, юность, красоту, всегдашнюю печаль, благочестіе и щедрую благопворишельность. Онъ не держалъ даже слуги, дѣлалъ все

самъ; на зиму нанималъ онъ въ Женевѣ маленькую комнату, гдѣ все убранство и всю мебель составляли поспелая, кресла, драгоценная картина, изображавшая святую Терезу, шоль, чернилица и нѣсколько книгъ. На лѣто, пришелецъ уходилъ въ рошу, находившуюся подлѣ построенной имъ часовни, гдѣ соорудилъ онъ себѣ небольшую пущыню. Здѣсь запирался онъ, выходилъ единственно по Воскресеньямъ въ большую Каплицескую церковь къ обѣднѣ, ибо Правительство Женевское позволило ему шолько однажды въ годъ служить малую миссу въ его часовнѣ. Онъ просилъ, чтобы эта годовая служба была въ день св. Терезы, 15-го Октябра. Въ сей торжественный для него день, пущынный каждый годъ выдавалъ приданое шеспи бѣднымъ дѣвушкамъ. Для себя самого не дѣлалъ онъ никакихъ расходовъ, но изъ словъ его банкира, а также и изъ безчисленныхъ благодареній знали, что эпо былъ весьма богатый человекъ. Такъ прожилъ онъ двадцать лѣтъ. Вообще думали Женевцы, что поперя любимой особы, въ по время, когда все гошова было къ браку, заставила неизвѣснаго пришельца вести эпотъ справный родъ уединенной, благочестивой жизни, и что предметъ вѣчной его скорби, безъ сомнѣнія, назывался Терезою. По смерти пришельца, Женевцы сохранили его часовню и пущыню, въ копорой стѣны были покрыты

пирогашельными надписями, начерпанными его рукою. Двери часовни были всегда оппершы, пошому, что свяпыхъ сосудовъ въ ней не было. Тушь находились шолько гробъ пусшывника, Распашіе, и алшарь, безъ всякихъ украшеній. Кашолики часшо приходили сюда молишся. Въ лѣшнее время, гробъ сшрадалца всегда бывалъ покрышъ вѣнками, вязями и связками полевыхъ цвѣшовъ: эшо было приношеніе шѣхъ, кошо-рымъ соспавилъ онъ нѣкогда счаспіе, выдавъ имъ приданое. Благодѣаніе скоро забываешся въ городахъ и великолѣпныхъ чершogaхъ, но долго помнашъ его въ деревняхъ и бѣдныхъ жи-нахъ.

Поспѣшивъ выйдши изъ замка, Аеенаида, шихо, медленно, пошла къ пусшынѣ. Въ эшомъ уединенномъ убѣжищѣ скорби, въ эшомъ небольшомъ зданіи, воздвигнушомъ несчастною любовью, хотѣла она укрышся еъ своею груспію. Болѣе часа шла она до пусшынн, едва въ силахъ будучи передвигашъ ноги, ушомленная, почши непонимающая, что дѣлаешъ, куда идешъ. Вдругъ Аеенаида слышишъ за собою шумъ чьихъ-шо шаговъ, оглядываешся — каково было ея изумленіе? Эшо Принць! Переходъ ошъ скорби къ другому чувству былъ шакъ силенъ и быстръ, что Аеенаида зашашалась, и должна была прислонишся къ дереву. Принць ви-

дѣлъ ея блѣдность , спѣшилъ къ ней , и поддер-
жалъ ее своими руками . Неподвижная ; въ его
объяснѣхъ , Аэенаида ошдыкала , услаждаясь мы-
слию , что еще разъ , шакъ неожиданно , ви-
дитъ его , когда полагала , что Принцъ раз-
спался уже съ нею на вѣки . Собравъ всѣ свои си-
лы , Аэенаида могла только промолвить : « Вы
не знаете этой пусыни : для Прошеспанша
она не предсавляетъ ничего шрогашельнаго . »

— Она драгоцѣнна для меня , когда я въ ней
съ вами . Пойдемъ-ше туда . — Поддерживаемая
Принцемъ , Аэенаида вошла въ пусыню . Въ
комнатѣ пусынника , она указала ему над-
пись , вырѣзанную на дверяхъ : *On a souffert
ici avec résignation. Cœurs sensibles et fidèles,
puissiez-vous y trouver les mêmes pensées et
le même courage.* « Прочтите еще эту над-
пись , » сказала Аэенаида , указывая Принцу на
правую стѣну : *Le véritable, le seul isolement
sur la terre est d'être séparé pour jamais de
ce qu'on aime.* — « Ахъ ! » сказалъ Принцъ —
« здѣсь могли спрадать и плакать , но гдѣ и
когда любили , шакъ , какъ я васъ люблю ! »

— Я еще васъ вижу , еще слышу вашъ го-
лосъ , мы еще вмѣспѣ . Въ эти минушы не хочу
думать о моемъ несчасши , не вѣрю ему . . . Но
вы ѣдете ?

« Завтра прощусь я съ Г-жею Сшаль . И шакъ

цѣлый день мы еще будемъ вмѣстѣ. Если вы позволите пробыть съ вами наединѣ, хоть нѣсколько минушь, назначьте мнѣ время, когда могу я видѣть васъ здѣсь, гдѣ не надобѣдають намъ несносныя посѣпители замка.» Говоря сіи слова, Принцъ искалъ глазами кресель, или скамейки, но пушъ ничего не было. Только широкая, каменная скамья вдвинута была во впадину, сдѣланную въ стѣнѣ. Аеенаида пригласила Принца сѣсть съ нею на эшой скамьѣ. «Эшой камень!» сказала она — «былъ послелею пустытника. Сладкій сонъ никогда не смыкалъ на немъ глазъ его, и сколько пролила на немъ слезъ несчастная его любовь!»

— Такъ пройдушь и для меня дни и ночи въ будущемъ! Такъ, вижу: Провидѣніе вело меня въ это грустное мѣсто, чшобы здѣсь навсегда проспитъся съ вами! Печальныя воспоминанія прошедшаго говоряшъ мнѣ здѣсь о будущей моей участи. Аеенаида! какъ прогашельны и вѣрны эти слова, написанныя прошивъ одра скорби. Чашаю ихъ и препену: *«Истинное одиночество на землѣ: быть навсегда разлугеннымъ съ тѣмъ, кого любишь. Вездѣ будушь мнѣ попомъ представляясь сіи слова, изрекающія мой жребій. Я увижу ихъ и въ моей неволѣ, и въ моихъ пупешеспвіяхъ, и во Дворцѣ моихъ предковъ, если когда нибудь шамъ буду. Въ послѣд-*

ній часъ жизни моей на нихъ устремилъ мой взоръ , и — я умру безъ грусти !

« Нѣтъ ! вамъ сужденъ болѣ великій , болѣ славный жребій ! Долгъ предписываетъ вамъ другое , и время возвратишь вамъ спокойствіе и тишину сердца .

— Аэнаида ! не опнимайше у меня послѣдняго упѣшенія , кошорое мнѣ еще оспаешся , шого чшо время оправдаешъ шолько моя къ вамъ чувсва ! Вы говорите о спокойствіи ? Его нѣтъ уже для меня ! Да , я найду еще силы исполнять долгъ мой ; но эша добродѣтель будешъ споинъ мнѣ такъ дорого , чшо уже ни на что болѣ не доспанешъ у меня силъ . . . И не эшпли шолько оспанешся союзомъ , соединяющимъ меня съ вами ? Захошите-ли , чшобы я испребилъ и эшопъ послѣдній ошашокъ небеснаго чувсва ? Вы , вы одни , ваше воспоминаніе , мысль объ васъ — вопъ одно , чшо замѣнишь мнѣ всѣ радосни , все счастье , чшо будешъ поддержавашъ мое бытіе . . . Не опнимайше у меня васъ , Аэнаида ! Можешъ-ли думашъ о чемъ нибудь другомъ шопъ , кшо любилъ васъ , и пожертвовалъ своею любовью къ вамъ ? Несчастливъ буду я — но доспоинъ васъ . Знаю , чшо вы уступили-бы наконецъ всѣ предрасудки ваши , всю нѣжность другихъ ошношеній вашихъ любви моей — не возражайте , Аэнаида : вы уступили-бы ихъ ;

Нолбрь 1831 .

14

но наслажденіе удивляясь вамъ , я спавлю дороже всякаго другаго наслажденія , купленнаго цѣною раскаянія. Противясь вашимъ высокимъ чувствомъ , я разрушилъ-бы наше счастье , нашъ союзъ души — шеперь онъ неразривень.

« Ахъ ! — сказала Аэенаида — эшопъ союзъ , споль свяшой , споль чистый , ручается намъ за счастье въ будущемъ , и эшого счастья не разрушитъ для насъ ни время , ни опсущствіе. Я предчувствую : нѣжная , вѣрная дружба наградишь намъ наслажденія любви. Эшо называю я шѣмъ спокойшвіемъ , кошораго молю для васъ у Бога !

— Нѣшъ , никогда , если для него надобно пожертвовашъ чувствомъ любви : эшо чувство до гроба !

Такъ продолжался еще разговоръ Аэенаиды и Принца. Наконецъ , они вспомнили , что надобно возвратиться въ замокъ. Черезъ часовню надобно было выйдти имъ изъ пущыни. Аэенаида пожелала оспашься одна въ часовнѣ. Принцъ сказалъ , что будетъ дожидаться ее въ десяти шагахъ , подъ деревомъ. Видя , что Аэенаида не зашворила дверей часовни , Принцъ тихо приблизился , и , не замѣчаемый Аэенаидою , смотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ , что Аэенаида подошла къ гробницѣ пущынника , спала на колѣни , и горячо молилась. Никогда не казалась она ему споль прелесшною , какъ въ эшу минушу.

— Нѣшъ! — сказалъ онъ самъ себѣ — шакъ чисты чувствва ея , что не спанешъ она просишь Бога опняшь ихъ у нея! . . Она молился за мое счастье, и молитвы ангельской души ея будущъ услышаны. Чувствую , что какое-то небесное , тихое услаждение успокоиваетъ перзаніе души моей ! »

Съ наслажденіемъ остановился Принцъ на сей мысли , когда Аэенаида вспала, и опшоловъ опъ груди своей розу , положила ее на гробницу. Она взяла съ гробницы , въ обмѣнъ , одно изъ многихъ приношеній , на ней лежавшихъ : это былъ вѣнокъ изъ васильковъ и фіялокъ. Аэенаида изумилась и была пронута , увидя Принца въ дверяхъ часовни. Она думала , что Принцъ не видалъ , что она дѣлала.

— Я не смѣлъ опспашься съ вами въ Каполической часовнѣ — сказалъ онъ — но одного Бога мы обожаемъ , и когда молились вы , Аэенаида, мое сердце лепѣло къ Богу !

Распроганная Аэенаида могла опвѣчать только вздохомъ. Она подала руку Принцу, и въ безмолвной грусти пошла съ нимъ вмѣстѣ въ замокъ. Принцъ молчалъ. Онъ и Аэенаида чувствовали , что это было послѣднее свиданіе , когда можно имъ было говорить свободно о своемъ чувствѣ. Желая , чтобы въ замкѣ не замѣтили ихъ свиданія , Аэенаида просила Принца

разспашься съ нею подлѣ большой сосны, вокругъ которой подлѣаны были дерновья скамейки. Это огромное дерево расло на берегу озера, въ двухъ шагахъ шагахъ отъ замка. Онъ и она содрогнулись, когда вдали завидѣли длинныя, зеленыя, сосновыя вѣтви, мрачною пѣвнью раздвинувшіяся по блестящей лазури неба. Невольно сдѣлались медленнѣе шаги ихъ... Имъ хошѣлось еще нѣсколькими мгновеніями продолжити время до роковой минушы вѣчной разлуки... И Аэенаида, и Принцъ, спрашась прибавивъ шажеснѣ скорби, взаимно спарались между пѣвнѣ не показывавшъ никакого признака ея. Но, когда подошли они къ назначенному мѣсту, Аэенаида не могла болѣе держаться на ногахъ — она сѣла, или, лучше сказашъ, упала на дерновую скамью подлѣ деревомъ; вѣнокъ, взявшій ея на гробъ пуспынника, выпалъ изъ рукъ ея, и покапился къ ногамъ Принца. Быспро схватилъ его Принцъ, и прижалъ къ своему сердцу.

«Аэенаида!» вскричалъ онъ, прерывающимся голосомъ — «милая Аэенаида! опдайше мнѣ эшошъ вѣнокъ; чувство грусти сплело его, набожность взяла; онъ былъ назначенъ на гробъ вѣрнаго, несчастнаго любовника: эшо назначеніе исполнился. Я сохранию его во всю жизнь мою, какъ безцѣнный залогъ нѣжности, самой

чиспой, и послѣ смерти моей— онъ будетъ положенъ въ гробъ мой... Аеенаида ! приходише иногда подѣ шѣнь этого дерева : свидѣтель моей печали, моей грусти — оно будетъ вамъ дорого ! На корѣ его, коюрой прикасалась голова ваша, въ минушу разлуки со мною, вырѣжьте два слова : « *Regrets et fidélité* ! » . . .

Проговоривъ сіи слова, Принцъ спряпалъ на груди своей вѣнокъ, и удалился, вздохнувъ тяжело... У него недоспавало бодѣ словъ. Поспѣшно шелъ онъ, и вскорѣ достигъ замка. Тушъ сказали ему, что Г-жа Спаль не выходила еще въ гостиную. Принцъ пошелъ въ ея комнату, заспалъ ее одну, заперся съ нею, и въ одно время началъ свое прощанье, и жаркій разсказъ о любви къ Аеенаидѣ. Ему надобно было сердце друга, сердце друга-женщины. . . .

— Вы не удивляете меня вашимъ изъясненіемъ — сказала Г-жа Спаль. — Я давно видѣла чувства ваши и Аеенаидины. Зная ея положеніе, при копоромъ всего легче, еслибы только она захопѣла, развестись ей съ своимъ мужемъ, я предполагала, что прелестный романъ любви вашей будетъ имѣть самое счастливое окончаніе. Теперь теряю всю надежду, если Аеенаида думаетъ, что попребовавши развода, она нарушитъ приличія и законы великодушія.

Сказанное ею въ такомъ случаѣ, невозвратимо. Вы сколько любите ее, что можете оцѣнить всѣ высокія чувства ея души. Жертвуя собою, она пріобрѣтаетъ новыя права на сердце, подобное вашему. Но для чего-же хотите вы спѣшить вашимъ опъездомъ? Я не въ силахъ вамъ этого присовѣтовать. Не будемъ опъказываться опъ немногихъ минушъ счастья, радости бытъ вмѣстѣ, когда можемъ опнять у судьбы эту радость! Время повиноваться ея жестокимъ повелѣніямъ — всегда успѣетъ насъ для насъ слишкомъ рано. Когда необходимость заставитъ васъ ѣхать, долгъ будешь призывать — поѣзжайте тогда. Вамъ будешь легче жертва ваша и тяжелая побѣда надъ собою. Но, теперь, когда вы можете еще по своей волѣ побытъ съ нами хоть немного времени — постараемся забыть, что скоро должно будешь расстаться! —

Пока продолжался этотъ разговоръ, Аэнаида, едва понимая себя, оставалась подъ деревомъ, гдѣ разстался съ нею Принцъ. Изъ глубокой задумчивости могъ ее вывести только шорохъ шаговъ, послышавшійся вблизи. Это были Вернеръ и Шлегель. Они приблизились къ Аэнаидѣ. Немедленно вспала Аэнаида со скамьи, говоря, что она опдыхаетъ послѣ продолжительной прогулки, упоминувшей ее. Шле-

гель сказалъ, что это очень замѣтно по лицу ея, блѣдному и измѣнившемуся. Между безчисленными справносными своими, онъ имѣлъ и ту, что почиалъ себя обладающимъ глубокими свѣдѣніями въ Медицинѣ, о кошорой, какъ говорилъ онъ, шаяшся въ головѣ его, шакъ, какъ и обо всемъ другомъ, мысли совсѣмъ новыя и необыкновенныя. Желая доказать Аеенаидѣ, что ошъ излишней ходьбы всегда устаюшъ, Шлегель началъ огромную и скучную диссершацию о выгодахъ и невыгодахъ шѣлесныхъ упражненій. Онъ дошелъ еще шолько до Гимнастики Грековъ, когда надобно было войдши въ гостиную зѣмка. Боясь, что собесѣдникамъ, кошорые собрались уже шущъ, ошанушся неизвѣсны прекрасныя мысли, высказанныя имъ дорогою до зѣмка, Шлегель началъ для нихъ диссершацию свою снова, и обратился къ Египшшнамъ и Халдеямъ. Во время этого ученаго многоглаголанія, Аеенаида, кошорую Шлегель со всею заботливостію усадилъ въ большія кресла, предписавъ ей ошаваться въ молчаніи и спокойствіи, была неподвижна, и до шого углублена въ свои мысли, что не понимала ничего, что дѣлали и говорили вокругъ нея. Глаза ея были усшремлены на дверь, въ кошорую должна была войдши Г-жа Спаль. Аеенаида не сомнѣвалась, что Принцъ долженъ бышъ у нея, и что съ нею вмѣстѣ явшся онъ въ гости-

ной. Шлегель находился еще у Египтянъ, когда внимательный слухъ Аеенаиды различилъ походку Принца, и легкій шумъ плащя Г-жи Спаль. Дверь отворилась; Принцъ и Г-жа Спаль вошли въ гостиную. Г-жа Спаль приблизилась къ Аеенаидѣ, и шихонько сказала ей, что Принцъ рѣшился дожидаться курьера, и до того времени ошлагаещъ ошѣздъ свой. Аеенаида вздохнула свободнѣе: опсрочка ошѣзда опшнчала хоша у насшоющаго дня самую грустную мысль, что это былъ день наканунѣ ошѣзда. Черезъ минушу пошомъ, Г-жа Спаль громко спросила у Аеенаиды: не хочещь-ли она выйдти на шеррасу? Шлегель сильно воспропавился этому, увѣряя, что вслѣдствіе своихъ медицинскихъ знаній, предписалъ онъ Аеенаидѣ самое совершенное спокойствіе, и почиашещъ это необходимымъ. Г-жа Спаль, смѣясь, ошвѣчала ему, что онѣ будутъ ходишь по шеррасѣ, какъ можно пише и медленнѣе, и, не смощра на жадобы Шлегеля, увела Аеенаиду. Когда Аеенаида ошпалась на шеррасѣ одна съ Г-жею Спаль, она посѣвшила спросишь у неѣ о нашѣреніи Принца.

— Принцъ ошпашещя, самъ не зная что дѣлать — ошвѣчала Г-жа Спаль. — Но, развѣ забыли вы, милая Аеенаида, что завшрашній день ѣ назначила балъ, что приглашенія уже разо-

сланы, и всѣ знаютъ, что Принцъ обѣщалъ быть на этомъ балѣ?

«Эпо было за двѣ недѣли прежде; онъ думалъ тогда осматься здѣсь гораздо долѣе.

— А теперь онъ самъ не знаетъ на что рѣшился, и, увѣряю васъ, что онъ спарается даже и не думать о рѣшеніи. Послушайте меня: не думайте и вы объ этомъ. Думайте лучше о томъ, что на балъ съядуща только за тѣмъ, чтобы видѣть Принца, и посмопирѣть, какъ танцуетъ Аэенаида.

«Мнѣ танцовать!

— Вы должны. Если въ этомъ многочисленномъ собраніи, вы будете не въ состояніи преодолѣть вашу горечь, то подадите поводъ къ тысячѣ самыхъ глупыхъ догадокъ и сказокъ. Изгнанники всего болѣе должны спараться избѣгать толковъ и разговоровъ объ нихъ. Въ то время, когда свирѣпствуетъ духъ партій, каждая догадка бываетъ поводомъ къ клеветѣ.

«Мнѣ танцовать? Завтра? Когда сердце мое растерзано?

— А между тѣмъ, я ручаюсь — вы въ споргѣ отъ мысли, что онъ не уѣдетъ завтра! Не должно-ли праздновать вамъ эпо *завтра*, эпошъ день, который, вмѣсто того, чтобы ему быть днемъ печальной, вѣчной разлуки, будетъ проведенъ съ нимъ, въ гдазахъ его? Нѣтъ!

вы будете панцовать — съ волненіемъ сердца, съ грустью души — но, не безъ удовольствія....

« Я могу опозваться ушомленіемъ, уснажосью. Шлегель будетъ ручаться за меня...

— Что за праздникъ будетъ, если вы откажешесь опъ танцевъ? Нѣтъ! вы не захопите лишить меня удовольствія — угоспите Принца самымъ прекраснымъ вечеромъ! Признашесь ли вамъ, моя милая Аеенаида. Я кокетствую вами, потому, что вы не умѣете кокетничать! Принцъ слышалъ, какъ вы играете на арфѣ, поете, но не видалъ еще, какъ вы танцуете. Хочу, чтобы распаваясь съ вами, онъ зналъ всѣ ваши очаровательныя достоинства.

« Надѣюсь, или, лучше сказать, увѣрена, что такое ничтожное достоинство ничего не прибавишь къ его чувствамъ.

— Такъ, но это обольщительное искусство оставишь въ его воображеніи еще одинъ плѣнительный образъ... Какъ вы одѣнешесь?

Этотъ вопросъ заставилъ Аеенаиду улыбнуться.

« Вашъ истинно-женскій вопросъ.

— Истинно-дружескій вопросъ — возразила Г-жа Спаль.

« Чшожь, » сказала Аеенаида, « я могу опвѣчать вамъ искренно: когда вы заговори-

ли о балѣ, мысль о нарядѣ пошчасъ пришла мнѣ въ голову — я думала о плашьѣ и уборкѣ головы. Цвѣтами, которые посвящалъ онъ мнѣ, хочу я убраться: вѣнокъ изъ васильковъ и фіялокъ на голову; гирлянду изъ эпихъ-же цвѣшовъ на плашье.

— Ахъ! — сказала Г-жа Спаль, обнимая Аеенаиду — какъ люблю я вашу доброшу и искренность! Прекрасно! Сей часъ-же ошправляю нарочнаго въ Женеву, закупишь и привеси къ намъ всѣ васильки и всѣ фіялки, какія можно шамъ найдши у цвѣточныхъ масперовъ. Ваша идея прелестна, а я берусь ее исполнить. — Г-жа Спаль пошчасъ пошла ошправляшь нарочнаго, а Аеенаида явилась въ госшинной.

Удаливъ ошъ воображенія груспную мысль неизбѣжной, скорой разлуки, Аеенаида и Принцъ совершенно предались наслажденію — бышь вмѣстѣ, пока еще это возможно. Обѣдъ былъ оживленъ разговоромъ, засшавившимъ просидѣшь за споломъ долѣе обыкновеннаго. Говорили о часовнѣ пусшынника. Вернеръ разсказалъ испорію этого несчастнаго любовника, и хвалилъ его постдьянство. Но Шлегель ушверждалъ, что при высшей сшепени чувствительности, необходимо надобно бышь непостояннымъ, пошому, что необходимая пошребность любви увлекаешъ спрасшное сердце къ новому пред-

мешу, когда нѣтъ болѣе надежды, или когда мы разлучены опсушествіемъ, или смертью, отъ той особы, которую обожаемъ. Что такое постоянство? говорилъ Шлегель — собственно говоря: безчувствіе. Слѣдовательно, пуспынникъ былъ человекъ холодный, флегматикъ. Сеймуръ сильно защищалъ мнѣніе Шлегеля. На нихъ напали поэты всѣ, и особенно Принцъ. Споръ продолжился до тѣхъ самыхъ поръ, когда надобно было вставать изъ-за стола; экипажи были уже готовы для прогулки по берегу озера, Остатокъ дня пролетѣлъ для Аэнаиды и Принца, какъ минувшій, веселый сонъ. Но прощанье въ вечеру было пыгостно: оно напомнило ту горестную разлуку, которая скоро должна была послѣдовать для любовниковъ. Глаза Аэнаиды наполнились слезами. Въ комнатѣ своей нашла она огромный картонъ, съ вазильками и фляками, привезенный изъ Женевы. Горничныя Аэнаиды провели часть ночи въ уборкѣ сими цвѣтами бѣлаго ея платья, Эпо платье хотѣла надѣть Аэнаида на балъ.

Посреди парка Коппетскаго, устроена была изъ зелени обширная зала. Общество собралось многочисленное и блестящее. Когда явилась Аэнаида, изящная прелесть ея наряда и ослѣпительная красота произвели на всѣхъ впечатлѣніе, самое живое и замѣтное. Начатые шан-

цы остановились, по крайней мѣрѣ, замедлились, замѣшались: изумленіе и удивленіе не давали средства думать о фигурахъ и слушать музыкантовъ. Танцовщики успремили взоры на Аэнаиду, забывали своихъ дамъ, ходили медленно, разсѣянно, и всѣ зрители, бывшіе въ залѣ, говорили въ полголоса: «Какъ хороша! какъ прелестна!» Скромное замѣшательство Аэнаиды увеличило красоту ея, и если бы Принцъ не былъ свидѣтелемъ этого невольнаго и общаго обожанія, она охотно пожелала бы убѣжать изъ залы. Могла-ли она не понравиться ему? Она видѣла, что Принцъ былъ въ совершенномъ восторгѣ, что съ неизъяснимою нѣжностью смотрѣлъ онъ на вѣнокъ изъ васильковъ и фиалокъ, бывший у нея на головѣ, и совершенно сходный съ тѣмъ, кошорый былъ ему столь драгоцененъ. Принцъ приблизился къ Аэнаидѣ, и тысячу нѣжныхъ, спрашанныхъ словъ сказалъ ей о выборѣ цвѣтовъ, соспавлявшихъ уборъ ея — словъ, только ей одной понятныхъ. Не лзя было Аэнаидѣ отказатьсь отъ танцовъ, и это произвело совершенный восторгъ. Наслажденіе: совершенно лѣнишь любимаго человека, заспавило Аэнаиду забыть все, прошедшее и будущее. Она была очаровательна — это былъ счастливѣйшій день ея жизни!

Есть въ сердцѣ человека чувство, заспавляющее его не вѣришь, когда сомнѣніе прино-

снѣ ему какую нибудь пользу, какое нибудь улажденіе. Удаляшъ опъ себя мысль о томъ, чего мы спросимся, значилъ разувѣряшъ себя въ печальной существенности. Думаемъ, что со временемъ явившя еще новыя обспояшельства, и снова удаляшъ опъ насъ предметъ нашего страха. Такъ опъѣздъ Принца былъ неизбѣженъ, но мысль, кошорой не могла удалитъ опъ себя Аэнаида, позволяла ей надѣяться, что еще нѣсколько *завтра* будешь похожихъ на пролетѣвшій пакъ весело день.

Надежда не сблалась. На другой-же день послѣ сего счастливаго вечера, къ Принцу прискакалъ курьеръ. Онъ получилъ извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Франціею и его опечешвомъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ и повелѣніе Государя, брата своего — немедленно поспѣшитъ къ нему. Такой приказъ, такая новостъ, конечно, были ожиданы, и между шѣмъ показались ужащающею неожиданностъю. Надобно было — вырваться Принцу изъ этого убѣжища, замѣняшаго ему опчизну и великолѣпный Дворъ. Переполковашъ повелѣнія было невозможно. Долгъ пребоваъ повиновенія. Въ слѣдующую ночь назначенъ былъ опъѣздъ; время до ночи была вся опсрочка, кошорую можно было себѣ позволить.

День казался продолжительною прощаньемъ.

Вечеръ наступилъ слишкомъ скоро; минуша разлуки приближалась съ непонятною быстротою.

Г-жа Спаль занималась въ это время сочиненіемъ своего прекраснаго романа: *Коринна, или Италія*.

Желая-ли избѣжать поминельнаго ожиданія минушмъ, спрашившей тяжкою горестью, думая-ли избавить себя опть груснаго положенія, въ какомъ всѣ подозрѣвали ее, но никшо не могъ понимать, или, можетъ бышь, полагая замедлить эшимъ хопь на нѣсколько минушъ еще назначенное время, Аэенаида убѣдительно просила Г-жу Спаль прочиташь опрывокъ изъ Коринны.

Г-жа Спаль потчасъ поняла, что это было средство для милой ея подруги свободно предаться своей мысли, пакъ, чтобы никшо, до кого она не касалась, не могъ ея проникнуть. Она охотно согласилась сыскашь и прочешь опрывокъ, кошорый, по ея мнѣнію, всего лучше могъ способствовать намѣренію Аэенаиды. Не долго запруднялась она въ выборѣ, и взяла вшорую импровизацію Коринны, шо мѣспю своего романа, кошорое навсегда оспалось въ числѣ поэтическихъ воспоминавій для путешеспвенника на мысѣ Мизенскомъ, въ заливѣ Байскомъ

— торжественное, сердечное прощаніе со всѣми радостями, со всякою славой!

Г-жа Спаль хотѣла, чтобы еще времени до времени, Аэенанда прерывала чтение импровизаціи аккордами арфы.

Такое соединеніе очаровательныхъ звуковъ Музыки и Поэзіи, могло показаться праздникомъ, еслибы улыбка не видна была на всѣхъ лицахъ, и слезы не навершивались на глазахъ многихъ.

Это мелодическое покрывало, брошенное на разлуку, часа кошорой не льзя было предвидѣть, поэтическія слова вдохновенной Музы, сладостные, дрожащіе звуки, вылетавшіе изъ арфы подъ перстами Аэенанды — вся эша поэзія души была-бы восхищительна, еслибы она не скрывала минуши неизбѣжной горести.

Продолжительное молчаніе послѣдовало за чтеніемъ. Всякій разговоръ показался-бы тогда немъспень. Часы въ замкѣ ударили полночь: эшо былъ часъ отъѣзда...

Г-жа Спаль поднялась съ своего мѣсна; Принцъ также вспалъ въ свою очередь, какъ будто повинуюсь движенію Г-жи Спаль, но не соединя съ эшимъ никакой мысли.

Всѣ присушествовавшіе удалились. Осмались

только Г-жа Спаль, Аэнаида и Принцъ. На-
добно было прощаться...

Аэнаида и Принцъ не плакали. Онъ и она
казались лишенными чувствъ.

Г-жа Спаль обратилась къ Принцу. «Про-
щайше, В. В.!» сказала она. «Вы узнали здѣсь
все, что только любовь можетъ имѣть чи-
стнаго, нѣжнаго, прогашельнаго, все, что мо-
жетъ она внушить высокаго, героическаго. Ни-
какая слабость не оскорбила вашихъ восхищи-
тельныхъ наслажденій. Сладость, прелестъ вос-
поминанія, будущъ для Аэнаиды вѣрными по-
руками вашей грусти и вѣрности. Столь юный,
столь обольстительный, вы можете увлечься
мгновеннымъ заблужденіемъ, но сердце ваше ни-
когда не будетъ принадлежать никому другому,
кромя Аэнаиды, раскрывшей въ благородной
душѣ вашей начала великодушныхъ, великихъ
спрашей.»

Замокъ Коппенъ, оживленный въ печеніе
столь многихъ лѣтъ, даже и въ дни изгнанія —
нынѣ осиротѣлъ. Все прошло: славу, скорбь,
надежды безсмертія, высокія чувства, велико-
душные поступки — замѣнило безмолвіе. Убѣ-
жище генія превратилось въ пустыню. Пеше-
Ноябрь 1831. 15

шественники посвящають его, какъ мѣсто вос-
помянній минуваго, какъ знаменимыя раз-
валины...

Знаете-ли вы картину Жерара: *импровизація
Коринны на мысу Мизенскомъ*? Вошь одно, чшо
осшалось опъ любви, чистой, высокой и пре-
красной, кошоруо мы здѣсь изобразили.

О романахъ Виктора Гюго: *Han d'Islande* (3-е
изданіе, Парижъ, 1829 г., 4 тома, in-12), *Bug Jar-
gal* (3-е изданіе, Парижъ, 1829 г., 3 тома, in-12),
Le dernier jour d'un Condamné (Парижъ, 1829 г. 2-е
изданіе), *Notre-Dame de Paris* (Парижъ, 1831 г. 2-е
изданіе, 2 тома, in-8).

Прежде признавали мы въ Изыщныхъ Искусствахъ
извѣстное число опредѣленныхъ идей, изъ ко-
ихъ составлялось уложеніе вкуса. Являлось-ли ка-
кое нибудь новое произведеніе? Кришка обраца-
лась къ своему законодательству, указывала въ чемъ
оно благопріятствовало, или въ чемъ противорѣчило
новому шворенію, и, сообразно силѣ законовъ вкуса,
публика принимала или отвергала то, чшо было
ей на судъ предсшавлено.

Безначаліе, въ какомъ находишь шеперь респу-
блика Словесности, дѣлаешъ положеніе нынѣшнихъ
кришниковъ чрезвычайно затруднительнымъ. Хе-

чешь-ли кричики обратитесь къ уроженію вкуса? Его считають діалектикомъ, поддерживающимъ правила стариннаго цеданшизма. Вкусъ, вкусъ! Кто рѣшилъ эшошь вкусъ? Чшо такое вкусъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ есть вкусъ. исключительный и пречный, превосходный передъ другими, цакъ сказашь — *нормальный*? Если онъ есть, шо какъ его узнать? Вошь трудноти, нопоры прежде всего рѣшить должно.

Просимъ читашелей не пугашься. Мы такъ боимся продолжительныхъ сужденій, въ кошорыя моглобы увлечь насъ рѣшеніе сихъ труднотей, шо оставимъ ихъ на сей разъ нерѣшенными. Но, такъ какъ надобно-же на чемъ нибудь основашься кричику, шо для основы сужденій нашихъ о романахъ В. Гюго, возьмемъ мы порядокъ идей, прошивъ кошораго не спользо споряшь, сколько прошивъ порядка идей о вкусъ, хотя шѣ и другія сходны, даже однородны: я разумю здѣсь *идеи нравственныя*. Предвижу возраженіе, кошорымъ захошашь остановити меня. Вошь новый вопросъ: есть-ли необходимое отношеніе между Нравшвенностью и Искусствомъ? Необходимо-ли въ произведеніяхъ Искусства имѣть цѣлью Нравшвенность? Справедливо смѣялись надъ геомешромъ, кошорый, по окончаніи предшавленія Ифигенія Расиновой, спрашивалъ у своего сосѣда: *Mais, qu'est-ce que cela prouve (да что-же этимъ доказано)*? — Геомешръ былъ конечно забавень, съ своимъ геомешприческимъ вопросомъ, но во всѣхъ-ли отношеніяхъ былъ онъ забавень? Чшо доказывашь Ифигенія! Спросидше цоща Лукреція.

Везъ сомнѣнїя, Нравственность не должна быть видимою, прямою цѣлью во всякомъ творенїи Искусства; Эпопея, Драма, Романъ не должны быть длинными, холодными апологами. Думать иначе, значило-бы лишашъ жизни дѣйствующихъ лица изящныхъ творенїй и леденишь чашашелей; но, послѣдку счастливая наклонность влечешъ сердце челоувѣческое любишь добродѣшель и ненавидишь порокъ, по художникъ представляешъ то и другое долженъ не иначе, какъ для развишїя въ насъ нравственнаго чувства. Сей порядокъ идей споль естественъ, что при началѣ лишшерашуры не бываешъ ни одного писашеля, который-бы ошъ него удался. Омиръ, напримѣръ, былъ величайшїй моралистъ. Чѣмъ болѣе тогда поэшы бывають вѣрны Нравственности, тѣмъ болѣе они прославляюшся, тѣмъ болѣе бывають любимы. Причина понятна: они спольшешествують общешвенному образованїю, и оно съ лихвдоу плашишь ихъ именамъ, если не имъ самимъ, за услуги ему оказанныя. По мѣрѣ того, какъ идешъ общество, распространяешся лишшерашура и увеличиваешся кругъ людей, еѣ внимающихъ. Наступаешъ наконецъ эпоха, когда обхвапывая все общество, религїю, нравы, мнѣнїя, уставы, знанїя его, лишшерашура дѣлаешся верховною законодательницею. Эту эпоху у насъ, во Францїи, можно отнести ко временамъ Вольшера: тогда оказывала лишшерашура самое сильное влїянїе. Но, къ несчастїю, лишшерашура испышываешъ и такое время, когда пошребность и шрудношь производить новое, сворачивають лишшерашуру съ сего правильного пути къ со-

вершенству, вопреки обществу, жемающему продолжать сей путь. Тогда — возбужденіе новыхъ и сильныхъ чувствъ, каковы-бы они впрочемъ ни были, дѣлается цѣлю, которую предполагаетъ себѣ Искусство. Тогда надобно весьма осерегаться. Созданія художниковъ могутъ быти въ сіе время предметомъ любопытства и моды, но не истиннаго восторга, и не прочной славы. Нѣтъ дѣйствительной славы въ Искусствахъ безъ продолжительнаго вліянія, и не бываетъ продолжительнаго вліянія безъ направленія Правственнаго. Изъ сего необходимо, если либература перестаетъ быти органомъ образованности и усовершенствованія, слѣдуетъ потеря ея владычества, и ниспаденіе съ той степени, на которую благодарность людская ее поставила. Дѣло фокусника бываетъ иногда труднѣе дѣла художника. Ошъ чего-же мнѣніе общественное не уравниваетъ ихъ? Ошъ того, что одинъ говоритъ сердцу, другой только чувствуемъ; у одного цѣль нравственная, у другаго нѣтъ никакой.

Какъ? Въ самыхъ ничтожныхъ произведеніяхъ либературныхъ, *dans un roman frivole*, гдѣ, по словамъ Буало, *aisément tout s'excuse*, вы требуете нравственности? Да, и непременно, если авторъ хочетъ успѣха прочнаго. Взгляните на романы, славу которыхъ утвердило время, и скажите: не нравственной-ли пользы они одолжены своею славою? Одинъ романистъ, слѣдовавшій непосредственно послѣ Среднихъ вѣковъ, осыпаетъ всеми стрѣлами насмѣшки блестящее, но бесполезное Рыцарство,

кошорымъ Феодализмъ сначала замѣнялъ небытіе законовъ, и которое потомъ поставилъ выше ихъ.— Другой, направляя такіа-же ѣдія спрѣлы сатиры противъ всѣхъ пороковъ и превращенностей испорченнаго общества, разставляешь намъ картины его въ превосходной галлерей. Третій, искусною противоположношью двухъ характеровъ, изясняешь намъ, какъ должны мы остерегаться видимостей, и не принимать личины добродѣтелей за самыя добродѣтели. Таковы основанія, на койхъ утверждены творенія Сервантеса, Лесажа и Фильдинга. Самый Руссо, сознаваясь въ опасности, какой можешь подвергнуть добрую женщину слишкомъ украшенное изображеніе предосудительной спрасши, ѣспрается, въ подробностяхъ своей Элоизы, споспѣшествовашъ Нравственности многими и краснорѣчивыми уроками.

Но ошъ нынѣшнихъ модныхъ романовъ, какого урока, какой истины, какого нравственнаго впечатлѣнія можеше ты пошребовашъ? Чашатель, спрощенный по чистой совѣсти, конечно затруднишся въ ошвѣщѣ. Человѣкъ геніальный, котораго главою признаешъ нынѣшняя лишшература, взялъ для себя въ романахъ цѣлью *животисъ историческихъ нравовъ*. До сихъ поръ, не можемъ мы еще убѣдишся, чшобы его повѣствованія, гдѣ вымысль и истина безпрерывно смѣшпваюшся, были весьма полезны для изученія Ишторіи. Но съ удовольствіемъ замѣчаемъ мы, чшо среди лицъ, кошорыа онъ, какъ говорашъ, успѣшно изображаешъ, въ отношеніи внушреннемъ и наружномъ, такими, какими являдася

они въ свое время, но есть мало похожими на насъ, не пренебрегъ онъ пославши нѣсколько изображеній, по изяществу своему принадлежащихъ вѣсти въкамъ. Эпизъ удовольствовалъ онъ первому изъ всѣхъ правилъ — *занимательности*, средствомъ превосходному, хотя и снороку, поучая людей Правосвѣнности. Интересъ, внушаемый добродѣтелью, естественнѣе влечетъ насъ любить ее, слѣдовашъ ей. Въ семъ отношеніи, В. Скопшъ принадлежишъ къ старой школѣ. Нововведенія подражашелей его, въ Литтературѣ и Искусствахъ, впрочемъ совсѣмъ не такъ и значительны, какъ многіе думаютъ. Они состояшъ не столько въ томъ, что бы *производить новыя созданія*, сколько въ стараніи *представлять прежнія созданія съ новой точки зрѣнія*, отъ чего являюся впечатлѣнія вовсе необыкновенныя. Романъ В. Гюго: *Ганъ Исландскій*, представляешъ намъ примѣръ подобной работы. Появленіе этого насмѣшливаго человѣкоида заставило публику дивиться и пугаться. Самъ Сочинитель, столь извѣстный по своей литтературной ошварѣ, не сказалъ своего имени при первомъ изданіи своей книги. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ, такъ сказашъ, мало по малу, рѣшился онъ законнымъ образомъ усыновить свое дитя. Но между тѣмъ, эпошъ ужасный Ганъ Исландскій, въ самомъ-ли дѣлѣ созданіе новое? Мы, по крайней мѣрѣ, находимъ въ немъ стараго знакомаго, существо, нѣсколькими вѣками посварѣ Огра, спрашившаго и забавляшаго насъ въ дѣта дѣтства. Словомъ: это Циклопъ Полифемъ. Васъ ужасаетъ ошваршительное пиршество Гана? Но трудно прибавишъ что нибудь

страшное къ ужасающей живописи, какую *Виргилій* передалъ намъ, изображая обжорство *Циклопа* :

Vidi egomet due de numero quum corpora nostro,
 Prensâ manu magna, medio resupinus in antro,
 Frangeret ad saxum, sanieque aspersa notarent
 Limina; vidi atro quum membra fluentia tabo
 Manderet, ac tepidi tremere sub dentibus artus.

Каждое слово поэта, въ семь описаніи, доказываешь, что онъ самъ содрогался отъ ужаса, какой передавалъ своимъ слушателямъ.

Надобно-ли вамъ также видѣть насмѣшливый, злой нравъ лица, о кошоромъ мы говоримъ? Эврипидъ, въ саширической драмѣ своей: *Циклопъ*, показываетъ намъ опять того-же *Полифема*, спольже смѣшнымъ, сколько и жестокимъ. Гдѣ-же нововведеніе? Вошь гдѣ: *Огръ*, *Циклопъ*, сушь великаны; превосходя челоуѣка своею вещественною силою, они, при своемъ варварствѣ, не имѣють достоинства храбрости и побѣжденной прудности. Участвіе не переходить на ихъ сторону. Напрощивъ, Ганъ малъ; дабы удовлетворить своему отвращительному стремленію, и пожвращъ другихъ людей, онъ долженъ къ силѣ присоединить смѣлость и ловкость сверхъестественныя. Такимъ образомъ, онъ привлекателенъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Но надобно сказать, что эпошь, въ самомъ дѣлѣ новый, вышересь, помогающій *Авшору* увлекашь вниманіе наше къ участи чудовища — есть зародышь смерти, и его не побѣдитъ никакому дарованію.

Что *Гань Исландскій* имѣетъ рѣдкое достоинство слога; что нѣкоторыя лица сего романа возбуждаютъ живѣйшее наше участіе; что нѣкоторыя подробности его дышатъ очарованіемъ любви, соединенной съ добродѣтелью; что живописныя описанія, рѣзкіе разговоры, и сильныя, драматическія положенія, безпрестанно возбуждаютъ вниманіе читателя — обо всемъ этомъ кришика не станешь спорить. Но не смотря на исчисленныя нами выгоды, *Гань Исландскій* такая книга, которую всякій прочтаетъ одинъ разъ, но немногіе, покушаясь читать снова.

Въ *Бюгъ-Жаргалъ*, В. Гюго приблизился къ обыкновенной дорогѣ, стараясь возбудить участіе лицами добродѣтельными. Къ несчастію, представилъ онъ Негра, до безумія влюбленнаго въ бѣлую женщину, и соединяющаго самое нѣжное почтеніе съ самою пламенною любовью. Это вовсе неестественно. Рыцарское великодушіе Бюгъ-Жаргала является чѣмъ-то несообразнымъ, въ такой книгѣ, гдѣ весь родъ Негровъ представленъ достойнымъ презрѣнія; вичжожность лица Маріи еще болѣе уничтожаетъ всякое сильное дѣйствіе. Все достоинство книги заключается въ прекрасныхъ подробностяхъ. Ими изобилуетъ она, особливо въ первыхъ главахъ. Есть множество описаній живыхъ, положеній увлекающихъ, а въ развязкѣ, сцена между Дювернесемъ и карлю Гадибрагомъ, на краю бездны, исполнена драматическаго движенія и истиннаго ужаса. Недостатокъ *Бюгъ-Жаргала* особенно замѣненъ въ Историческомъ отношеніи. Видимъ, по какому-то

слабому, неопредѣленному ошнѣтну, распространенному на всѣ картины, что Авторъ совѣтъ не знаетъ страны, имъ описываемой, и никакой другой страны, на нее похожей. О революціи Сень-Домингской даетъ онъ идею самую неполную и невѣрную. Справное дѣло! Въ живописи подробностей, онъ вѣренъ; общность у него ложная. Г-нъ Гюго совѣтъ не углубился въ свой предметъ, не объялъ его. Онъ наслушался рассказовъ какого нибудь колониста, и держался этого подозрительнаго свидѣтельства, на удачу изображая смѣшными и ненавистными разныя званія жишелей, и совѣтъ не вводитъ насъ, какъ слѣдовало, въ основныя причины возмущенія всеобщаго, погубившаго для Франціи ея прекрасную колонію. Колонистъ, Негрофиль, Цвѣшной пуземецъ, Негръ — у В. Гюго равно жестоки, особливо шрое послѣдніе. Но какое стеченіе обстоятельствъ могло испорчить такимъ образомъ природу человѣка? Вотъ чего нигдѣ не изъяснилъ Авторъ, а между тѣмъ, эшо изъясненіе было необходимо, для возбужденія участія, и для познанія самаго предмета. Причина, сдѣлавшая въ Сень-Доминго человѣка шоль злымъ, было рабство, шакое, какое долженствовало произойти ошъ шогдашней колоніальной системы. Присовокупимъ къ эшому, что въ эшой-же колоніи общество бѣлыхъ не восприняло власши демокрашія, объявшей Францію, и, напросивъ, само рѣшилось, еще съ большими жаромъ, слѣдовать правиламъ революціи. Вообразимъ себѣ эшо общество, приводящее въ исполненіе революціонныя правила, безъ всякой мысли о шомъ, что полу-свободные

цвѣтныя и рабы-Негры живутъ съ нимъ вмѣстѣ, и что демагоги Франціи не подумаютъ помогать, когда эти люди, живописными почиаемые, заразясь свободою мѣтній. Такъ все и было. Мало по малу, духъ безначалія и шемная идея о свободѣ проникали къ Неграмъ и Цвѣтнымъ. Бѣлые попеременно искали пособія, то у того, то у другого рода, были жершвою ихъ, и безначаліе кончилось тогда только, когда власть, переходя отъ одного званія къ другому, соединилась съ вещественною силою, и досталась въ руки геніяльнаго Африканца — Туссеня-Дувершюра. Что касается до жестокости, оказанной Неграми, то ее легко изъяснить воспишаніемъ, какое они получали. Обходившись прежде съ ними, какъ съ живописными, нечего дивиться звѣриной лютошті, показанной ими при возстаніи ихъ. Дивись лучше уму, кошорымъ успѣли они укрѣпить себѣ прочную побѣду. Таковы должны быть, мнѣ кажешся, идеи, кошорыми можно-бъ было создать историческій романъ изъ Сень-Домингской революціи. Развипіе сихъ идей могло быть важно для Нравственности. Для чего Авторъ *Бюгъ-Жаргала* не начерталъ подобной картины? Для чего такъже нѣтъ у него ни слова объ Испанцахъ, поджигавшихъ возмущеніе нашихъ Негровъ, и подававшихъ имъ помощь? Испанскіе шিশулы, принятыя начальниками Негровъ, конечно, смѣшны; но, шѣмъ не менѣе, сношенія ихъ съ Испанцами есть дѣло доказанное, и его не лзя исключать изъ Ишоріи. Каковы-бы ни были частныя достоинства *Бюгъ-Жаргала*, споль неполная картина

революціи Сень-Домингской не можешь удовлетворить ни незнающихъ оной, ни знающихъ ее.

Гораздо выше романъ Г-на Гюго: *Последній день осужденнаго*. Собственно, это не романъ, но нѣчто выше. Тѣмъ болѣе чести дарованію, если оно умѣешь поддерживать и увеличивать участіе, при совершенномъ однообразіи положеній. Не лѣзя не похвалишь Г-на Гюго и за то, что онъ не говоритъ чипашелямъ: за какую вину осужденъ преступникъ. Живопись Автора дѣлается черезъ то болѣе общою, болѣе философическою. Томленія чело-вѣка, который ждешь смерти въ назначенный часъ, изображены съ удивительною силою и глуби-ною. Трудно проникнуть еще далѣе во всѣ сокровенные изгибы сердца человѣческаго. Изысканность и принужденность нѣкоторыхъ подробностей изви-няющся и оправдываются положеніемъ того чело-вѣка, котораго почишаемъ мы писавшимъ записки. Слогъ его долженствовалъ ошразить на себя нрав-ственную пышку, имъ претерпѣнную. Цѣль Автора очевидна: изображая томленія осужденнаго на смертную казнь, онъ хотѣлъ споспѣшествовать уничтоженію сего ужаснаго наказанія. Слѣдующій отрывокъ изъ романа Г-на Гюго покажешь намъ, для чего писалъ Авторъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ краснорѣчиво ошсталавалъ онъ дѣло, которое взя-ся защищать. «Эта записка моихъ спраданій, изъ часа въ часъ, изъ минушы въ минушу, изъ наказа-нія въ наказаніе, если у меня будутъ силы вести ее, до тѣхъ поръ, когда *физически* не лѣзя мнѣ будетъ продолжать — эта исторія, по необходи-

мости неконченная, но столь полная, сколь полною дозволяли мнѣ сдѣлать ее мои чувства, не будешь ли она великимъ и глубокимъ урокомъ? Не найдутся ли въ эпохѣ дѣлопроизводства умирающей мысли, въ эпохѣ постепенно увеличивающемся дѣйствіи скорби, въ эпохѣ умственномъ *вскрытіи* души осужденнаго, уроки для осуждающихъ его? Можетъ быть, чтеніе моихъ записокъ сдѣлаетъ легче руку ихъ, когда надобно будетъ имъ бросать мыслящую голову, голову человека, въ то, что называюшь они всами правосудіа! Можетъ быть, несчастные! они никогда не размышляли объ этомъ медленномъ послѣдованіи пытокъ, которое заключается въ скоро составленномъ опредѣленіи смерти. Остановивались ли они на сей убійственной мысли, что въ человекѣ, заживо исключаемомъ ими изъ числа людей, есть разумнѣе, разумнѣе, хотѣвшее жить, есть душа, отвергающая смерть? Нѣтъ! во всемъ этомъ видятъ они только отвѣсное паденіе трехъ-угольной сѣкиры, и, конечно, думаютъ, что для осужденнаго нѣтъ ничего, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Мои записки разувѣряють ихъ. Можетъ быть, изданныя когда нибудь, онѣ остановятъ нѣсколько мгновеній умы судей на спраданіяхъ умственныхъ, нѣсколько ими не подозрѣваемыхъ. Судья радъ тому, что можетъ совершить казнь, почти безъ физическихъ спраданій пресупника: только объ этомъ и думаютъ наши исполнители правосудія. Но что такое физическая скорбь, въ сравненіи съ моральною скорбью? Ужасъ и жалость возбуждаютъ уголовные законы, такимъ образомъ составленные! Наспанетъ день измѣненія

ихъ, и, можешъ бышь, сіи записки, послѣдніа шайны несчастнаго бышіа человѣческаго, будущъ сподѣшествовать ускоренію дня сего»... .

Далѣ, осужденный говоришь, припоминая что онъ оставляешъ мать, жену, дочь: «Три сироты разнаго рода! Три спрадалицы, и — законъ производишь ихъ спраданія! Я справедливо наказываюсь; но сіи невинныя, что онѣ сдѣлали? Ихъ безславяшь, раззоряюшь — и это правосудіе!» — Можешъ бышь, шущъ ешь отчасши и дѣло; но что оно доказываетъ проптивъ смертной казни, пбо равно прилагаешся оно ко всѣмъ уголовнымъ наказаніямъ? — Надобно было прямѣе, положительнѣе изъяснишь свой образъ мыслей о родѣ наказаній, приличныхъ за уголовныя, тяжкія преступленія. Можешъ бышь, онѣ кончили-бы тѣмъ, что *волокое наказаніе не хорошо?* Но тогда, что извлечемъ мы изъ этого резульпаша?

Ошдадимъ справедливостъ Г-ну Гюго за прелеспный эпизодъ, которымъ умѣлъ онъ ошвлечь насъ на нѣсколько мгновеній ошъ мрачныхъ думъ осужденнаго. Оборощомъ мыслей, весьма ешественнымъ, несчастный, въ послѣдній день своей жизни, ослаждаешъ душевныя мученія, вспоминая игры своего дѣтшства, и первыя обольщенія любви, нѣкогда его лелѣвшія. Ничто не сравнишся съ сѣжесшю и прелесшю сего опрывка, оканчивающаго собою мѣсто, раздрающее сердце.... Полный воспоминаній о своей юной подругѣ, и своихъ невинныхъ удовольствіяхъ — «этомъ вечерѣ» — говоришь онъ — «буду я помнишь всю жизнь свою... всю жизнь!»

Сила предмета вся вполне заключена въ сихъ послѣднихъ словахъ: это истинно высокое! Гораздо менѣе естественности въ эпизодѣ дѣяши его, Маріи. Совсѣмъ невѣроянно, чтобы ошъ этого дѣяши скрывали, что его ведутъ въ тюрьму, просятъся съ ошцомъ своимъ. Столь-же невѣроянно, чтобы нянька его купила на улицѣ смертный приговоръ ошца. Здѣсь слишкомъ явны расчеты Сочинителя, желавшаго разительной сцены. Искусство могло-бы, и вѣрнѣе приискашь въ семь мѣсѣвъ причины, и болѣе придашь шрогашельности эпизоду, возбуждающему наше живое участіе. Но исправивъ подобныя несовершенства, такъ-же, какъ изгладивъ нѣсколько подробностей — истинныхъ, но необлагороженныхъ и каррикатурныхъ — сумъ такія пожерпвованія, на которыя никакъ не согласится Г-нъ Гюго! А при сихъ условіяхъ, сочиненіе его было-бы сочиненіемъ превосходнымъ.

Обратимся теперь къ послѣднему роману Г-на Гюго — безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ другихъ извѣстному, не только Французской, но и чужеземной публикѣ. Повѣсть Серваншеса, называемая: *Цыганка*, могла подать первую идею, на кошорой основалъ онъ свой послѣдній романъ: *Церковь Парижской Богоматери* (Notre-Dame de Paris). Дѣвочка, похищенная Цыганами, воспитанная ими, и при развязкѣ находимая родителями ея — шакое главное лицо, и въ повѣсти Серваншеса, и въ романѣ Гюго. И у шого и у другаго, молодая дѣвушка аша, не смотря на ремесло уличной плясуньи, и на дурное общество, въ какомъ она находится,

умѣешь сопровѣляться обольщенію мужины и собственной своей красоты! Но — здѣсь кончился всякое сравненіе: ничего нѣтъ столь различнаго, сколько различны повѣствованія Серваншеса и Гюго, и происхожденія Цыганокъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ. У Серваншеса, это дочь благороднаго Коррежидора Мурція; у Гюго — дочь неизвѣстнаго отца, а мать ея — развратная дѣвка, которая, перешедъ въ сшепеніи разврата, дошла до послѣдней крайности униженія, и не находишь ни въ чемъ болѣе утѣшенія для своего стыда и своей скорби, кромѣ дышья — пресшупнаго плода ея послѣднихъ грѣховъ. Радость, испытанная ею, когда она сдѣлалась матерью, восторженная заботливостъ, какую оказываешь она своему дышья, опчаяніе, когда это дышья у нее похищено — все это, изображенное въ добродушномъ разсказѣ одной изъ ея сосѣдокъ, составляешь картинну, дышащую истиною, прелестью, участіемъ (*). Несчастливая мать замуравывается въ покаянницу, находящуюся на Гревской площади, въ Парижѣ. Тамъ шомишься она въ печеніе шестнадцати безконечныхъ лѣтъ, принимая бѣдное подаваніе ошь мимоходящихъ, и проклиная всѣхъ Цыганъ, которые являющся передъ ея глазами, особенно молодую, прелестную плясунью, возрастъ которой напоминаешь ей похищенную дочь. Но, не только ненавистъ — Эсмемальда (имя молодой Цыганки) возбуждала и другія чувства, Самую слабую любовь вдохнула она въ душу бѣдняка, поэта, по имени

(*) Эшотъ опривокъ помѣщенъ былъ въ Сынѣ Опшества, 1831 года. *Пр. Пер.*

Петра Гренгуара. Эсмеральда выходитъ за этого человека за мужъ, чтобы избавить его отъ веревки; но онъ дѣлается мужемъ ея *ad honorem*. Гренгуаръ, ночью, зашелъ въ улицы Парижскихъ, и попалъ во власть воровъ и нищихъ, обитавшихъ, въ шакъ называемомъ: *la Cour des Miracles*. Спаситься могъ онъ только сдѣлавшись гражданиномъ этого страннаго сообщества, а для этого надобно было ему жениться на одной изъ Цыганокъ. Эсмеральда рѣшилась, пожертвованіемъ себя, спасти Гренгуара. Но между тѣмъ, странная эта красавица совершенно свела съ ума ученаго Фролло, Архидіакона церкви Парижской Богоматери. Для нея забылъ онъ и свои герменевическія упражненія и изысканіе философскаго камня. Фролло заставляешь звонаря Казимодо—родъ чудовища, столько-же сильнаго, сколько и безобразнаго—похищать молодую Цыганку. Казимодо успѣваетъ захватить Эсмеральду, и ночью, поспѣшно несетъ ее по улицамъ Парижскимъ, когда Капитанъ, начальникъ дозора, прекрасный мужчина, Фебусъ Шатоперъ, избавляетъ отъ него Эсмеральду. Сей случай подаетъ поводъ ко взаимной страсти. Но страсть Цыганки глубокая, неразрушимая; спрасть Капитана—чувственная прихоть, ибо онъ думаетъ о любви слишкомъ по солдатски. Между тѣмъ, бѣдный Казимодо осужденъ за похищеніе дѣвушки быть высѣченнымъ у позорнаго столба. Когда, мучимый болью и свирѣпостью гнѣва, онъ молишь ужаснымъ крикомъ дать ему хоть каплю воды, изъ толпы народа выходитъ Цыганка, и понтъ спрадальца водою. Любовь ея смѣла, не менѣе сострадательности. Ославленная сво-

Ноябрь 1831. 46

нѣ Фебусомъ, она соглашается придти на свиданіе съ нимъ, въ такое мѣсто, котораго названіе утонченность языка нашего изгнала уже изъ словарей. Тамъ, когда она едва можешь пропироваться увлеченію безумной страши, ревнивый Фролло, введенный въ убѣжище позорной любви самимъ Капитаномъ, кидается на него, колѣтъ его кинжаломъ, и удаляется. Прибѣгаютъ люди, полиція, берутъ Эсмеральду, и начинается судъ. Ее внять въ убійствѣ и колдовствѣ. Тщетно говоритъ она о своей невинности: легкое начало пытки исторгаетъ у нея признаніе, отъ котораго потомъ нельзя ей опиздаться. Судъ приговариваетъ несчастную повѣситься на Гревской площади, принесся предварительно публичное покаяніе передъ церковью Парижской Богоматери. Брошенная въ ужаснѣйшую шемницу, она шомится медленной смертью; мучишься всѣми страданіями души и тѣла, и вдругъ видишь монаха, сошедшаго въ ея шемницу. Это Фролло. Онъ пришелъ предложить ей жизнь, съ условіемъ: убѣжашь съ нимъ вмѣстѣ, и соединишь свою судьбу. Съ отвращеніемъ отвергаетъ его Эсмеральда. Чась гибели ея настала; уже публичное покаяніе принесено ею; хотять везти ее на Гревскую площадь; когда звонарь Казимодо, влюбленный не менѣе Архидіакона, исторгаетъ Эсмеральду изъ рукъ палачей, и переносишь ее въ церковь Парижской Богородицы. Убѣжище въ церкви почиталось тогда священнымъ. Казимодо скрываетъ добычу свою въ маленькой кельѣ, подъ колоколами. Эсмеральда не можешь смотрѣть на своего избавителя безъ страха и ужаса; но страсть, сдѣлавшая

Фролло чудовищемъ, производишь на чудовище Казимодо совсѣмъ другое дѣйствіе. Недовольный спасеніемъ твоею, которую любишь, онъ покровительствуетъ ей, услуживаетъ самымъ нѣжнымъ образомъ, хотя не получаешь отъ нея ни одного привѣтливаго взгляда. Все несчастіе его состояши въ томъ, что онъ неестественно безобразенъ! Между шпѣи, нищѣ, воры, бездѣльники, и другіе обитатели *Подворья чудесъ* (la Cour des miracles), осаждаютъ церковь Богоматери, и хотѣвши избавить свою Эмеральду. Мощный Казимодо выдерживаетъ неистовую ихъ осаду; стрѣлки Королевскіе, съ другой стороны, нападаютъ на осаждающихъ. Ночь дѣлаетъ смѣшеніе самымъ ужаснымъ. Въ это время Фролло и Гренгуаръ еще разъ успеваютъ похитить Эмеральду, и унести ее на правый берегъ Сены. Тамъ снова ошвергаетъ она предложенія Фролло, хочешь лучше умереть, и въ бѣшенствѣ, Фролло зовешь Королевскую стражу, оставляя Эмеральду въ рукахъ Кающейся, замурованной въ стѣнѣ. Ненависть сей несчастной придаетъ ей силы; она удерживаетъ Цыганку, но вскорѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, узнаешь въ ней погибшую дочь свою! Обезумѣвшая отъ радости, она чувствуетъ и весь ужасъ гибели, угрожающей Эмеральдѣ; старается скрыть ее въ своей кельѣ.—Тщесныя старанія! Народъ, солдаты бѣгутъ, самъ Начальникъ палачей, Тристанъ, является съ служителями правосудія. Убѣжище несчастной открыто; ее исторгаютъ изъ рукъ матери, и романъ оканчивается на Гревской площади; и въ убогомъ домѣ Монфокояскомъ.

Люди, жадные сильныхъ впечатлѣній, будутъ довольны чтеніемъ сей книги. Изъ нашего краткаго изложенія можно видѣть, что Авторъ не думалъ щадить ихъ. Кромѣ этого, что дѣйствующія лица, почти безпрестанно, находятся въ положеніи насильственномъ, слогъ, непрерывно судорожный, сбивчивый, еще болѣе умножаетъ страшное дѣйствіе разсказа. Авторъ, съ какимъ-то наслажденіемъ, заславляешь читателя переходить черезъ всѣ степени томленій, нравственныхъ и физическихъ. Такъ, напримѣръ, когда на колесѣ позорнаго шлоба съкушъ бѣднаго Казимодо, онъ описываетъ намъ его мучителя (*le tourmenteur*), возбуждающаго самого себя къ жестокости, и *упивающагося казнью* (*s'enivrant de l'exécution*). «Второй ударъ слѣдовалъ за первымъ, потомъ шрешій, еще, еще, и безпрестанно; колесо не переставало вершѣться, и удары сыпаться. Скоро брызнула кровь; видѣли, какъ тысячу ипичекъ заспруилась она по чернымъ плечамъ горбуна, и шоненькіе ремни плетши, сильно разсыкая въ обращеніи своемъ воздухъ, разбрасывали капли ея въ шодѣ народа»...

Въ другомъ мѣстѣ, вошь какъ описываетъ намъ Авторъ ревнивое бѣшенство Архидіакона: «Онъ ломалъ себѣ руки, думал, что эта дѣвушка, образъ кошорый, видѣнный имъ однимъ, во мракѣ, составлялъ-бы высочайшее его блаженство, была предана взрамъ всѣхъ, среди бѣла дня, въ самый полдень, одѣшая, какъ будто на сладоспастную роскошь ночи... Онъ плакалъ отъ ярости, воображая, сколько нечистыхъ взоровъ воспользуются этою легко-наброшенною рубашкою, и эта пре-

лестная дѣвушка, эшошь образецъ стыдливости и нѣги, къ которому съ шрепешомъ только осмѣливался онъ приближать свои уста, была превращена въ народное зрѣлище, гдѣ самое низкое народонаселеніе Парижа—воры, нищіе, слуги пришли вмѣстѣ наслаждаться удовольствіемъ безстыднымъ, нечистымъ, развратнымъ... и эшо она, она !... Сія неизгладимая идея непрерывно приходила ему въ голову, пышала его, шерзала мозгъ его, рвала его внутренность... Онъ не жалѣлъ, онъ не раскаявался: все, что онъ сдѣлалъ, готовъ онъ былъ сдѣлать вновь. Онъ лучше хотѣлъ видѣть ее въ рукахъ палача, нежели въ рукахъ Капшина. Но..... онъ спррадалъ, спррадалъ до того, что по временамъ вырывать изъ головы своей волосы, и сморрѣлъ: не посдѣдали-ль они:»—Вообще въ спрраши Архидіакона есть споль много напьянушаго, что она не возбуждаешъ уже нашего участія. Другія лица естественнѣе, но они рѣдко возвышающся до шой изящной природы, въ которой несчастія ихъ могли-бы возбудишь сильное соспраданіе наше. Казимодо оригиналенъ, увлекателенъ, и могъ-бы привязать насъ къ себѣ всѣхъ болѣе, еслибы Цыганка не планила за его спррашъ несправедливымъ равнодушіемъ.

Замѣчательно, что Авторъ, пламенный энтузіастъ Среднихъ временъ, показываешъ намъ общество сего любимаго имъ времени въ видѣ неспершимо-печальномъ и безобразномъ. Не могу повѣришь, чтобы подобная картина была лѣтна. Наши предки были невѣжды и варвары: не сомнѣваюсь въ эшомъ; но въ шоже время они были веселы и

добродушны. Доказательства находимъ въ ихъ писаніяхъ, такъ-же какъ и въ самой природѣ вещей. Не могу узнать изображенія юнаго общества, въ разсказъ, дѣйствіе кошорого походитъ на дѣйствіе продолжительнаго, шяжкаго сновидѣнія. Странное прошиворѣчіе нынѣшней Литтературы! Осуждаютъ нашихъ законодательей за то, что они не удаляютъ ошъ глазъ народа зрѣлища наказаній, и—безпрестанно предоставляютъ чинашелямъ висѣлицы, позорныя столбы, пытки. Называютъ себя религиозными, духовными, и—улаждаются непрерывными изображеніями физическихъ спраданій, унижающихъ человека, и дѣлающихъ его матеріальнымъ! Неужели исключительная склонность дарованія Г-на Гюго увлекаетъ его къ изображеніямъ ужаснаго? Нимало! Самыя замѣчательныя мѣста послѣдняго романа его, такъ, какъ и всѣхъ другихъ сочиненій, суть шѣ, гдѣ онъ обольщаетъ насъ прелестью. Мы уже говорили о прогашельномъ дѣйствіи героини романа: укажемъ еще на шу главу, гдѣ Фролло отвлекается ошъ своихъ ученыхъ занятій нѣжносшью къ своему брату, заступая ему мѣсто отца и матери по смерти своихъ родителей. Всего-же лучше укажемъ чинашелямъ на шу прелестную главу, кошорою начинается вторая томъ (изданія in 8), и гдѣ Авторъ описываетъ намъ Цыганку, введенную въ собраніе молодыхъ *барышенъ* (*damoiselles*) и гдѣ видимъ мы прекрасную Флёръ-де-Ли Гонделорье, съ женихомъ ея Фебусомъ. Во всѣхъ подробностяхъ этой сцены дышашъ прелестъ, свѣжешъ красокъ, тонкощъ замѣчаній, дѣлающихъ ее совершенствомъ изящнаго.

Для чего живописецъ, если кисти его, когда онъ захочетъ, можетъ явиться столь благородною и чистою, для чего являешь онъ намъ очерки странные или отвращительные? Не скажемъ-ли, что по природѣ своей Г-нъ Гюго назначенъ для прекраснаго, и что онъ принуждаетъ свое дарованіе, изображая фигуры смѣшныя, безобразныя? Чѣмъ больше упорствуетъ онъ въ своей системѣ, тѣмъ больше слогъ его явдѣтъ намъ принужденности и усилій. Въ *Ганъ Неландскомъ*, кромѣ немногихъ мѣстъ, онъ быстръ и изященъ, силенъ и легкокъ; въ *Бюгъ Жаргалъ* многословіе, изысканность даюшь уже себя чувствовать; усиленныя въ *Последнемъ днѣ осужденнаго*, въ новомъ романѣ Г-на Гюго, сн погрѣшности почти непрерывны. Даже въ маленькихъ отрывкахъ, выше сего нами приведенныхъ, найдемъ доказательства словъ нашихъ. Но если хотѣшь совершенно въ этомъ убѣдиться, то должно прочесть въ *Notre-Dame de Paris* описанія древнихъ Парижскихъ зданій. Здѣсь Авторъ совершенно ушомляеть насъ. Правда, что ему есть шупъ случай ко многимъ блескамъ учености, но за всѣмъ тѣмъ, мы съ радостью ищемъ конца описаній. Сообщуемъ для повѣрки сего особенно прочесть главу, названную: *Paris à vol d'oiseau*. Конечно, каждому читателю при этомъ придетъ въ голову двусмыслие Буало:

Je saute vingt feuillets pour en trouver la fin,
Et je me salue à peine au travers du jardin.

Счастливы сочинители, одаренный, подобно Г-ну Гюго, обильнымъ воображеніемъ, являющимъ одну и ту-же идею, подъ тысячу образовъ, всегда живописныхъ, всегда самобытныхъ! Но еще съ ш-

ливте писатель, у котораго осторожное перо умѣешь
остановиться на томъ только, что всего сильнѣе
поражаетъ умъ чинашея (*).

(*) Эта статья писана Французскимъ императоромъ, Г-мъ Шове (Chauvet), и помѣщена была въ Апрельской книжкѣ *Revue encyclopédique*, 1831 года. Мы назвали ее: *Сужденіе Классика о романахъ В. Гюго* — и ничего приличнѣе нельзя придумать! Это не глосоль злобнаго пристрастія, не безумный крикъ императорской черни: это сужденіе умѣренное, писанное *гестно*, скромно. Но кто-же узнаетъ по этой статьѣ, что сочиненіе, о которомъ говоритъ Г-нъ Шове, что новое произведеніе В. Гюго: *Notre-Dame de Paris*, есть одно изъ великихъ созданій, какими можетъ гордиться современная Европейская Импература? Отъ чего происходитъ невѣрный взглядъ Г-на Шове? Отъ того, что онъ смотритъ глазами партіи — онъ *Классикъ*, и *все сказано двумя словами!* Г-нъ Шове повсюдуешъ пошлые вздоры, за которые цѣпляется теперь Классицизмъ, п. е. ложныя понятія о нравственности въ Искусствѣ, о цѣли изящныхъ произведеній, и проч. и проч. Зная, что *Notre-Dame* и у насъ производитъ много толковъ, и безтолковицы, мы нарочно помѣстили статью Г-на Шове въ Телеграфъ, и попомъ помѣстимъ другую, гдѣ объясняеся его ошибки, и гдѣ, поспараемъ мы спакже показатъ и великость новаго сочиненія В. Гюго, который послѣ него спановится въ первомъ ряду современныхъ *Европейскихъ* императоровъ. *Изд. Тел.*

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія книги.

— *Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ. Сшашскаго Совѣтника, Профессора, Казанскаго Общества любителей Отечественной Словесности Предсѣдателя и Кавалера Григорія Городчанинова. Казань, 1831 г. въ ш. Универс., in-8, 552 стр.*

Можно не соглашаться съ мнѣніемъ какого нибудь писателя, можно осуждать то или другое въ его мысляхъ и образѣ выраженія, но всегда должно уважать благонамѣренную цѣль, даже и при явныхъ ошибкахъ. Такая мысль приходила намъ въ голову, когда читали мы прозу и стихи почтеннаго Казанскаго Профессора, Г. Н. Городчанинова.

Въ изданной имъ книгѣ собраны прозаическія и стихотворныя пьесы, коими донинѣ ознаменовано было долговременное его поприще, какъ Лишшеращора, и какъ Профессора. Сшашья вавидательнаго (почши Богословскаго) содержанія, переводы изъ Фенелона, Трюблеша, оды и стихи на разные случаи, и свободныя изліянія поэтическихъ чувствъ — шаково содержаніе *сочиненій и переводовъ* Г-на Городчанинова. Намъ не случалось видѣть изданныхъ

нимъ прежде *Согласній въ стихахъ и прозѣ* (Казань, 1816 г.), и мы не знаемъ: находишься-ли напечатанное въ 1816-мъ году въ нынѣшнемъ изданіи, или нынѣ напечаталъ Г-нъ Городчаниновъ только не изданныя въ 1816-мъ году свои сочиненія? Известно, что кромѣ упражненія въ мѣрихъ стихахъ и прозѣ, Г-нъ Городчаниновъ занимался и большими литературными предпріятіями: онъ перевелъ пять частей Райналевои Историі о заведеніяхъ и торговлѣ Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ (СПб. 1799 г.), написалъ комедію: *Митрофанушка въ отставкѣ* (М. 1800 г.), и приложилъ ученые примѣчанія къ переводу Буалоовой *Науки стихотворства*, сдѣланному Графомъ Д. И. Хвостовымъ (къ 3-му изданію, СПб. 1818 г.) — труды, коимъ всякій ошдасть должную справедливостъ.

Можешь бышь пощому, что мы принадлежимъ къ новому поколѣнію, и мыслишь сообразно нынѣшнему духу времени, но только чща мѣркія сочиненія Г-на Городчанинова, мы не соглашались съ нимъ въ многомъ. Намъ кажется, скажемъ для примѣра, что онъ слишкомъ высоко цѣнишь Буало, котораго — признаемся — мы безъ скуки читали по можемъ, и въ которомъ не видимъ ни единой капли Поэзіи. Намъ кажется также невѣрнымъ односторонній взглядъ Авшора на *Эмиля Руссо*, и проч. и проч.

Можно поспорить съ Авшоромъ и касательно слога. Предсавляемъ для примѣра, напечатанное имъ, на 543-й страницѣ: *Надгробіе родителю*.

Миръ праку швоему, дражайшій мой родитель,
 Къ наукамъ первый ты мнѣ былъ руководитель.
 Хотя званіемъ купецъ ты *Балахонскій* былъ,
 Но данный мнѣ талантъ въ поваряхъ не зарылъ,
 И, презирая всѣхъ непросвѣщенныхъ мнѣне,
 Природы наблюдалъ одной во мнѣ влеченье;
 Ты понялъ зовъ ея — и я *Профессоръ* сталъ...

Осмѣливаемся думать, что вмѣсто: *Балахонскій*,
 надобно-бы сказать: *Балахницкій*; слова: *Профес-
 соръ* сталъ, темны и некрасивы; надобно-бы ска-
 зать: *сдѣлался, произведенъ, пожалованъ*, или еще
 какъ нибудь иначе. Впрочемъ, шакъ намъ кажется;
 мы не смѣемъ выдалать своего мнѣнія за аксіому,
 когда дѣло идетъ о лишшературныхъ трудахъ пи-
 сателя споль опытнаго, какъ Г-нъ Городчаниновъ,
 и мы охотно соглашаемся, что во всемъ имъ пи-
 санномъ видна добрая, благонамѣренная цѣль.

— *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ
 кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ
 Елисаветы Петровны.* Сочиненіе Александра Вейде-
 мейера. Двѣ часни. СПб. 1831 г., въ ш. И. Глазу-
 нова, in-8, 11, 14Q, IV, 111, 165, и 14 стр., съ
 табличкою.

Кто-бы ни былъ преемникомъ Великаго Петра,
 всякій показался-бы малъ, въ сравненіи съ этимъ
 исполнѣмъ воли и ума. Но кромѣ того, природа
 какъ будто отдыхаетъ, произведя человека геніяль-
 наго, сидной души: не только не бываетъ дѣтск-

гда *наследника* гению; но, десьма часто, посредственное надолго остаётся удѣломъ той страны, гдѣ пролетѣлъ въ безсмертномъ полетѣ своемъ гений. Это самое видимъ въ Исторіи Опечесива нашего, когда скончался Пётръ Великій. Послѣ сорокалѣтняго царствованія, въ шеченіе коего вся физическая и умственная дѣятельность Россіи, волею гения, была въ сильнѣйшемъ напряженіи — сорокъ лѣтъ, до Императрицы Екатерины II-й, Россія жила только дарованною ей Петромъ жизнію. Это составляло отдѣльный, полный *періодъ* нашей Истории; онъ кончился 1762-мъ годомъ.

Человѣчество шло своимъ чередомъ съ 1725-го по 1762-й годъ. Жизнь Россіи была въ сіе время *отрицательная*, но она слѣдовала неизмѣнному ходу Человѣчества: Россія жила и двигалась впередъ. Историкъ найдетъ краски для картины сего періода въ соперничествѣ двухъ державныхъ поколѣній: Іоанна и Петра; въ усиліяхъ аристократовъ, ошдохнувшихъ послѣ грозной силы Великаго, и думавшихъ о временахъ Годунова и Семибоярщины; въ кровавой враждѣ придворныхъ паршій; въ уклоненіи отъ образованія, какое хотѣлъ дать Россіи Пётръ; въ политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ; въ изображеніи нравственныхъ измѣненій духа народнаго, касательно образа жизни, нравовъ, обычаевъ, самой религіи. Лица, достойныя широкой кисти, видны на сценѣ Исторіи: Меньшиковы, Долгорукіе, Минихи, Бироны, Остерманы, Голицыны, Беспужьевы, Оеофаны, Разумовскіе, Ломоносоны.

Ничего этого не могъ предсавить Г-нъ Вейдемейеръ, въ своемъ *Обзорѣ*. Кромѣ того, что онъ не продолжилъ его до Екатерины II-й, а заключилъ 1741-мъ годомъ, слѣдовательно, оставилъ далеко неконченнымъ, кажется, онъ и не имѣлъ въ виду ничего полнаго, не смогъ, и не хотѣлъ смогти ни на что философически. Г-нъ Вейдемейеръ составилъ погодную записку о главнѣйшихъ происшествіяхъ, съ 1725-го по 1741-й годъ. Новаго шума мы почти ничего не нашли. Это сухая выписка изъ Миниха, Манштейна, газетъ, реляцій, Чулкова, Болшина, и ш. п. — Говоряшъ, что подобныя книги *полезны для справокъ*. Положимъ и шакъ, но зато онѣ недоспащочны, и лишены жизни, какую видимъ въ матеріялахъ, изъ коихъ оныя составляются, лишены и шѣхъ удобствъ, какія находишъ наблюдашъ въ общности матеріяловъ. Возьмите, напримѣръ, *Записки Манштейна*: сколько поводовъ къ узнанію истины найдешся въ характеристикѣ людей, имъ изображенныхъ, анекдотахъ, рѣчахъ, описаніяхъ нравовъ, обычаевъ. Читайше шакже официальные акты о Волинскомъ, Графѣ Бесшужевѣ, Мировичѣ, и — истина Исторія ярко освѣшившъ взоръ вашъ, изъ сихъ актовъ. — Можемъ-ли все это извлечь изъ лѣтописи, или погодной записки Г-на Вейдемейера? Нѣтъ! потому, что его *Анналы* писаны не Историческимъ перомъ, и не въ Историческомъ онѣ духѣ!

— *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. Часъ I. *Берова лѣтопись Московская* (переводъ Николая Устрялова). Спб. 1831 г., въ ш.

Росс. Академіи, in-8, XVIII и 297 стр., съ поршрешомъ Димитрія Самозванца, и снимкомъ его почерка.

Мы ссылаемся на статью нашу о *Маржеретъ*, изданномъ Г-мъ Устряловымъ въ 1830-мъ году (Тел. XXXV, стр. 258), какъ на доказательство, съ какимъ благодарнымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на трудъ сего почтеннаго соотечественника нашего. Мы съ своей стороны изъявили тогда робкое желаніе: видѣть изданныхъ имъ, съ такимъ-же тщаніемъ, Бера и Паерле (*ibidem*, 266). Слава Богу! лучший приемъ публики оправдалъ наше мнѣніе о трудѣ Г-на Устрялова, и далъ ему средства осуществитъ желаніе, изъявленное нами, конечно, вмѣстѣ со всеми просвѣщенными нашими соотечественниками.

Г-нъ Устряловъ рѣшился напечатать вновь *Маржерета* (ибо 1-е изданіе все уже раскуплено), и съ тѣмъ вмѣстѣ перевестъ и напечатать и Бера и Паерле. Это составитъ при пома *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*.

Опять, какъ истинно-просвѣщенный либераторъ, превосходно исполняетъ свое предпріятіе Г-нъ Устряловъ. Чишатели, уже знакомые нѣскольکو съ новымъ трудомъ Г-на Устрялова изъ отрывковъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Ошечества и Моск. Телеграфѣ (№ 20-й, 1831 г.), вѣроятно, поспѣшатъ вполне съ симъ познакомиться, и мы смѣемъ увѣрить, что вполне удовлетворятся ихъ ожиданіе. Послѣ *вступленія*, гдѣ слышимъ скромный голось безпристрастія и ума, Переводчикъ излагаетъ

жизнь Бера. Сей замѣчательный человекъ былъ Люшеранскимъ Пасторомъ въ Москвѣ, съ 1600 года; бывъ другомъ Басманова, онъ находился въ милости и у Самозванца, говорилъ даже проповѣди въ Кремлѣ, въ присутствіи Марины Мнишекъ и свисы ея, и потому, почелъ онъ благоразумнѣйшимъ скрыться изъ Москвы при Шуйскомъ. Чуть было не погубилъ его вшорой Самозванецъ, *Тушинскій Царикъ*. Марина упростила злодѣя пощадить бѣднаго Пастора. Беръ возвратился въ Москву уже послѣ избранія Владислава, и въ 1612-мъ году, когда Мининъ и Пожарскій осадили Москву, Беръ рѣшился бѣжать изъ Россіи въ Лифляндію. Тамъ описалъ онъ все видѣнное имъ самимъ, и слышанное отъ другихъ, о событіяхъ послѣ смерти Іоанна IV-го до 1612 года (*Chronicon Muscoviticum*). Олеарій встрѣтилъ Бера въ Нарвѣ, уже въ царствованіе Михаила Θεодоровича. *Гдѣ и когда* умеръ лѣтописатель Московскій, не знаемъ. Но лѣтопись его донинѣ не была издана, и оставалась въ рукописи. Пешрей, Шведскій Посланникъ, жившій въ Москвѣ, при Годуновѣ, Самозванцѣ и Шуйскомъ, четыре года, выбралъ изъ Герберштейна, Гваньини, и другихъ, свою извѣстную: *Muszkowitische Chronica*, напечатанную въ 1619 г. на Шведскомъ, а въ 1620 году на Нѣмецкомъ языкѣ. Берову лѣтопись вписалъ Пешрей въ свою книгу почти вполнѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями. — Г-ну Устрялову предстоялъ тяжельшій трудъ: переводить Бера съ шариннаго, Нѣмецкаго языка, неправильнаго, и, по тогдашней модѣ, перемѣшаннаго съ грубою Лашиною. Удачно преодолѣвъ сію трудность, Г-нъ Устряловъ оказалъ еще

и эту важную услугу читателямъ, что слычиль все измѣненное, прибавленное, или не шакъ рассказанное Пешреемъ, и помѣстила сія варіаншы въ примѣчаніяхъ къ Бера. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь на Русскомъ языкѣ, не только малозвѣстную рукопись Бера, но и книгу Пешрея. Г-нъ Усиряловъ передавалъ подлинникъ *ни выпуская ни одного слова*. Точность, тщательность его въ семь случаевъ удивительны. Читатель слышиль рассказъ самовидца вполне, видишь всѣ волновавшія его спрашши, ошибки, мѣнія, смотришь на предметы его глазами. Надобно-ли говорить о пользѣ и любопытности подобныхъ книгъ? Должно-ли доказывать, что онѣ именно *такимъ образомъ* должны быть издаваемы?

Историческій интересъ въ сторону. Мы обратимся къ тому, что выше сего говорили мы, извѣщая о сочиненіи Г-на Вейдемейера. Хотимше-ли понять всю разницу раздѣченнаго Риторикою рассказа Карамзина, или шусклаго свѣта, въ которомъ ошибочный патриотизмъ и путаница романтическихъ идей представляли намъ событія Междуцарствія, въ рассказахъ нашихъ Историческихъ Романшовъ? Читайше Маржереша и Бера, и слычше пошомъ описанія Карамзина и повѣствованія Г-дъ Булгарина и Загоскина. Не говоримъ, кто правѣ: пристрастные-ли самовидцы, или шакже пристрастные, только въ другомъ отношеніи, наши историки и романшшы — указываемъ только на *разницу рассказовъ*. У Бера кипитъ жизнь, сверкаетъ жешина, читатель живетъ, кажется, съ дѣйствующими лицами; у Карамзина, Булгарина, Загоскина—

видны люди на ходуляхъ , разряженные, изображающіе собою рядъ отвлеченныхъ , невѣрныхъ идей и поршрешовъ. Мы посовѣтуемъ нашимъ романистамъ прочиташъ , что говоритъ Г-нъ Устряловъ на V-й страницѣ Предисловія , а поклонникамъ Карамзина слова его на VII-й страницѣ.

Книга Г-на Устрялова удовлетворитъ и любителей хорошихъ изданій : она напечатана не только опрятно , но даже роскошно , не смотря на дешевую цѣну , по которой продается (*). Поршрешъ Самозванца превосходно выгравированъ Г-мъ Ушкинымъ. Съ удовольствіемъ ожидаемъ появленія 2-й части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ* , ибо надѣмся , что и она такъ-же хорошо и щцательно будетъ издана , какъ 1-я часть.

— *Исторія Княжества Псковскаго*. Съ присовокупленіемъ плана города Пскова. Ч. I и II-я. Кіевъ. 1831 г. въ ш. Кіево-Печерской Лавры , in-8 , 321 и 143 стр.

Говоря объ Исторіяхъ *отдѣльныхъ* , или *глстныхъ* , входящихъ въ общія Исторіи государствъ и народовъ , мы излагали уже мнѣніе наше о томъ , какія частныя Исторіи , и какимъ образомъ могутъ бышь писаны (см. статью объ *Исторіи Малороссіи* , Д. Н. Баншышъ-Каменскаго , Тел. 1830 г. ш. XXXV , стр. 74—76).

Не знаемъ , раздѣляешь-ли почтенный Авторъ

(*) Въ Спб. 20 рублей на Любской , 25 р. на велевовой бумагѣ.

Исторіи Княжества Псковскаго наше мнѣніе; но, по крайней мѣрѣ, онъ убѣждался, кажется, что Псковъ не можешь быть *самобытно разсматриваемъ въ Исторіи*. По крайней мѣрѣ, Авторъ, подъ именемъ *Исторіи Пскова*, представляешь намъ только *Историческо-Статистическіе матеріалы*, для изложенія событій въ Псковѣ и его окрестностяхъ. Въ *первой* изъ двухъ вышедшихъ частей книги, помѣщено 20 статей, относящихся къ Исторіи и Статистикѣ древняго и новаго Пскова (съ десятию приложеніями, касательно событій въ Псковѣ, въ 1812 году). Во *второй* части находящіяся росписи Псковскихъ Князей, Намѣстниковъ, Посадниковъ, Губернаторовъ, и проч. съ прибавленіемъ 75 древнихъ грамотъ и актовъ. — Въ *третьей* части будетъ Исторія Псковской Иерархіи; въ *четвертой* погодная лѣтопись Пскова. Вѣроятно, Авторъ включишь сюда все, что не могло войдши въ 1-ю часть его книги, и воспользуется любопытною Псковскою лѣтописью, донинѣ не изданною, и извѣсною намъ только по выпискамъ Карамзина (*).

Имя цѣлью единственно приведеніе въ система-

(*) Мы слышали, что Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, начинающее новую жизнь подъ предѣдательствомъ почтеннаго Археолога нашего, А. О. Малиновскаго, предполагаетъ приступишь къ изданію Псковской лѣтописи. Желаетъ, чтобы предпріятіе, столь полезное, было приведено въ исполненіе.

нической порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ, почтенный Авторъ не входилъ въ критическія изслѣдованія. Онъ означаетъ *откуда* что почерпнушо имъ: *иже чтеть, да разуметь*. Не можемъ не изъяснить почтенному Автору признаштельности, за множество новыхъ подробностей, имъ предсшавляемыхъ.

— *Наертаніе житія Московскаго Митрополита Платона*. Другое изданіе, вновь напечатанное И. С. — Часть II. М. 1831 г. въ ш. С. Селивановскаго, in-8, 122 и IV стр.

Съ такимъ-же любопытствомъ, какъ *первую*, прочитали мы и сію, *вторую* часть труда И. М. Снегирева. Особенно занимательнымъ въ ней показалось намъ: изображеніе мѣтвнй Митрополита Платона о политическихъ событіяхъ въ Европѣ и Россіи, съ 1806-го года, по самую его кончину. Здѣсь замѣшимъ мы только, что почтенный Авторъ напрасно ошь себя говоритъ, будто Наполеонъ былъ «первымъ орудіемъ въ Аренагѣ нечестивыхъ (?)»; въ Египтѣ, передъ Мамелюками, являлся посланникомъ Божиимъ, а въ Сиріи, передъ Жидами, обѣщаннымъ Мессіею» (стр. 31). — «Въ Россіи, между народомъ онъ слылъ Антихриспомъ» — прибавляешь Авторъ. Последнее правда, а все первое кажешся — неправда. Желаетъ знать: чѣмъ докажемъ Авторъ слова свои, если у него потребуютъ доказательствъ въ его обвиненіяхъ на Наполеона? Нисавши *Исторію*, не лзя ссылашся на афишки и извѣстія, которыя издавались нѣкогда не съ *Историческою* цѣлю, и были хороши по особенной

цѣля и по времени изданія. Почитаемъ весьма любопытнымъ въ книгѣ Г-на Снегирева описаніе послѣднихъ лѣтъ и кончины Платона, особенно-же характеристику его (ср. 62, и слѣд.). — Напроставивъ, не лзя назвать удовлетворительнымъ взглядъ Сочинителя на Платона, какъ на писателя: это собственно только *исчисленіе сочиненій Платона*, но и въ семъ отношеніи недоспаетъ ему библиографическихъ подробностей. Судя по остроумнымъ сблженіямъ на стр. 96 и 97-й, видимъ, что Г-нь Снегиревъ могъ-бы хорошо и безпристрастно оцѣнить сію часть своего сочиненія, но — не *хотѣлъ*.

— *Исторія Пруссіи* до Фридриха Великаго. Соч. Камилла Паганеля. Переводъ съ Французскаго. Спб. 1831 г. въ ш. X. Гинце, in-8, 176 стр.

Французскій подлинникъ сей книги (Histoire de Frédéric-le-Grand) изданъ въ Парижѣ, въ 1830 году (2 ш. in-8). То, что является теперь на Русскомъ языкѣ, составляетъ *введеніе* (introduction) подлинника.

Паганель принадлежитъ къ числу современныхъ второклассныхъ либераторовъ Французскихъ. Нынѣ, когда по вѣсьмъ оспрашиваемъ человѣческихъ знаній дѣятельно подвизаются Французы, за Историками высшей степени — Барантомъ, А. Тьерри, Минье, Гизо, явилось множество низшихъ, хотя и замѣчательныхъ дарованій. Одни, какъ то: Гиньо, Сюккау, передаютъ великія шворенія иностранныя своимъ соотечественникамъ; другіе испытываютъ силы въ собственныхъ созданіяхъ, не первостепенныхъ, но имѣющихъ большія достоинства.

(таковы сочиненія Сегюра, Биньона, Тьерса), или показывають разные предметы съ новыхъ сторонъ (таковы сочиненія Деспинга, Пишо, Каффига, Сальванди). Къ сему разряду писателей принадлежишь и *Паганель*.

Не ищите въ немъ строгой системы, глубокихъ мыслей, обширнаго познанія источниковъ. Сморгните на его книгу, какъ на сочиненіе вшоростепенное, но хорошо изложенное, занимательное въ чтеніи.

Къ сожалѣнію, Русскій Переводчикъ взялъ самую слабую часть Паганелева сочиненія. Его introduction есть довольно не складная компиляція, гдѣ Авшору, очень не ксшати, захошѣлось блеснуть *эрудиціею*. Онъ начинаешъ Тацитомъ и древними Германцами, оканчиваетъ пусшыми анекдотами о Дворѣ Фридриха I-го, помѣщаешъ множество мѣлочей не нужныхъ, и почти ничего не говоришь о дѣлѣ. Источники, коими онъ пользовался, даже жалки. Для Исторіи Ганзейскаго союза, на примѣръ, онъ бралъ матеріялы изъ Кранціа, Берціа, Малшебрѣна, Понтана, а Саршорія не зналъ вовсе.

— *Исторія Англій*, рассказанная дѣтшямъ. Персъ Французскаго. Спб. 1831 г. въ ш. И. Глазунова, in-12, V и 169 стр.

Эшо собственно не Исторія, а избранныя мѣста изъ Англійской Исторіи, ошъ Вильгельма Завоевашля до Іакова II-го. Слогъ ихъ легокъ, простъ, и прировленъ къ поняшямъ дѣшей, шакъ, что

дѣши могушь чишашъ ихъ, вмѣсто занимательныхъ сказочекъ.

— *Повѣсти покойнаго Ивана Петровица Бѣлкина*, издаанныя А. П. Спб. 1831 г. въ ш. Плюшара, in-12, XVII и 187 стр.

Вотъ также пять маленькихъ *сказочекъ*, которыя напечаталъ Г-нъ А. П., почтывая ихъ *занимательными*, вѣроятно, не для дѣшей, а для взрослыхъ.

Помнишь, въ Сѣверной Пчелѣ, было сказано нѣсколько словъ о забавномъ подражаніи нашихъ лишешераторовъ нынѣшней модѣ Французской и Англійской. Во Франціи и Англіи выдають нынѣ книги, на половину, безъ подписи имени, или съ подложными именами сочинителей. И у насъ стали дѣлать шоже: являюся безпрестанно *анонимы* и *псевдонимы*. Но что у Англичанъ и Французовъ происходитъ опъ избытка силы, шо у насъ пустое обезьянство. Многіе сочинители наши могушь подписывать и не подписывать имена свои, и все таки останутся — *anonymes dans les deux cas* (по выраженію А. де-Виньи). Этомъ *И. П. Бѣлкинъ*, этомъ Издатель сочиненій его, кошорый подписывается буквами: А. П., и о кошоромъ въ объявленіи книгопродавцевъ говорашъ, какъ о *славномъ нашемъ поэтѣ*, не походяшъ-ли они на дѣша, закрышшее лицо руками, и думающее, что его не увидашъ?

Впрочемъ, буквы: А. П., были необходимы въ другомъ опношеніи: безъ этого никакъ и не замѣшль-бы *Повѣстей Бѣлкина*. Тецерь, по крайней мѣрѣ, ихъ прочишали.

Кажется, Сочинителю хотѣлось испытать: можно-ли увлечь вниманіе читателя рассказами, въ которыхъ не было-бы никакихъ фигурныхъ украшеній ни въ подробностяхъ сказа, ни въ слогѣ, и никакого романизма въ содержаніи (принимаемъ здѣсь слово *романизмъ*, какъ *умонзвитіе*, въ чемъ, по утврѣнію нашихъ риторовъ, заключается сущность романа).

Дарованія В. Ирвинга, въ наше время, кажется, рѣшили уже этотъ вопросъ. Но зналъ-ли Г-нъ Бѣлкинъ, что это верхъ силы дарованія огромнаго? Эта мнимая простота показываетъ Геркулеса, безъ всякаго усилія, шута, ломающаго огромныя деревья.

Возьмите какую нибудь В. Ирвингову повѣсть. Педантъ, школьный ученикъ, влюбился въ дѣвушку; любовникъ красавицы пугаетъ педанта мертвецами, и заставляешь бѣжать. Англичанинъ, съѣхавшись въ дорогѣ съ молодою Венеціянкою, спасаетъ ее отъ разбойниковъ. Вотъ содержаніе двухъ повѣстей. Что можешь быть этого проще? Въ рассказѣ той и другой повѣсти, нѣтъ ни риторическихъ фигуръ, ни нечаянностей, ни блестящихъ. Но въ этомъ-то отсутствіи шумихи содержанія и слога, заключается высокое искусство. Всего болѣе показалъ сію степень, если можно такъ сказать — *безыскусственного искусства*, В. Ирвингъ въ своихъ рассказахъ, гдѣ вовсе нѣтъ у него никакой завязки. Читайте его: *Расстерзанное сердце*, свиданіе съ В. Скоштомъ, вороновъ и воронъ — неподражаемо! И. П. Бѣлкину явно хотѣлось попастьъ

въ колею В. Ирвинга. Но какъ *Евгеній Онегинъ* далеко отъ *Донъ Жуана*, такъ *Повѣсти Бѣлкина* далеко отъ созданій В. Ирвинга.

Лучшею изъ всѣхъ *Повѣстей Бѣлкина* намъ показалась — *Станціонный Смотритель*. Въ ней есть нѣсколько мѣстъ, показывающихъ знаніе человѣческаго сердца. Забавна и шулка, названная: *Гробовщикъ*. За то въ повѣстяхъ: *Выстрѣлъ*, *Метель* и *Барышня-крестьянка*, нѣтъ даже никакой втройности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, зашпанные въ корсетъ проспошы, безъ всякаго милосердія.

— *Исторія государства Россійскаго*. Соч. Н. М. Карамзина. Изданіе прѣміе, иждивеніемъ книгопродавца Смирдина. *Двадцать томовъ*. Спб. 1830—1831 гг., въ ш. А. Смирдина и Плюшара, in-12, XXXVI, 297 и 156, 367 и 120, 329 и 79, 346 и 83, 473 и 73, 433 и 74, съ таблицами и каршою.

— *Согиненія Державина* (изданіе книгопродавца А. Смирдина). *Четыре части*. Спб. 1831 г. въ ш. А. Смирдина, in-8, VIII, 342, 362, 230 и 308 стр. съ 4-мя заглавными грав. листками, поршретомъ и снимкомъ почерка Державина.

Говоришь о *Карамзинѣ* и *Державинѣ* надобно подробно и много, или ничего не говоришь. Всегда будутъ они занимать высокое мѣсто въ Русской Литшературѣ — и кто этого не знаетъ? Но, *опредѣлить* это мѣсто — вотъ дѣло довольно шрудное! Наше мнѣніе о важнѣйшемъ шрудѣ Карамзина — *Исторіи государства Россійскаго*, уже извѣстно публикѣ. Предоставляемъ времени рѣшить вопросъ о томъ, кто правъ: безощетные-ли поклонники Ка-

рамзина, или безпристрастные цѣнили его дарованій (къ числу коихъ мы причисляемъ себя)? — Сказашъ мнѣнїе наше о *Державинѣ*, мы оставляемъ себѣ наслажденіе въ будущее время, и порадуемся, если ктонибудь предупредитъ насъ, предложивъ объ этомъ *неоцѣненномъ* у насъ геніи разборъ безпристрастный (*).

Мы соединили извѣстіе о новыхъ изданіяхъ *Исторіи* Карамзина и *Согиненій* Державина, не для того, чтобы уравнивать ихъ: это была-бы суцая несправедливость! Нѣтъ — мы хотимъ только поблагодарить отъ лица читателей почтеннаго книгопродавца А. Ф. Смирдина, равно за обѣ книги.

Дѣйствуя, какъ ловкій, умный производишель, А. Ф. Смирдинъ заслуживаешь благодарность публики за всѣ свои предпріятія. Онъ первый привлялъ сисстему: издавать хорошо, заслуживающія особенное вниманіе книги, и продавать ихъ дешево. *Басни Крылова*, *Донъ Кихоть*, *Баллады Жуковскаго*, *Согиненія Державина*, *Исторія государства Россійскаго*, имъ изданныя, именно шаковы.

За 30 рублей, читатели могутъ шеперь имѣть *Исторію* Карамзина, за 4 рубля *Басни Крылова*, за 25 рублей *Согиненія Державина*, все это напеча-

(*) До тѣхъ поръ Русскіе читатели могутъ довольствоваться сужденіемъ Князя П. А. Вяземскаго, который, въ Предисловіи къ новому изданію *Согиненій Державина*, названъ: «однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, и тонкимъ цѣнителемъ швореній Державина.»

шанное на хорошей бумагѣ, красиво, чётко. Пренія изданія Исторіи Г. Р. продавались по 100 слишкомъ рублей; Сочиненій Державина въ послѣднее время не лзя было куишь дешевле 100 рублей. Г-нъ Смирдинъ не жаллъ издержекъ, и публика умѣешь, кажешя, цѣвишь его предпріятія.

Изданія обвихъ книгъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, не имѣють *утенаго* достовиства: эшо изданія для *простаго ттенія*. Въ *Исторіи Госуд. Россійскаго* выкинуто множештво приложеній и примѣчаній, хотя текешъ оставленъ вполнѣ. При *Сочиненіяхъ Державина* нѣшь ни варіаншовъ, ни жизнеоисанія, ни замѣчаній удовлетворительныхъ. Для всего эшого настанешъ свое время. Мы осмѣливаемся думать, что нынѣ эшо было-бы не *по плѣту* большинству голосовъ читающей нашей публики. А его собствено имѣлъ въ виду А. Ф. Смирдинъ.

Все, что заключали въ себѣ *пять* шомовъ Сочиненій Державина, изданные въ 1808-мъ и 1816-мъ году, срединено въ *четыре* новаго изданія. И много пьесъ, сверхъ шого, присоединено, послѣ кончины поэта являвшихся въ Альманахахъ. Жалъ, что не помѣщена трагедія Державина: *Иродъ* и *Маріамма* (изд. въ Спб. 1809 г.), и выброшено его посвященіе Екатеринѣ II-й. Послѣдняго особенно жалъ: эшо одно изъ превосходныхъ стиховореній великаго нашего поэта. Трагедію-же надобно было помѣститъ для шого, чтобы составишь совершенно *полныя* шворенія гедія безсмершнаго.

ПУТЕШЕСТВІЯ

но Южному, Австральному Океану, и вокругъ свѣта, Капитана Коцебу и Капитана Бичей.

(Окончаніе)

Послѣ Ошаиши, и Коцебу и Бичей посѣтили Сандвичевы острова. И здѣсь обитатели покорены религіи, кошорой они не понимаютъ, и политическимъ установаженіямъ, кошорыхъ не могутъ разумѣть, по степени своего образованія. Но земля, менѣе изобильная, природа, болѣе скупая, нежели въ Ошаиши, заставляють ихъ бытъ мужественнѣе, дѣятельнѣе, умнѣе. Они не могутъ, подобно Ошаишанамъ, довольствоваться только подобраннымъ плодомъ, сыплющимся съ деревьевъ: земля ихъ обнажена и дика; надобно работать, чтобы извлечь изъ нея способы существованія.

Коцебу находился въ прислани острова Воагоа, прекраснѣйшаго изъ Сандвичевыхъ, когда привезли шуда изъ Англіи, на кораблѣ Блондѣ, останки Тамагамага, бывшаго Короля шамоннаго. Скорбь подданныхъ его была непритворная и всеобщая. Благодушное правленіе покойнаго Короля, необыкновенные, благоразумно направляемые успѣхи образованія народнаго, показывали причины народной печали. Онъ еще болѣе умножались ошъ пере-

мѣны, какую увидѣли островиане въ правительствѣ, съ самаго опъзда Королевскаго. Слѣпая ревность миссіонеровъ послѣ него и здѣсь начала управлять такъ-же безразсудно, какъ въ Ошаипи. Двѣ вдовы Короля сдѣлались нынѣ слѣпымъ орудіемъ миссіонеровъ. Одна изъ нихъ, Кагуманна, болѣе всего вмѣшивается въ дѣла государственныхъ и духовныхъ. Фанатикъ Беумъ (Beigham) управляетъ ею, какъ нѣкогда управляли Европейскими государствами ихъ суевѣрные духовники. Такъ, наприимѣръ, въ Воскресенье запрешилъ онъ даже зажигать огонь и варить пищу, не шолько чѣмъ нибудь занимаешься. Увеселенія вообще изгнаны. Изъ отдаленныхъ мѣстъ сгоняють народъ въ столицу, и стараются научить его читать духовныя книги, которыхъ Сандвичане не понимаютъ. Все это дѣлаешь большой вредъ истинамъ Христіанской вѣры. Народъ негодуешь, приписываетъ всякое зло миссіонерамъ, и легко можешь быть, что при малѣйшемъ поводѣ, или случаѣ, Сандвичане обращаются къ прежнему идолопоклонству, ибо никто не старается изяснить имъ великихъ истинъ и благодѣяній Христіанства, но все ограничивается строгимъ, суевѣрнымъ исполненіемъ обрядовъ церковныхъ.

Номаганна, другая вдова Тамагамага, женщина полщины уродливой; она страшная покровительница наукъ и знаній. Литература, по естѣ: *умѣнье читать и писать*, объявлено отъ нея необходимымъ условіемъ для всякаго, желающаго имѣть должность при ея Дворѣ. Самыхъ дряхлыхъ шариковъ гоняешь она въ училище. « Я Христіанинъ, и

умѣю чистать и писать,» сказала Г-ну Коцебу старшій Министръ Королевы, при первомъ свиданіи съ нимъ. Кромѣ чистанья и писанья, упражненіе Королевы и придворныхъ составляють молишвы. Сама Номаганна ежедневно два раза посѣщаетъ церковь; она ѣздитъ шуда въ шѣлежкѣ о чешырехъ колесахъ, и всю шѣлежку занимаешь своимъ огромнымъ величествомъ. Выписываемъ изъ пушешествія Г-на Коцебу описаніе посѣщенія его Королевѣ (томъ II, стр. 205—209). Тушъ естъ много любопытнаго, а еще болѣе смѣшнаго.

«Дворецъ Номаганны находится недалеко отъ крѣпости, на берегу моря. Это красивый, деревянный домикъ, въ два этажа, построенный въ Европейскомъ вкусѣ, съ большими окошками, и съ балкономъ, опрятно раскрашеннымъ. Насъ встрѣшили на лѣшницѣ Чинау, губернаторъ Воагоаскій. Онъ едва могъ ходить: такъ узки были его башмаки; краснаго камзола, совсѣмъ не по немъ сшитаго, онъ не могъ застегнуть ни на одну пуговицу. Губернаторъ ласково привѣщивалъ меня, нѣсколько разъ повторивъ: *arohas*, и повелъ во второй этажъ, весьма красиво убранный. Отъ самаго низа лѣшницы до покоевъ Королевы, сидѣли дѣти, взрослые, даже старики и старухи; подъ особеннымъ надзоромъ Королевы, весь эшотъ народъ чисталъ свои азбуки, и писалъ на аспидныхъ дощечкахъ. Самъ Губернаторъ встрѣшилъ насъ съ книгою въ лѣвой рукѣ; въ правой рукѣ была у него костяная указка, посредствомъ которой разбиралъ онъ буквы и склады. Старухи и старики находи-

лись шутъ , кажется , болѣе для примѣра , нежели для настоящаго ученія. Большая часть изъ нихъ , показывая видъ чрезвычайнаго прилежанія и усердія , держали азбуки свои вверхъ ногами. — Зрѣлище всѣхъ этихъ учениковъ и ученицъ , разнаго возраста , въ ихъ спраннымъ полу-нарядѣ Европейскомъ , почти заставило меня отказатья отъ важнаго вида , какой принялъ было я , и хотѣлъ поддержать во время представленія Королевы. Едва могъ я удерживаться отъ смѣха , когда расшворились двери въ комнату Королевы , и я введенъ былъ , какъ начальникъ Русскаго корабля. Комната Королевины убрана на Европейскій манеръ : въ ней находятся стулья , сшолы и зеркала. Одна стѣна ея занята кроватью , безмѣрной ширины , съ шелковыми занавѣсами. По срединѣ комнаты , на полу , покрытомъ шоненькими , красными рогожками , находилась сама Номаганна : она лежала на брюхѣ , оборотыя голову къ дверямъ , и опершись локтями на шелковую подушку. Двѣ молодыя , легко одѣтыя дѣвушки , сидѣли по сторонамъ , согнувъ ноги подъ себя , и сгоняли съ Королевы мухъ , вѣничками , сдѣланными изъ перьевъ. Номаганна , женщина , по видимому , не старѣе 40 лѣтъ , ростомъ 6 фушовъ , 2 дюймовъ , и болѣе 7 фушовъ , 6 дюймовъ въ окружности. На ней было платье шелковое , голубаго цвѣта , сшитое по старой модѣ ; черные , какъ смоль , волосы ея , были весьма опрятно заплетены на верхушкѣ головы , круглой , какъ шаръ ; сплюснутый носъ , полстыя , впередъ выдавшіяся губы , не дѣлали ее красивою женщиною , но вообще физіогномія Королевы неосправдательна , и даже пріятна. Увидѣвъ меня , она оп-

ложила Псалпирь, которую разбирала по складамъ, и, съ помощію окружавшихъ ее, съла на своей рожкѣ. Съ дружескимъ видомъ протянула она послѣ сего руку, многократно говоря мнѣ: *arohas, arohaz*. Тутъ подали стулъ, и я сълъ подлѣ Королевы. Память ея оказалась лучше моей: Королева припомнила, что я находился въ числѣ Русскихъ офицеровъ, посѣщавшихъ нѣкогда покойнаго мужа ея, на островѣ Оваги. Тогда представляли насъ и Королевѣмъ. Но съ тѣхъ поръ, Номаганна расподстѣла, до такой степени, что я никакъ не могъ-бы узнать ея. Она знала, что я весьма уважалъ почтеннаго Тамагамага; присутствіе мое споль живо напомнило ей покойнаго Короля, что она не могла удержаться отъ слезъ. «Народъ потерялъ въ немъ благодѣтеля и отца!» — сказала Номаганна. — «Какая судьба ожидаешь отнынѣ сіи острова? Только Богъ Христіанскій единый знаетъ эшо!»

«Королева сказала мнѣ потомъ, что она Христіанка, и приняла Христіанскую вѣру потому, что миссіонеръ Беумъ, отлично хорошо умѣющій читать и писать, увѣрилъ ее, будто Христіанская вѣра есть лучшая. Впрочемъ, она и сама замѣтила, что Американцы и Европейцы, во всемъ превосходящіе Сандвичанъ, суть всѣ Христіане. Изъ эшого заключала она, что вѣра Христіанская должна быть лучше всѣхъ. «Впрочемъ,» сказала Королева, «если бы Христіанская вѣра не годилась для нашего народа, мы перемѣнили-бы ее.»

При второмъ посѣщеніи, Г-нъ Коцебу засмалъ Королеву за обѣдомъ. Она лежала, съ огромнымъ

брюхѣмъ своимъ, на полу, на шоненькихъ рогожкахъ; фарфоровыя блюда, съ кушаньями, разсѣялены были вокругъ нея. Присуществовавшіе подносили ей блюда, одно за другимъ, и она глотала кушанья съ удивительною прожорливостью, между тѣмъ, какъ нѣсколько мальчиковъ сгоняли съ нея мухъ, перьями вѣничками. Количество кушанья, употребленное Королевою, превосходило всякое вѣроятіе: шестеро Рускихъ, по словамъ Г-на Коцебу, могли-бъ бытъ тѣмъ сыты, что Королева съѣла въ его присущствіи. Когда она почувствовала, что набѣлась уже порядочно, то вздохнула раза два, или три, съ примѣрнымъ трудомъ, и сказала; «*Ну! я славно покушала!*» Тутъ, по данному знаку, перевернули ее на спину, и начался довольно странный обрядъ, вовсе неизвѣстный въ Европѣ. Особенный придворный бросился на Королеву, и руками и колѣнами началъ мять ей животъ, точно шакъ, какъ мнушь тѣсто: это помогало пищеваренію Королевы, и она терпѣливо выносила тяжелое лекарство. Ошдохнувъ послѣ того немного, Королева снова перевернуша была на брюхо, и начала опять ѣсть, какъ будто до тѣхъ поръ ничего не ѣла.

Одинъ изъ спущниковъ Г-на Коцебу списалъ поршрешъ Королевы. Народъ, тѣснившійся въ это время около рисовальщика, принималъ живое участіе въ его работѣ. «Теперь Номаганна можешь видѣшь!» восклицали зрители, когда нарисованы были глаза. «Теперь Номаганна можешь обоняшь!»— когда написанъ былъ носъ, и шакъ далѣе.

Послѣ Сандвичевыхъ острововъ, повѣствованіе Г-на Коцебу не представляеть ничего, особенно

замѣчательнаго. Что касается до Вичей, то его можно укорить только въ томъ: почему мало углублялся онъ въ изслѣдованія явленій природы, имъ замѣченныхъ? Впрочемъ, статьи Профессора Буланда, объ ископаемыхъ останкахъ животныхъ, принадлежащихъ жаркимъ климатамъ, и находимыхъ въ глубокомъ Северѣ, весьма любопытны и важны для наукъ. Онъ присовокупилъ еще нѣсколько къ числу Вичей. Такими-же, для Исторіи Художествъ, почитаемъ мы описанія гравировки и рѣзбы Эскимосцевъ. Эти туземцы зунда Коцебу, видѣнные Вичеемъ, едва походятъ на людей. Запачканные, неопряжные, съ прорѣзанными губами, они носятъ въ губныхъ прорѣзахъ кольца; охотно продаютъ ихъ Европейцамъ, и смѣются сквозь оплывающую скважину губъ. И они самые Эскимосцы, сіи получеловѣки, съ удивительнымъ искусствомъ рѣжутъ и гравируютъ на орудіяхъ, сдѣланныхъ изъ рыбьей кости, и служащихъ къ сбиранию и сосанью крови животныхъ, до кошерой они большіе охотники. Вичей рассказываетъ о барельефной ихъ работѣ, что на одномъ такомъ орудіи видѣлъ онъ весьма вѣрные изображенія охотниковъ, подкрадывающихся къ стаду моржей; на другомъ представлялъ былъ охотникъ, убивающій моржа; на третьемъ, охотникъ изображенъ за чучелою моржа, съ осиротою въ рукахъ. Словомъ: рѣзба и гравированье Эскимосцевъ представляютъ искусное и полное изображеніе ихъ дикой жизни, занятій и быта.

Вичей оставался близъ острововъ *Lieu-Kieu* (или *Лу-шу*), составляющихъ небольшой архипелагъ
Ноябрь 1831.

лагъ между Кореею, Японіею и Формозою. Но не всякій поблагодаритъ Бичея за свѣдѣнія, собранныя имъ на сихъ островахъ. Кто изъ насъ не восхищался описаніемъ Ліеу-Кіеускаго архипелага, какое находишься въ путешествіи Капитана В. Галла? Кто не помнитъ его прекраснаго романа объ эшомъ земномъ раѣ, гдѣ добродушные жители не знаютъ, по словамъ Галла, ни оружія, ни денегъ, и не слышали о наказаніяхъ? Жестокосердый Бичей доказываетъ, что все эшо сущая неправда: онъ вывезъ въ Англію уголовное уложеніе Ліеу-Кіеусцевъ, строгое не менѣе Китайскаго, привезъ и монеты шамоннія, и увѣряетъ, что огнестрѣльное оружіе совсѣмъ не рѣдкость на сихъ островахъ. Добрый шумець Маддера, по рассказамъ Галла, говорившій одному Англійскому офицеру: «Завтра ты будешь далеко, а я представлю швой подарокъ моему отцу, и скажу ему: «Эшо отъ Гопинера; онъ все равно, что братъ мой!» эшотъ Маддера, со слезами прижимавшій къ груди своей руку другаго офицера, и говорившій ему: *Идуши, Идуши* (Другъ мой, другъ мой) — никогда не существовалъ, по увѣренію Бичея, шакъ-же, какъ и всѣ шихіе, добрые, любящіе его земляки. Бичей, напрошивъ, изображаетъ Ліеу-Кіеусцевъ людьми, не менѣе Китайцевъ себялюбивыми, гордыми, жадными корышши, и безчеловѣчными.

Кому изъ двухъ путешественниковъ должны мы вѣришь болѣе? Разнорѣчіе Галла и Бичея заставляетъ насъ обратиться вниманіе читателя на любопытную книгу миссіонеровъ Тейермана и Бенне-

ша (Tuerkman and Bennet's Missionary travels, Лондонъ, 1830 года, 2 ш. in-8). Въ ней находящаяся опроверженія извѣстій, какія передають намъ объ Австральскихъ миссіонерахъ Коцебу, Бичей, и другіе путешественники. Впрочемъ, фанатическое невѣжество, суевѣріе, невѣрность свѣдѣній въ книгѣ Тейермана и Беннета, едва-ли не болѣе всего показываютъ истину, и служатъ къ обвиненію *терныхъ людей*, какъ называютъ миссіонеровъ дикари Сѣверо-Американскіе. Въ Сѣверной Америкѣ, не менѣе Австраліи, жалуются на Англійскихъ миссіонеровъ. Недавно въ Вашингтонскомъ *Глобусѣ* напечатано было письмо, скрѣпленное печатями *сатемовъ*, или старшинъ, поколѣнія Сенека. Они пишутъ, что до нихъ дошелъ слухъ о подаркахъ, посланныхъ къ нимъ бѣлыми ихъ собратіями, черезъ черныхъ людей, но что они ничего этого не видали. Далѣе говорятъ они, что черные люди причиняютъ имъ много зла, думаютъ только о барышахъ, обманываютъ ихъ, и проч. и проч.

Изъ выписокъ, сдѣланныхъ нами, читатели могутъ видѣть, что путешествія Коцебу и Бичей заслуживаютъ вниманіе. Мы заключимъ наши выписки извѣстіемъ Бичей о Новой Зеландіи. Это извѣстіе подтвердитъ справедливость заключенія нашего о томъ, съ какою осторожностію должно прививать образованіе старыхъ народовъ народамъ свѣжимъ и новымъ. Зеландцы умѣютъ опшличнымъ образомъ пригошлять головы людскія, такъ, что на нихъ сохраняются, какъ будто на живыхъ, всѣ черты лица, кожа, волосы, даже рѣсницы. Боль-

шее пребываніе сѣхъ ужасныхъ препарашовъ, для Музеевъ и черекослововъ Европейскихъ, заставило Шуги, Короля Ново-Зеландскаго, открывши головами человѣческими обширный торгъ. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи, и, пользуясь преимущесвами своего воспитанія, производилъ шеперь величайшее опустошеніе между Зеландцами, воюешъ и бьешъ ихъ, чтобы послѣ того ошрѣзывашъ у нихъ головы, сущишь, солишь, и — продавашъ Еврейцамъ!

О Т Р Ы В О К Ъ

ПИСЬМА ИЗЪ ИРКУТСКА.

Декабря 5, 1831 года.

На сихъ дняхъ я видѣлъ одно изъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній Кишай: это сущъ ширмы, вырѣзанная изъ краснаго, сандалнаго дерева. Онъ сосюашъ изъ пяти полошенцовъ, утвержденныхъ на отдѣльномъ нъедесмалѣ. Каждое полошенцо предспавляешъ видъ кабинетнаго постава съ вещами, служащими для украшенія комнатъ. Такимъ образомъ здѣсь въ маломъ объемѣ подведены подъ одинъ взглядъ всѣ вещи, какія только можно видѣть по столикамъ, въ разныхъ комнатахъ богашаго Кишайскаго вельможи.

Полошеницы ширмъ состоятъ изъ дорожчаныхъ рамъ съ разнымъ бордюромъ изъ чернаго дерева. Среднее полошенице содержишь въ вышину 5 фушовъ 2 дюйма; въ ширину 2 ф. и 2 д. Боковыя полошеницы имѣюшъ по 4 ф. и 10 д. вышины, и по 20 $\frac{1}{2}$ дюймовъ ширины; два крайнія полошеница по 4 ф. и 8 д. вышины и по 17 дюймовъ ширины. Пьедесталь содержишь въ себѣ 9 дюймовъ вышины. На каждомъ полошеницѣ чешыре отдѣленія. Земля шемноголубаго цвѣта.

Въ верхнемъ отдѣленіи средняго полошеница: спихи, содержищая въ себѣ съ заглавіемъ 61 букву, вырѣзанную изъ блага нефриша, камня очень уважаемаго въ Кишаѣ. Подлѣ нихъ курильница изъ нефриша, верблюжьяго цвѣта, въ 4 дюйма вышины, а по другую сторону кувшинчикъ зеленоватаго нефриша, 6 д. въ вышину; въ немъ двѣ вѣтки: одна съ развершывающимися бушонами деревца Ла-мэй изъ яншаря, другая бамбуковая съ кистью горошчашыхъ плодовъ изъ краснаго коралла; подлѣ кувшина пшеница изъ блага нефриша, сидящая на гнѣздѣ. Во второмъ отдѣленіи: яхта бѣлѣйшаго нефриша, въ рамѣ за стекломъ, длиною въ 6 д.; подлѣ нея нефришное корышце, длиною въ 4 д.; въ немъ деревцо позолоченной бронзы съ девятию бушонами изъ разныхъ дорогихъ камней, въ числѣ коихъ есмь рѣдкій искромешъ. Подлѣ корышца банка блага нефриша, вышиною въ 4 дюйма; въ банкѣ вѣточка съ двумя цвѣтками жемчужной кризалии изъ яншаря и одинъ аспригъ синевашный изъ жала. Въ третьемъ отдѣленіи гора блага нефриша въ 9 дюймовъ длиною. При подошвѣ ея вѣспухъ, при двухъ лошадяхъ, водъ

шънюю сосны. По правую сторону сей горы деревянная кадочка съ кистями писчими, въеромъ и пр., а на лѣвой сторонѣ баночка съ цвѣшками чжу-лань, изъ бѣлаго нефриша.

На правомъ полошенцѣ, подлѣ средняго, въ верхнемъ отдѣленіи: 33 буквы бѣлаго нефриша, а пониже ихъ финифтяная баночка съ вѣшкою деревца юй-лань; на ней бушоны бѣлѣйшаго нефриша, и одинъ распушившійся цвѣшокъ, содержащій въ себѣ нѣсколько десяшковъ лепешковъ бѣло-розоваго шпаша. Подлѣ банки вѣшочка съ двумя персиками бѣлаго нефриша, каждый въ два дюйма. Во второмъ отдѣленіи бронзовый, вызолоченный, чеканной работы кувшинчикъ съ цвѣшкомъ, висящій съ шеста на цѣпочкѣ бѣлаго нефриша. Подлѣ него, на нефришовомъ блюдцѣ (4 д.) два уродливые лимона изъ яншаря; пониже печашь бѣлаго нефриша, и шакой-же би (кругъ) въ $3\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникъ. Въ третьемъ отдѣленіи жу-и въ $9\frac{1}{2}$ д. длиною, и сосудъ въ 4 дюйма вышиною, все изъ бѣлаго нефриша; подлѣ корышцо изъ гѣрнаго хрушала (въ 4 д.): на немъ нарисованы двѣ золошья рыбки, представляющіяся въ водѣ.

На лѣвомъ полошенцѣ, подлѣ средняго, въ верхнемъ отдѣленіи 33 буквы бѣлаго нефриша; пониже ихъ баснословный однорогій звѣрь, нефриша верблюжьяго цвѣша, и бронзовый позолоченный, чеканной работы, кувшинъ (въ 6 д.) съ вѣшкою цвѣшочнаго персика; бушоны и цвѣшки бѣдновашаго нефриша. Во второмъ отдѣленіи чайникъ (въ 6 д.) нефриша верблюжьяго цвѣша; подлѣ него ушка на водѣ, а цо-

ниже Китайская шабакерка горнаго хрушала, и уродливый лимонъ бѣлаго нефриша. Въ прешьемъ отдѣленіи цимбаль бѣлаго нефриша, въ 9 дюймовъ длиною; а подлѣ него, на черномъ лакированномъ поднось, двѣ чайныя чашки съ крышками, желшовашаго нефриша.

Въ верхнемъ отдѣленіи, праваго крайняго полошнца, 33 буквы бѣлаго нефриша; пониже банка си-невашаго нефриша (въ 5 д.), ненюфорный бушонъ, и цвѣшокъ изъ сердолика. Во второмъ отдѣленіи повѣшенный цинъ; подлѣ него сосудецъ съ водою, банка съ вѣшкой краснаго коралла, и львица со львенкомъ — все бѣлаго нефриша. Въ прешьемъ отдѣленіи столовые часы, въ деревянномъ фушлярѣ; подлѣ, за стеклянными дверцами, баночка бѣлаго нефриша, съ нарциссами зеленовашаго нефриша.

Въ верхнемъ отдѣленіи лѣваго, крайняго полошнца, 33 буквы бѣлаго нефриша; пониже банка бѣловашаго нефриша (4 д.), съ шреми аспрами изъ нефриша, амешиста и сердолика. Въ среднемъ отдѣленіи мальчикъ бѣлаго нефриша; подлѣ него виноградная вѣшка (стеклянная) на блюдцѣ финифтяномъ; а пониже дощечка желшовашаго нефриша съ темнокрасною полосою. Въ прешьемъ отдѣленіи щипокъ бѣлаго нефриша въ рамкѣ; за стеклянными дверцами три книги изъ кости, и на нихъ двѣ печати бѣлаго нефриша.

Четвертое отдѣленіе, на всѣхъ полошнцахъ одной мѣры, въ вышину около 6 дюймовъ, и содержишь въ себѣ писанные на стеклѣ виды разныхъ монастырей, занимающихъ плѣншительное мѣстоположеніе

при подошвѣ горъ. Всѣ каменныя вещи и ихъ подспавки сушь превосходной рѣзбы. Сія ширма принадлежитъ Г-ну Игумнову, Кяхтинскому первой гильдіи купцу.

Въ Ноябрь минушаго года привезли въ Иркутскъ семерыхъ Китайцевъ, возвращающихся въ отечество. Въ 1826 году, при взятіи мятежниками Кашгара, они были захвачены въ плѣнъ, и опредены въ Коканъ въ неволю; изъ Кокана нѣкоторые сами бѣжали, а другіе были перепроданы въ Бохару. Опселя въ разныя времена ушли въ Ургенчъ, гдѣ, по увѣренію Бохарцевъ, надѣялись найдши Рускихъ. Здѣсь они пропитывались склеиваніемъ разбитой фарфоровой посуды, которая въ большомъ уваженіи въ Средней Азій, а посему и плашу имъ за сей шрудъ производили значительную. Наконецъ, въ началѣ прошлаго года, они прислали къ купеческому каравану, отправлявшемуся изъ Ургенча на линію, и въ Августѣ прибыли съ онымъ въ Оренбургъ.

По ихъ показанію: Хивинцы называются *Усбекъ*, Коканцы *Сартъ*, Киргизъ-Кайсаки *Казанъ*; кочующіе между Коканомъ и Кашгаромъ *Кэргызь* и *Кара-Кэргызь*; отъ Кашайцевъ *Буруть*. Жители Кашгара, Яркана и другихъ городовъ, лежащихъ далѣе на Востоку, называются по именамъ своихъ главныхъ городовъ; всѣ же народы, обитающіе отъ Аральскаго озера на востоку до Хама, носятъ общее названіе *Турки*, и говорятъ Турецкимъ (Ташарскимъ) языкомъ. Бухарцы называются

Таджикъ, и говорятъ Фарсскимъ (Персидскимъ) языкомъ. Хановъ Коканскаго и Бохарскаго называютъ *Падша* (Падшахъ); Турцію *Румъ*, а Султана *Халифъ*; Россію *Урусъ*, Государя *Ахъ-падша* ш. е. Бѣлый Царь. Въ Коканѣ около 50 пушекъ большею частію бронзовыхъ, но малаго калибра, Возящъ каждую на верблюдѣ, а спрѣляютъ повертывая на винтѣ въ разныя стороны. Въ Хивѣ также около 50 пушекъ, по большой части чугуновыхъ. Въ обоихъ мѣстахъ сіи орудія разставлены предъ дворцами; въ Бохарѣ, напрошивъ, хранятся секретно. Коканцы принудили плѣнниковъ обрѣчься и одѣться по-Турецки; сверхъ сего приневольвали къ перемѣнѣ религіи, что не мало изумило послѣднихъ, потому что Кипаецъ исключительно ни какой религіи не держится. Въ Средней Азій невольниковъ, убѣжавшихъ отъ своихъ господъ, пошоронніе не берутъ въ неволю, да и видовъ у нихъ не спрашиваютъ; напрошивъ даютъ временное убѣжище и пропитаніе. Наши Кипайцы въ дорогѣ обыкновенно назывались *Хотжа*, общимъ названіемъ идущихъ въ Мекку; а сіи у Магомешанъ вездѣ находящъ пріющъ и хлѣбъ-соль.

І. Б.

ИЗЪЯСНЕНИЕ КАРТИНКИ.

Судьба безсмертнаго Пѣвца Іерусалима навсегда останешся однимъ изъ самыхъ прогашельныхъ примѣровъ борьбы генія съ судьбою, урокомъ того, какъ дорого платимъ мы за каждый порывъ къ высокому прекрасному на землѣ, въ сей юдоли бѣдствій! Философъ извлечешъ изъ жизни Тасса нравственное доказательство, что человекъ носишь въ самомъ себѣ стихіи счастья и несчастья. Онъ можешъ хладнокровно доказать намъ, что Тассъ бѣшенный, безумный, безразсудный, былъ всегда самъ причиною своихъ несчастій. Зачѣмъ поступалъ онъ такъ, а не иначе? Вольно было ему влюбляться въ Принцессу! Вольно было приходишь въ такую воспоргъ, что не въ силахъ будучи удержаться, онъ поцѣловалъ ее при цѣломъ Дворѣ: поступокъ, за который справедливо *селикодушный* Альфонсъ посадилъ его въ домъ сумасшедшихъ!... Не споримъ....

Болѣе семи лѣтъ, Тассъ былъ въ врачной шюрмѣ. Его освободили наконецъ. И когда Италія, Европа восхищались его Іерусалимомъ, Пѣвецъ Годфреда скишался по Италіи, почти помѣшанный, нищій, больной, дряхлый. Наконецъ, казалось, услышаны были стоны скорби Тассовой. Кардиналъ Чиншіо, племянникъ Папы Клименша VIII-го, ошъ имени всей Италіи, просилъ Папу наградишь пѣснопѣнія и спраданаія безсмертнаго генія. «Иди-

те въ Римъ,» писалъ Папа къ Тассу, идише «приняшь вѣнокъ; донинѣ, сей вѣнокъ украшала получавшихъ его: вы украсите его собою.» Положено было торжественно везти въ Капитолій Тасса, и шамъ, послѣ обѣдни, кошорую ошслужишь самъ Папа, благословишь лавровый вѣнокъ, и возложишь его на главу поэша. Римъ подвигся въ срѣшеніе Пѣвца Іерусалима; за мило ошъ Рима народъ привѣтшвовалъ Тасса, пригошовляли праздники, пиры... а неумолима судьба гошовила Тассу послѣдній ударъ! Онъ смертельно занемогъ, в—наканунѣ дня, назначеннаго для его торжества, умеръ (15 Апрѣля, 1595 года), въ монастырѣ Св. Онуфрія, куда велѣлъ онъ себя перенести, думая, что чистый воздухъ поможетъ ему въ болѣзни, Великолѣпныя похороны были устроены вмѣсто шріумфа. Дворъ, народъ, ошвсюду съѣхавшійся, провожали гробъ Тасса. Лавровый вѣнокъ положенъ былъ на бездыханное его шѣло. Гробъ примирилъ несчастнаго, и съ людьми, и съ судьбою...

Поэзія, Ваяніе, Живопись многократно избирали жизнь Тасса предметомъ своихъ вдохновеній, ибо у немногихъ поэшовъ были до шакой степени

Жизнь и Поэзія одно!

Кому изъ Рускихъ неизвѣстно превосходное созданіе Башюшкова *Умирающій Тассъ*? Не имѣя Ишальянскаго колорита, эшо швореніе, одно изъ первыхъ украшеній, какія шолько еслъ въ Русской Словесности, дышишь поэшическимъ уныніемъ Сѣвера. Трогательны слова Башюшкова, кошорый, въ примѣчаніяхъ къ своей элегіи, говоритъ: «Да не оскорбился шѣнь великаго Поэша, что сыну громага

Съвера, обязанный Иерусалиму лучшими, сладостными минушами въ жизни, осмѣлился принести скудную горсть цвѣтшвъ въ ея воспоминаніе!» Нѣшь! шѣнь великаго Поэта привѣтствовала нашего Пѣвца брашкою улыбкою, когда онъ писалъ вдохновенныя слова:

Свершилось! я спою надъ бездной роковой
И не вспую при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя, надъ дряхлой головой,
Не усладяшь пѣвца свирѣпой доли!
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ ужъ я изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостивымъ Ипаліи моей
Скипаяся, какъ бѣдный спранникъ,
Какихъ не испытала превращеностей судьбы?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?

Тогда не предчувствовала нашъ безпечный Поэтъ, что и его самого ждала неумолимая рука судьбы, подъ *раскаленнымъ небомъ Неаполя*, на родинѣ Тасса; что онъ возвратится въ дикіе лѣса своей родины, и—никшо, кромѣ немногихъ друзей, не привѣтшишь его, за-живо умершаго міру!... Много изъ шого, чему столь безразсудно разсыпающся нынѣ похвалы, будетъ забыто; но никогда, никогда не забудушь *Умирающаго Тасса*, гдѣ столь высоко выражена скорбь поэта, хощѣвшаго:

У Парки взяшь триумфа день единый!

Никогда не передешавушь повзвораши изъ сердца

выдѣлѣвшихъ словъ , которыми выразилъ Башюшковъ кончину Тасса:

И съ именемъ любви — Божественный погасъ !

Учасъ Тасса , и учасъ поэта Русскаго , воспѣваго кончину Тассову , шерзаяоу душу чувшвительную.... Но—

Ничто не укропитъ желѣзныя судьбы ,
Незнающей къ великому пощады!..

На выставкѣ произведеній Французской Живописи , въ 1822 году , были двѣ картины , изображавшія одинъ и шотъ-же предметъ : *Увѣнчаніе Тасса, послѣ его смерти*. Живописцы: Дюси (Ducis) и Манжо (Manjaut), написали сіи картины; онѣ были одинакой величины , и посшавлены на выставкѣ одна подлѣ другой. Публика и знашоки ошдали преимущество картинѣ Манжо. Она куплена потомъ , за дорогую цѣну, *Обществомъ друзей Искусствъ*, и досшавлась Барону Де-Ла Буйльери.

Дюси изобразилъ шѣло Тасса, лежащее на одрѣ ; шрофен , обвивные лаврами , окружаюшъ его ; Кардиналь Чиншю всходитъ по ступенямъ къ одру , и кладетъ лавровый вѣнокъ на главу Тасса ; кругомъ видно нѣскольکو человекъ : одни въ слезахъ , другіе унылы ; вдали , сквозь отккрышую арку , зрштелю отккрываешся часъ Рима , и великолѣпная процессія монаховъ.

Очеркъ съ картины Манжо приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа. И здѣсь Кардиналь Чиншю возлагаешъ вѣнокъ на главу Тасса ; пажи , и смиренныя иноки окружаюшъ одрѣ Поэта , и всѣ , благоговѣяю ,

безмолвно смотрятъ на почестъ, воздаваемую гению. Одръ умершаго просишь; фигура Кардинала величественна; фигура монаха, читающаго молитвы по у сопшемъ, прекрасна.

Такъ и надобно было изобразить увѣнчаніе Тасса. Въ картинѣ Дюси болѣе движенія, яркихъ цвѣтовъ, блеска; картина Манжо, тихо, но глубже, сильнѣе говоришь сердцу. Жаль, что Живописецъ не открылъ дали, и *възнаго* Рима, оплакивающаго кончину великаго, отверженнаго имъ при жизни Поэта.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ 27 д. Ноября, 1831 года, Высочайше утверждены Штаты канцелярскимъ служителямъ, по разнымъ Министерствамъ, а именно:

	число	имъ
	канц. служ.	жалованья.
<i>Мин. Финансовъ.</i>		
Канцелярія Министра.	45	— 24,690 р.
Деп. Госуд. имуществъ.	90	— 48,350—
—Горныхъ и сол. дѣлъ.	90	— 51,480—
Горный Кадетскій корп.	16	— 3,500—
С. П. бургскій Мон. дворъ.	60	— 17,770—
Московск. Горное Правленіе.	13	— 3,700—
Деп. подашей и сборовъ.	114	— 68,930—
—Внѣшней торговли.	104	— 58,760—
По тамож. вѣдомству.	97	— 41,950—
Деп. ман. и вн. торговли.	20	— 11,180—

Ком. снабж. войскъ сукн.	10	—	4,300 р.
По Спб. верфи.	1	—	350—
Деп. Госуд. казначейства.	146	—	79,900—
Главное Казначейство.	44	—	17,750—
Особ. канц. по кред. части.	27	—	15,640—
Гос. комм. погаш. долговъ.	82	—	51,060—
Гос. Комм. банкъ.	58	—	30,880—
Гос. Заемный банкъ.	66	—	37,220—
Гос. Ассигн. банкъ.	32	—	19,260—
Эксп. загош. гос. бумагъ.	16	—	7,400—
	1131	—	594,070—

Мин. Внутренн. дѣлъ.

Канцелярія Мин.	12	—	8,310—
Деп. полиціи исполн.	48	—	26,780—
—Хозяйственн.	25	—	13,350—
—Гос. хоз. и нубл. зданій.	21	—	12,010—
По мѣстамъ подвѣдомственнымъ Министерству.	78	—	21,980—
		и сер.	350—
	184	—	82,430—
		и сер.	350—

По Главному Управленію пушей сообщенія.	70	—	37,940—
По Департаменту Главнаго Уп- равленія Духовныхъ дѣлъ и ностранныхъ исповѣданій.	28	—	13,790—

Декабря въ 6-й день, 1831 года, Высочайше повелѣно: въ губерніяхъ *Полтавской* и *Черниговской*, ошныя въпредь присвоить присутственнымъ мѣс-

шамъ, и лицамъ, въ оныхъ служащимъ, наименованія, Учрежденіемъ о губерніяхъ, для мѣстъ равныхъ, определенныя (извѣстно, что донынѣ сохранились шамъ названія *Генеральныхъ, Повѣтовыхъ и Нижнихъ Судосъ, Повѣтовыхъ Маршалловъ, Хорунжихъ, Подкоморіевъ, Подсудковъ, Коммисаровъ, Писарей*, и проч.).

По С. Пешербургской Таможнѣ, въ 1831 году, очищено было пошлиною: привозныхъ шоваровъ на 150,303,541 р. 5 коп., ошвозныхъ на 115,958,678 р. 32 к. (прошивъ 1830 года *болѣ*: въ привозѣ на 18,360,364 р. 22½ к., въ ошвозѣ на 4,703,506 р. 88 к.).— Къ 1 Января 1832 года, осталось привозныхъ, *неогнищеныхъ пошлиною* шоваровъ на 27,071,930 р.— Кораблей въ приходѣ въ 1831 г. было 1,598, въ отходѣ 1,592 (прошивъ 1830 года *болѣ*: въ приходѣ 175, въ отходѣ 132).— Таможенный доходъ 1831 г. составилъ 43,418,367 р. 81 к. (прошивъ 1830-го года, 5,520,800 р. *болѣ*, а прошивъ 1823 года, излишекъ простирается почти до 21 милліона рублей).— Главнѣйшія предметъ привоза составляли: хлопчатая бумага (около 43½ милліоновъ рублей) и сахаръ сырецъ (болѣе 27½ милліоновъ рублей); ошвоза — сало (около 35 милліоновъ рублей), хлѣбъ разный (болѣе 16 милліоновъ рублей), пенька (до 13 милліоновъ), полотно (до 7½ милліоновъ).

Въ Московской Складочной Таможнѣ, въ 1831 году, выпущено изъ пакгаузовъ, привозныхъ шоваровъ на 4,949,042 р. 75 к., ошвозныхъ на 883,942 р. 60 к.—

Таможенныхъ доходовъ поступило 925,508 рублей, 89½ коп.—Въ 1823 году, всѣхъ привозныхъ товаровъ очищено было по Московской Таможнѣ пошлиною только на 400,652 р; въ 1826 году, сумма ихъ не превышала 1,297,394 р. 65 к.—Съ шѣхъ поръ, постоянно возвышаясь, возрасла она почти до 5-ми милліоновъ.

Выспавкъ, бывшей въ присутствіи Государя Императора, въ Кремлевскомъ Дворцѣ, публика объявляя свидѣніемъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и превосходныхъ учебныхъ заведеній, въ Москвѣ находящемся. Мы разумѣемъ Архитектурное Училище, учрежденное уже съ нѣсколькихъ лѣтъ при бывшей Кремлевской Экспедиціи. Едва вѣроятно, какими малыми средствами успѣлъ нынѣшній почтенный начальникъ сего училища довести оное до высокой степени совершенства. Теперь, подъ названіемъ *Московского Дворцоваго, Архитектураго училища*, полезное заведеніе сіе получило отъ щедрости Монаршихъ ушаевъ и шпатавъ (утвержденные Ноября 20, 1831 г. въ Москвѣ): Опредѣлено, ежегодно отпускаемы для содержанія училища 40,000 рублей. Учащимъ и учащимся даны важныя преимущества и поощренія.

С М Ъ С Ъ.

Въ Парижскомъ *Journal des Artistes* помѣщено было недавно описаніе перевозки камня, составляющаго подножіе статуи Пепра Великаго, въ Спбургъ. По поводу сей статуи, выдано въ Парижъ описаніе перевозки колокольни, безъ всякаго оной поврежденія. Это удивительное дѣйствіе Механики произведено въ 1776 году, Марша 26-го, въ Крещенствѣ, въ бывшемъ Департаментѣ Сезіа. Колокольня была кирпичная. Передвигалъ ее проспой каменьщикъ, по имени Серра. Онъ шакъ былъ увѣренъ въ успѣхъ своего предпріянія, что сынъ его звонилъ въ колокола, когда колокольня двигалась. Достоверность сего случая подтверждается офиціальными документами. Нѣсколько лѣтъ пому писала что передвиганіе домовъ сдѣлалось будто-бы самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Сѣверной Америкѣ. О строителѣ нашего Успенскаго Собора, Архитектѣ Болонскомъ, шакже осталось преданіе, что онъ передвинулъ въ Пизѣ огромную башню съ одного мѣста на другое, безъ всякаго поврежденія оной.

Баронъ Гумбольдтъ приводитъ къ окончанію сочиненіе свое: *Физика міра* (*Physique du monde*). Въ засѣданіи Парижской Академіи наукъ, бывшемъ 23 Мая, 1831 г. онъ читалъ ошривокъ, о физическихъ причинахъ извращенія изомерическихъ линій. Нѣсколько диссертацій издано уже Гумбольдтомъ о

разныхъ резульшатахъ, извлеченныхъ имъ въ путешествіи его по Сибири. Въ засѣданіи Парижской Академіи наукъ, Іюля 18-го, онъ читалъ диссершацию, подъ названіемъ: *Considérations sur les climat de l'Asie et sur la température du sol dans ses rapports avec la conservation des parties molles des animaux antédiluviens* — предметъ, чрезвычайно любопытный. Въ *Annales des voyages* мы читали уже разсужденіе Гумбольдша, о волканахъ и горныхъ хребтахъ Азіи. Свѣтлыя и глубокія мысли отличаютъ это сочиненіе знаменитаго ученаго.

Августа 9-го, Французская Академія раздала награды и медали, копорыя, по завѣщанію Моншіона, должна раздавать она за примѣры добродѣтелей, и за признанныя полезнѣйшими для нравовъ сочиненія, напечатанныя въ теченіе года. По первому отдѣленію, Академія раздала за 1831-й годъ *четыре* награды и *одиннадцать* медалей. По второму отдѣленію, Г-нь Тюро получилъ 6,000 франковъ за книгу свою: *Introduction à l'étude de la philosophie*; Г-нь Моншейль 4000, за книгу: *Moeurs des Français aux XIV-e et XV-e siècles*; и — *прескутный* Бульи 2,000 франковъ за свои *Contes populaires*. — На задачу: *De la charité considérée dans son principe, dans ses applications et dans son influence sur les moeurs et sur l'économie sociale*, Академія получила сшоль много рѣшеній, что не успѣла обсудить ихъ къ своему засѣданію. Снова на 1832-й годъ предложена Академіею задача: *De l'influence des lois sur les moeurs et des moeurs sur les lois*. — *Десять тысячъ* франковъ опредѣлено Академіею, за признанную лучшею тра-

гедію, изъ числа пѣкъ, которыя появляшся во Франціи, съ 9 Августа 1831 года до 9-го Августа 1834 года. Трагедія должна бытъ сочинена Французомъ, представлена и напечатана во Франціи, и при томъ такая, qui réunira au mérite littéraire le mérite non moins grand d'être utile aux moeurs et aux progrès de la raison.

Въ Графствѣ Кентскомъ (въ Англiи), подѣ Винчипа, на шакъ называемомъ, Зеленомъ полѣ (Green-Field), открыли въ землѣ старый кувшинъ. Въ немъ найдено нѣсколько монешъ XVI-го вѣка, спаринный кивжалъ, и лоскушокъ пергамента, съ слѣдующими словами, (на старомъ Англійскомъ языкѣ):

» Предсказаніе, učinенное сего 1550 года, Января 12 д.—Въ 1831. году будущъ сильныя машежи, и земля ваша станешъ на край гибели. Но явшися » поколѣніе людей, обильныхъ добродѣтелями и » дарованіями, и возобновяшь они землю вашу въ » ея силѣ, и приведушь народъ вашъ къ жишю » благоденственному, и власшь, обращенная про- » шивъ испинныхъ и законныхъ ея владыкъ, будешъ » имъ возвращена. »

Увѣряюшь, что все доказываетъ неподдѣльность сей находки. Но когда вспомнимъ, что явилась она шеперь въ Англiи очень кшаша, когда идушь сильныя споры о Парламентскихъ выборахъ, шо — признаемся — не лзя не усомнишься въ достоверности находки!

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 22. *Ноябрь* 1831.

КОМЕДІЯ

О ЖЕНСКОМЪ УБОРѢ, НАЗЫВАЕМОМЪ: *селгикъ*, или
ВЕЛИКІЯ ДѢЛА ОТЪ МАЛЫХЪ ПРИЧИНЪ.

ПРОЛОГЪ.

Здѣсь увидишь ты, чашашель, человекъ почтенный,
И вы, моя чашашельница; старая или молодая,
Все равно почтенная, ибо я, авторъ смиренный,
Къ дамамъ должное уваженіе соблюдая,
Всѣхъ ихъ считаю, не по лѣтамъ, по уму и сердцу
Милыми, прекрасными — увидите вы оба,
До чего людей доводишь женская ссора и злоба.
« Женское сердце, кислое укуса и горче перцу » —
Говорилъ, мнѣ помнится, философъ Сенека,
И шакъ ужъ видно завелось ошъ вѣка до вѣка,
Что когда курица пѣшухомъ запоеть, шакъ бѣдѣ
случишься.

Прошу на нашей комедіи повеселиться.

А если кому не понравятся сіи шушки докуменшы,
Мы въ оправданіе представимъ наши аргуменшы:
« *Правда глаза колеть!* » Просимъ не сердиться. —

Добровъ. (*входя въ комнату*) Я рѣшился помирить ихъ, и надѣюсь на полный успѣхъ.

Разумовъ. А я вовсе не надѣюсь, и думаю что ты принялъ на себя напрасный трудъ.

Добровъ. Но опъ чего-же ты такъ думаешь?

Разумовъ. Опъ того, что ты встрѣпишь непобѣдимыя препятствія, какихъ, конечно, вовсе не предполагалъ.

Добровъ. О! нѣтъ, мой милый другъ! Я все обдумалъ, все устроилъ.

Разумовъ. Не вѣрю!

Добровъ. Хорошо. Слушай-же. Дѣло въ томъ, что родня моя ссорится за наследство дяди?

Разумовъ. Да.

Добровъ. Они разсорились рѣшительно, и уже начали кормить судей и подьячихъ самую запущанную паязбу, которую приказные могутъ пропаянуть до скончанія міра, или, вѣрнѣе скажешь, до скончанія кармана обоихъ соперниковъ?

Раз. Да.

Добр. Оба соперника, если не совсѣмъ дураки, то и ума недалняго.

Раз. Не пошому-ли ты такъ думаешь, что зашъвашъ раззорительную паязбу, изъ бездѣлицы, когда и безъ паязбы достается большое состояніе — глупо?

Довр. О нѣтъ! Глупость дѣла не доказываемъ еще, что дѣлающій его дуракъ. Самые величайшіе умники дѣлаютъ и самыя величайшія глупости. И потому-то, надѣюсь я, что моя родня сдѣлаютъ умное дѣло.

Раз. Потому, что они дураки?

Довр. Именно, между нами сказано.

«Свѣтъ — Комедія смѣшная,»
 Мудрецы твердятъ давно.
 Глупымъ роль въ немъ большая,
 А играютъ всё умно,
 И актеры, и актрисы,
 Въ роляхъ трудныхъ и большихъ... .

Опъ чего?

Умъ поставленъ за кудасы
 И подучиваетъ ихъ!

Раз. А, такъ ты принимаешь на себя роль закулиснаго суфлера, и будешь умомъ для швоей роденьки? Честолюбецъ! да какъ ты осмѣливаешься думать, что умъ *хоть однажды* покоритъ и побѣдитъ глупость? Да какъ ты рѣшаешься такъ смѣло и дерзко разрушать жинейскій порядокъ? Посмотри, что ты османишься у всѣхъ виновать, и, можешь быть, навяжешь себѣ еще большихъ хлопотъ!

Довр. Доброе мое намѣреніе заставитъ меня терпѣливо переносить неудачу. Я увѣренъ, что съ глупостью я слажу.

Раз. Хорошо, но ты забылъ, что у обоих соперников есть по жене. А съ двумя женщинами поладишь сильнее, нежели съ двумя десятиками стихотворцевъ. И оба они перпеть не могутъ другъ друга. Говоришь-ли еще, что у обоихъ есть шма прихожей, капризовъ: вѣдь онѣ женщины! Да, ты вовсе голову пошерля!

Довровъ. Неправда: я хочу другимъ головы приспавишь Дѣло простое: шажба раззоришь соперниковъ; лучше помирись. Надобно шолько вразумишь ихъ, и все кончено.

Разумовъ. Какъ ты легко дѣла рѣшаешь! Если-бы можно было *вразумлять* людей, то на землѣ было-бы не жишь, а рай.

Вразуми, чшобы къ вельможѣ
 Былъ уму свободный входъ,
 И чшобъ въ княжеской прихожей
 Не сидѣлъ пустой народъ.
 Вразуми, что чинъ, добышой
 Лбомъ и гибкою спиной,
 Не покровъ, и не защита
 Злу и подлости смѣшной;
 Вразумишь возмись писаку,
 Что въ размолвкѣ онъ съ умомъ,
 Что писательшва отвагу
 Мы умомъ не признаемъ,

и прочая, и прочая, и тысяча разъ прочая.—
 Вразуми всю эту тысячу, и золошой вѣкъ на-

спушишь при шебѣ, какъ во времена Сашур-
новы Чшо: не берешься?

Добровъ. Взятся-бы, да вѣка моего не доспанешъ.
Но я увѣренъ, что люди съ намѣреніемъ зла и
глупостей не дѣлаютъ. Только надобно имъ
располковать поумиѣе.

Разумовъ. Ну, какимъ образомъ начнешь ты,
напримѣръ, съ своими дядюшками и пещуш-
ками?

Добровъ. О, планъ у меня прекрасный! Я
употреблю всѣ хитрости, всѣ способы. Ты
знаешь, что дядѣ Чудакову грамота не далась.
Я хочу его напугать пшажбою, но ещѣ рас-
полковать ему сущность дѣла. Пусть взгля-
нешъ онъ ябедѣ въ глаза поприспальнѣе, и тогда
навѣрное испугается. У меня собрано въ каби-
нетѣ полдюжины опытныхъ честныхъ юристовъ,
и они ему все изъяснятъ.

Разумовъ. Шестеро честныхъ подьячихъ! Да
откуда Богъ далъ тебѣ такую рѣдкость?
Показывай свою коллекцію за деньги — ты раз-
богатишься! Народъ толпами сбѣжился.

Добровъ. Ты все шупишь. Слушай далѣе.
Жена его добрая мать семейства, хоть и есть
въ ней причуды. Я поговорю съ ея сердцемъ,
предскажу ей будущую участь дѣтей, раззо-
реніе — и такъ далѣе.

Разумовъ. Ну, а съ другой парочкой?

Довровъ. Другой дядя — подь эшого прудно было подыскашся, но я нашель дорогу. Онъ-сueвѣрeнь, въ самой смѣшной степени: я его напугаю, шакъ, что онъ забудеть о шяжбѣ. Жена его шакая спорщица, что съ ней надобно шолько заспорить, шо она вѣрно согласишся. Ну, что? Каково все обдумано?

Разумовъ. Довольно остроумно, и я боюсь, чтобы шы въ самомъ дѣлѣ неуспѣль, но — берегись однакожь. Часо вздоръ какой нибудь разрушаешъ все.

Довровъ. Неужели шы вѣришь случаю? Какъ тебѣ не спыдно!

Разумовъ. Чего спыдишся, когда люди всего больше кланяюшся случаю, и шолько шого и добиваюшся, чтобы выйдши въ случай. Еще сомнѣнiе: если помирясь, они ошяшь поссоряшся?

Довровъ. Вошь еще! Неужели шы хочешъ, чтобы я и за попомковъ ихъ ручался!

(Слышенъ голосъ Чудакова: «Дома?»)

Довровъ. Спрячься, уйди, чтобы онъ тебя не видалъ.

(Разумовъ скрывается)

Чудаковъ. Ну, вошь и я къ тебѣ! Здорово, племянникъ!

Довровъ. Здравствуйте, любезный дядюшка.

Чудаковъ. Что, брашъ, здравствовашъ плохо !

Добровъ. Какъ плохо, дядюшка ? Вы, слава Богу, на худобу пожаловашъ не можете.

Чудаковъ. Что и въ полцинѣ. Дѣла съ ногъ сбили — такое время пришло — худое, брашъ, худое !

Охши ! какіе годы :

Вездѣ неурожай ;

Умножились расходы ,

Все дай , да подавай !

Въ Ломбардѣ плашишь придешъ ,

Не говори : гдѣ взять ?

Сберешъ-ли , займетъся —

Изволь-ка отдавашъ .

И шали , блонды , моды ,

И сѣно , и дрова ,

И люди — все расходы . . .

Вершишъ голова !

Добровъ. Тѣмъ болѣе, дядюшка, должны вы внимать доброму совѣту людей, искренно польз вамъ желающихъ.

Чуд. Ну ! шы опять запоешь мнѣ о прекращеніи нашей шажбы ? И не говори !

Добр. Вы позволили мнѣ . . .

Чуд. Рѣшишельно, ничего не позволяю.

Добр. Вы позволили мнѣ предсхавишь вамъ нѣсколько знающихъ людей.

Чуд. А, вошь это другое дѣло, и объ этомъ я себя, любезный племянничекъ, истинный другъ

мой и благодѣшель, покорно прошу! Когда-бы
эшо сдѣлать?

Довр. Уже сдѣлано. Я за пѣмъ васъ сего-
дни къ себѣ и просилъ, что у меня собрались
уже дѣловые, опытные люди.

Чуд. Собрались! Ахъ, шы, опецъ родной!
Гдѣ-же, гдѣ эши спасишели, опцы, мило-
спивцы?

Дай воздухомъ приказнымъ мнѣ дышашъ,
На пальцы ихъ, чернильные, взглядышся,
Указами дуцѣ моей согрѣшся,
И съ просьбами о горѣ забывашъ!
О прошоколь! сердечная ошрада,
О справка! рай души моей —
Люблю себя, приказная громада!
Люблю, люблю приказныхъ и судей!

Охъ! не привелъ меня Богъ бышь челоувѣкомъ
приказнымъ! Чшо дѣлать! Судей-шо бышь и я
могъ-бы—велика-ли важность дѣла подписывашъ?
Но грамоша мен я сѣла... О башюшка, башюшка,
о машушка, машушка! на васъ грѣхъ: не учили
вы меня, худо вы меня сѣкли... Теперь, вмѣсто
шого, чшобы наживань — проживаю шолько! Чшо
съ нашими деревнишками? Градъ, дождь, морозъ,
саранча — не взошло, выбило, сгорѣло... и
играй себѣ въ дудку, да поплясывай! А приказ-
ный челоувѣкъ—не боишся ни дожда, ни грому, ни
саранчи. Его поле лучше воловъ вспашушь про-

сипели, лучше сѣмень застѣють паябмы, лучше серповъ сожнушь перья, и лучше магазиновъ сберегушь указы! — Гдѣ-же они? — Извини, что я перебилъ твою рѣчь...

Добр. Они ждуть насъ въ кабинетѣ моемъ.

Чуд. Ждутъ! Вошь диковина какая: судьи и приказные ждутъ! Пойдемъ, пойдемъ къ нимъ.

Добр. Я въ слѣдъ за вами (*Чудаковъ уходитъ*) — Поплелся? Хорошо. Теперь пригоповимъ другому ловушку. Разумовъ, другъ мой! (*Разумовъ входитъ*) Объяснилъ-ли шебѣ мой колдунъ все дѣло?

Разумовъ. (*сѣется*) Все слышалъ.

Добр. Оспавайся-же здѣсь, и пожалушна сведи съ послѣдняго шолку моего другаго дя-
дюшку.

(*уходитъ*)

Раз. Сводишь съ ума! Да развѣ я дѣвушка? или знатный баринъ? Впрочемъ, почему не пособишь доброму человѣку; только не напрасная-ли будешь забота...

Нашъ свѣтъ, предрахлаый старичишка,
Проживъ семь тысячъ слишкомъ лѣтъ,
Послѣдній прожилъ свой умишка,
И спалъ — почти безъ-умный свѣтъ.
И самый умъ такъ исшался,
Что гдѣ хожать поживъ съ умомъ —
Народъ, посмотришь, и взбѣсился,
И все посшавишь къ веру дномъ.

Гдѣ умъ , шамъ — говорять — бышь худу!
 Ужь не одинъ замѣшилъ я,
 Чшо люди добрые , повсюду,
 Ума бояшся , какъ огня.

Идешъ , кажешся ? Приготовимся !

Чухломскій. (занесши лѣвую ногу , остававли-
 вается) Ахъ ! чшо за разсѣянность ! (ступа-
 етъ въ комнату правою ногою) Но гдѣ-же хо-
 зяинъ ? (Разумову) Позвольте узнать : мнѣ
 сказали , чшо племянникъ мой дома ?

Раз. Точно шакъ. Онъ вышелъ на минушу , и
 сей часъ явился. О Боже мой , Боже мой !

Чухл. Подождемъ. (садится)

Раз. Чшо шеперь мнѣ дѣлашь ? Не знаю , не
 понимаю !

Чухл. Если осмѣлюсь спросишь Васъ — изви-
 нише мою нескромность — не случилось-ли чого
 нибудь въ здѣшнемъ домѣ ? Всѣ-ли здоровы ? Все-
 ли благополучно ?

Раз. Здоровы , сударь , всѣ . Какъ пособишь
 бѣдѣ ? На чшо рѣшишься ? Чѣмъ предупредишь
 зло ?

Чухл. Извинише мою доuku ; но ваше безпо-
 койство — ваше смущеніе — позвольте мнѣ у-
 знать...

Раз. Вы мнѣ не пособише , а , можешъ бышь,
 еще спанете смѣяться — я не имѣю чеспи васъ
 знать...

Чухл. Я, сударь, Доснеей Дороееевъ Чухломскій, дядя Г-на Доброва, хозяина здѣшняго дома.

Раз. Какъ? Эпо вы, вы, почтеннѣйшій Доснеей Дороееевичъ? Позвольте мнѣ препоручить себя вашему знакомству, и извините, ради Бога, что я васъ обезпокоилъ своимъ горемъ.

Чухл. Радъ буду услужить вамъ — вѣдь вамъ не денегъ надобно — надѣюсь?

Раз. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! У меня денегъ куры не клюютъ. Вошъ бѣда моя — но вы спанеше смѣяшся!

Чухл. Сдѣлайте милость, скажите.

Раз. Скажите прежде вы сами: вѣрише-ли вы примѣшамъ?

Чухл. Примѣшамъ? Да какъ-же не вѣришь!

Раз. Вѣрише-ли вы снамъ?

Чухл. Снамъ? Но неужели имъ не должно вѣришь?

Раз. Вѣрише-ли вы предчувствіямъ?

Чухл. Да помилуйте! Ужъ всегда, если я лѣвой ногой съ кровати спущу, голова у меня заболишь; всегда, если вижу во снѣ, что зубъ у меня выпалъ, кто нибудь да умреть; всегда, если шоска беретъ меня, такъ, что вошъ подрался-бы съ кѣмъ нибудь — того и смопри, что съ женой поссорилъ...

Раз. Вошь нахожу я въ васъ человекѣ, кошорый разсуждаетъ благоразумно. Но естъ шма людей, кошорымъ, что ни говори — шолько смѣюшся!

Чухл. Эшо какіе-нибудь фанфароны, безбожники... Пожалуй, недавно одинъ сказалъ мнѣ, что онъ чоршу *не вѣритъ* (плюетъ) — наше мѣсто свяшо!

Раз. Вошь, сударь, разсудите: вчера, спалъ я одѣваясь, и надѣлъ жилешъ навыворощъ —

Чухл. Ну, эшо значишь, что вамъ бышь пьину, либо бишу.

Раз. Ёду въ госпи...

Чухл. Ну, и васъ прибили?

Раз. Нѣшъ, меня осшавили шолько обѣдашь —

Чухл. Вамъ-бы ужъ поскорѣ напишья, шакъ и бѣси-бы въ воду!

Раз. И разсыпалъ я соль за споломъ!

Чухл. Охъ! эшо кулаками шакъ и пахнешъ!

Раз. Испугался я — глядь: насъ за споломъ-шринадцашъ!

Чухл. Несчастный!

Раз. Тогда вспомнилъ я, что и день-шо — понедеѣльникъ!

Чухл. Я... я шренещу за васъ: вамъ не сдобровашъ!

Раз. Но разсудише, что все это не могло-же даром случиться въ одинъ день : это шушки какого нибудь злаго челоуѣка.

Чухл. О , весьма , всего вѣрояшнѣ !

Раз. Вошъ я и прибѣжалъ шеперь къ Доброву , чтобы онъ мнѣ помогъ.

Чухл. Какъ ? Да будпо онъ знаетъ что нибудь ? Онъ , кажешся , ничему шакому и не вѣришь...

Раз. О , шакъ онъ передъ вами секретничаешъ ! Помилуйше , онъ вѣришь всему : мершвецамъ —

Чухл. А , а !

Раз. Домовишъ и вѣдьмамъ —

Чухл. О , о !

Разс. Снамъ , примѣшамъ , предчувствіамъ , заговорамъ , приворошамъ , ошворотамъ —

Чухл. Та , ша , ша !

Раз. (тихо) Онъ обѣщаль мнѣ позвапъ — шолько , ради Бога , никому ни слова — позвапъ одного — но вы разболшаше , и мнѣ бѣда —

Чухл. Провались я въ шаръ-шарары , если скажу словечко , хопъ самому себѣ...

Раз. (тихо) Онъ обѣщаль позвапъ сегодня знахара , Паншелея колдуна.

Чухл. Паншелея! Гдѣ-же, гдѣ онъ? Вѣдь это пошъ самый, что живешъ шамъ въ Рогожской?.. Охъ! давно хошѣлось съ нимъ погадать, поворожиться —

Раз. Да знаете-ли, какой это колдунъ?

Чухл. Да за кого вы меня принимаете, Мил. Государь, чтобы я о Паншелеѣ не слыхивалъ? Я вамъ расскажу, кто въ Москвѣ лучше всѣхъ лечитъ заговоромъ лихорадку, кто заговариваетъ зубы, кто по рукамъ узнаетъ, кто сны толкуетъ, кто ворожитъ на водѣ, на кофе, на сухаряхъ, на картахъ, на горохѣ, псалпирью... даромъ, что я провинціалъ, и недавно въ Москву прѣхалъ.

Вошъ этакъ всѣ вы, Москвичи,

За просняковъ считашъ охочи.

Нѣшъ! нашу брашью не учи!

Тягашся съ вами нѣшъ намъ мочи,

Но знаешъ, право, съ васъ, нашъ брашъ,

Хошъ и породы деревенской;

Иной, Рязанскій, иль Смоленскій,

Умомъ не меньше васъ богашъ!

Раз. Я и не думалъ такимъ образомъ судить о васъ, но шолько не зналъ...

Чухл. Говорите-ка поскорѣе: что-же Паншелей?

Раз. Да ничего. Какая-то барыня увезла его изъ Москвы верспъ за сорокъ, заговаривать зубы.

Чухл. Эшакая досада!

Раз. Но вамъ-шо что?

Чухл. А шо, что кшаши и я-бы поворожилъ.— Охъ! у меня ешь одна заноза въ сердцѣ... ужь куда какъ больно можжишь!... Но, послушайте: неужели племянникъ, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ скрывалъ отъ меня, что онъ вѣришь...

Раз. Чему-же вы дивипесь?

Что шеперь на бѣломъ свѣтѣ
 Не припрятавшись живешь?
 Дамы спрятаны въ корсешъ,
 Деньги спрятались въ расходъ,
 Совѣшь мѣлочью въ народъ,
 Капиталь ея весь скрышь,
 И, въ похвальной, громкой одѣ,
 Смѣлый спрятался пипъ.

Чухл. А, такъ спало бышь у васъ въ Москвѣ шеперь шакая мода, что всё въ жмурки играють... Но что это — слышите?

(Грубый голосъ въ другой-комнатѣ)

Раз. Ахъ, меня морозомъ подрало по кожѣ! Вѣдь это — Паншелей! Видно, онъ прѣвхалъ...

Чухл. Что-же бояться? Давайте его сюда — поколдуемъ, поворожимъ!

Раз. Что вы это расхрабрились? Да какъ онъ разсердился, и перекинешъ васъ оборотнемъ — собакой, либо волкомъ?

Чухл. Ахъ ! въ самомъ дѣлѣ. Вошь шебѣ на—
пропадешъ ни за копѣйку !

Раз. Я такъ распроенъ , что пойду не-
много собравъ съ духомъ. (*поспѣшно уходитъ*)

Чухл. Да куда-же вы ? Я оспаюсь одинъ ,
съ эшимъ бѣсовымъ сыномъ... Ахъ ! нѣшъ бишь—
добрымъ человекомъ ! (*громко*) Я всегда его
и за очи уважалъ : за что-же ему на меня гнѣ-
вашься...

(До слѣд. N°)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

L'une des plus jolies comme aussi des plus nouvelles couronnes ou guirlandes à *la Cérès* que l'on puisse voir sur la tête d'une belle danseuse, aux cheveux noirs, ou aux cheveux blonds, ou aux cheveux bruns (la couleur n'y fait rien), se compose de la réunion de quatre espèces d'épis de froment, artistement mélangés : les uns vert-vert, les autres vert-jaune; ceux-ci en or, ceux-là en argent, l'effet de ce mélange est délicieux.

A un bal, une coëffure à l'athénienne était ornée d'une guirlande en feuilles de chêne, en satin vert, parmi lesquelles brillaient des glands en or, parfaitement imités; après avoir traversé le front, comme une ferronnière, cette guirlande formait spirale autour de la nate de cheveux formant le chou derrière la tête.

Nous avons vu, dans les magasins, des crêpes de Chine blancs, à raies satinées et impressions, d'un charmant effet en robes de soirées, et, pour robes du matin, des stoffs petits damiers, vert et noir, rouge et noir, bleu et solitaire, qui font une nouveauté tout-à fait de saison.

(*) Въ Парижѣ, до 31 Декабря (и. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Les robes de bal n'ont jusqu'à présent aucune garniture ; nous entendons par le mot garniture un ornement qui s'applique, à une hauteur quelconque, autour de la jupe.

Une charmante nouveauté qui, par l'excès de vérité avec lequel elle est imitée, fait honneur au talent de M. Cartier fils, fleuriste, est une grosse rose, qu'il nomme la rose à gouttes d'eau. Cette fleur semble avoir sur l'un de ses pétales et sur quelques-unes de ses feuilles des gouttes d'eau, on ne peut mieux imitées, et qui, à la lumière, jettent l'éclat des diamans. Déjà plusieurs dames ont adopté cette rose, qui doit faire fureur cet hiver.

Одна изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ новыхъ гирляндъ à la Cérés, на головѣ танцующей дамы, бѣлокурой, или съ волосами черными, или шемными — пошому что цвѣтъ волосовъ не значить ничего — дѣлаешся изъ чешырехъ разныхъ родовъ колосьевъ пшеницы, искусно перемѣшанныхъ : зеленыхъ, зеленожелтыхъ, золотыхъ, и серебряныхъ. Это смѣшеніе очаровательно для глазъ.

На одномъ балѣ, прическа *Аониска* была украшена гирляндою изъ дубовыхъ листьевъ, сдѣланныхъ изъ зеленого апласа: между ими блискали зо-

ПАРИЖСКІЯ , МОДЫ.

лошые жолуди , превосходно сдѣланные. Такая гирлянда , прошедши , на подобіе ферроцьеры , по лбу , виншобразно окружаетъ плешушку волосовъ , которая образовываетъ кочанъ назадъ головы.

Въ магазинахъ Парижскихъ продается Кишайскій бѣлый крекъ , писневый и съ атласисшими полосами , прелесный для вечернихъ плашьевъ ; для ушренныхъ-же въ модѣ шпофъ , съ узоромъ шахматной доски , зеленымъ и чернымъ , краснымъ и чернымъ , голубымъ и солишеръ. Эшо настоящая зимняя мода.

Бальные плашьа донинѣ дѣлаются безъ всякой уборки кругомъ юпки.

Явилось новое изобрѣшеніе , дѣлающее честь цвѣточному мастеру Г-ну Карше: эшо , большая роза , названная имъ *вспрыскутою водою*. На эшомъ цвѣткѣ видны капли воды ; онѣ висятъ на лепесткѣ и на листьяхъ , шакъ естешвенно , шакъ очаровашельно ! При освѣщеніи , блескъ ихъ подобень блескубриліяншовъ. Уже многія дамы носятъ эшу розу , и вѣроятно , что нынѣшнею зимою она войдетъ въ страшную моду.

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Прическа, увитая золотомъ, и украшенная гирляндю вишнеобразно. Плащъ, убранный лентами и цвѣтами.

Мужина. Верхній сюршукъ à jure, и съ широкими лацканами. Фракъ съ золотыми пуговицами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи предпавлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 22 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

№ 22. Мод. Мав 1831 г.

Во Пажурно 20 Декабря (мг) 1831.

ДИВЪ И ПЕРИ. Поѣсъи въ стихахъ. Соч. А. Подолинскаго. Сиб. 1827 г.; въ бумагахъ 5 рубл. асс.

DICTIONNAIRE GÉOGRAPHIQUE-HISTORIQUE DE L'EMPIRE DE RUSSIE, contenant: le tableau politique et statistique de ce vaste pays, les divisions anciennes et nouvelles des contrées, villes, bourgs; leur position géographique, leur histoire, leurs productions naturelles et industrielles, leur commerce, la population, les mœurs, coutumes, religions des habitans de cet Empire; par N. S. Vsevolozky. 2ème édit. augmentée d'un Supplément qui contient: le royaume de Pologne, la Bessarabie, la partie de la Finlande réunie à la Russie etc. par M. Allart. 2 v. in-8°. br.—15 r. ass.

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ. Историческій-романъ О. Булгарина, въ 4-хъ частяхъ. Сиб. 1830 г.; въ бум. 20 рубл. асс.

Всѣ вышеозначенныя книги шибше продаются въ Курскѣ, у книгопродавца Д. И. Полеваго, въ личной его лавкѣ, состоящей на Московскомъ улицѣ, къ домѣ Пашова.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

~~CANCELLED~~
96453

JUN 3 1955 H

CANCELLED

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

~~CANCELLED~~
96430

JUN 3 1954

CANCELLED

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

4
296430
CANCELLED

JUN 3 1955
MAN 185H

CANCELLED

